

О П И С А Н І Е
ПРИМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ
КОРАБЛЕКРУШЕНІЙ,

ВЪ РАЗНЫЯ ВРЕМЕНА СЛУЧИВШИХСЯ.

Сочиненіе Господина Дункена.

СЪ АНГЛІЙСКАГО

перевелъ и пополнилъ

ПРИМѢЧАНІЯМИ И ПОЯСНЕНІЯМИ,

ВЪ ПОЛЬЗУ

РОССІЙСКИХЪ МОРЕПЛАВАТЕЛЕЙ,

Флота Капитанъ-Командоръ

ГОЛОВНИНЪ.

**Напечатано по повелѣнію Государственнаго Адмиралтейскаго
Департамента.**

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ,

УДОСТОЕНО МОРСКИМЪ УЧЕНЫМЪ КОМИТЕТОМЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ Н. ГРИЧА.

1853.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ
Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

С. Петербургъ, 18-го Іюля 1852 года.

Ценсоръ *А. Крыловъ*.

О Г Л А В Л Е Н И Е

ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

	Стр.
Крушение англійскаго остъ-индскаго корабля Гровеноръ, погибшаго на берегахъ Кафрарин, 4-го Августа 1782 года, и бѣдствіе, претерпѣнное экипажемъ оного въ послѣдствіи	1
Гибель американскаго корабля Геркулесъ, сокрушившагося 16-го Іюня 1796 года, на берегахъ Кафрарин съ описаніемъ путешествія, совершеннаго спасшимся экипажемъ до Мыса Доброй Надежды	37
Бѣдствія, претерпѣнныя шестью артиллерійскими солдатами, бѣжавшими съ Острова Св. Елены на судиѣ въ Бразилію.	68
Гибель англійскаго литійнаго корабля Резистансъ, подъ начальствомъ Капитана Пакеитамы, взорваннаго на воздухъ въ проливъ Банки, 24-го Іюля 1798 года	73
Крушение англійскаго 44-хъ-пушечнаго фрегата Фениксъ, въ 1780 году, у береговъ острова Кубы	83
Гибель англійскаго остъ-индскаго корабля Доддингтонъ, разбиившагося на неизвѣстномъ каменистомъ острову, въ открытомъ морѣ, 17-го Іюля 1755 года	104
Опасное плаваніе Лорда Гатчинсона на Англійскомъ фрегатѣ Астрей, въ 1806 году	127
Гибель англійскаго фрегата Астрей, разбиившагося въ 1808 году, на островъ Анагадъ.	130
Крушение американскаго корабля Цвѣтушая Роза, погибшаго на берегахъ Южной Каролины, въ Августъ 1806 года	132
Разбитіе англійскаго фрегата Бланшъ, на французскихъ берегахъ, 9-го Марта 1807 года. Описано бывшимъ командиромъ оного, Капитаномъ Сиромъ Томасомъ Леви	136
Крушение Англійскаго Остъ-Индскаго корабля Фаттисаламъ, погибшаго 28-го Августа 1761 года на Коромандельскомъ берегу	139
Гибель Англійскаго Остъ-Индскаго корабля Даттонъ, разбиившагося на югозападной сторонѣ горы Баттенъ, 26-го Января 1796 года	156
Крушение транспортнаго корабля Дромедари, подъ начальствомъ Капитана Тейлора, на пути къ острову Троицы (<i>Trinidad</i>), 10-го Августа 1800 года	157

О П И С А Н І Е

ПРИМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ КОРАБЛЕКРУШЕНІЙ.

—
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Крушеніе англійскаго остъ-индскаго корабля Гровенора, погибшаго на берегахъ Кафраріи, 4-го Августа 1782 года, и бѣдствія, претерпѣннаго экипажемъ онаго въ послѣдствіи.

Въ безчисленномъ множествѣ бѣдствій, коимъ подверженъ родъ человѣческій, мало такихъ, которыя превзошли бы жестокостью злосчастную участь, испытанную, по опредѣленію судьбы, экипажемъ корабля Гровенора. Всякое кораблекрушеніе, даже и сопровождаемое наименѣе пагубными слѣдствіями, есть уже бѣдствіе, наполняющее сердце ужасомъ! Но можно ли сравнить мгновенную смерть съ горестнымъ положеніемъ тѣхъ несчастныхъ, которые должны бороться съ голодомъ, жаждою, наготою; которые спаслись отъ разъяренныхъ волнъ для того только, чтобъ сражаться съ свирѣпыми хищными звѣрями, и еще съ свирѣпѣйшими и тѣхъ, дикими народами, которые, бывъ отлучены отъ просвѣщеннаго міра, продолженіе своей жизни почитаютъ только продолженіемъ мукъ, на смертномъ одрѣ претерпѣваемыхъ!

Корабль Гровеноръ, возвращаясь въ Англію, отправился изъ порта Тринкомалей 13-го Іюня 1782 года, и не встрѣтилъ ничего достопримѣчательнаго до 4-го Августа: пагубный день его крушенія!

Послѣднія двое сутокъ предъ тѣмъ погода была бурная и пасмурная, лишившая офицеровъ способа опредѣ-

Часть III.

лить мѣсто свое астрономическими наблюденіями, а близость корабля къ берегу подвергла оный дѣйствию сильнаго теченія, которое произвело въ счисленіи погрѣшность, сдѣлавшуюся причиною его гибели. Начальникъ, Капитанъ Коксопъ, за нѣсколько часовъ до нашествія корабля на мель, утверждалъ, что, по его счисленію, они находились, по крайней мѣрѣ, не менѣе ста лигъ (*) отъ берега, и это увѣреніе повергло несчастный экипажъ въ пагубную безпечность!

Одинъ изъ вахтенныхъ матросовъ (Джонъ Гаипсъ), находившійся на марсѣ, первый увидѣлъ бурунь передъ носомъ, и спросилъ своихъ товарищей, не правда ли, что волненіе впереди походить на береговой прибой. Увидѣвъ это, они увѣрили его, вопреки капитанскому объявленію, что это точно берегъ, и немедленно сообщили о томъ старшему вахтенному офицеру; но молодой человѣкъ, полагаясь на счисленіе, только смѣялся надъ *пустымъ*, по его мнѣнію, страхомъ. Тогда одинъ изъ матросовъ бросился въ каюту, и увѣдомилъ обо всемъ происходящемъ на шканцахъ самаго капитана, который въ минуту выскочилъ наверхъ, и приказалъ поворачивать чрезъ фордевиндъ. Но прежде нежели приказаніе было исполнено, корабль ударился килемъ о дно. Жестокій ударъ разбудилъ весь экипажъ, и какъ пассажиры, такъ и служители немедленно выбѣжали наверхъ.

Капитанъ старался успокоить пассажировъ, и уговаривалъ ихъ, чтобъ они ничего не боялись. По приказанію его, смѣрили воду въ льялѣ, и нашли, что въ кораблѣ течи не было; но это произошло оттого, что корма стояла на камепьяхъ выше носовой части; а вскорѣ послѣ того откры-

(*) Триста миль италіянскихъ: какая пагубная ошибка! Не вѣроятно, чтобъ эта разность могла произойти въ нѣсколько дней отъ одного теченія; надобно думать, что причиною оной была ошибка въ вычисленіи. Это весьма часто случается на корабляхъ, гдѣ одинъ вычисляетъ, а ве многіе, которые могли бы свои выводы сравнивать и повѣрять другъ друга. Этой предосторожности всегда должно держаться, когда только можно.

Прим. перев.

лось, что крюйтъ—камера была полна воды. Между тѣмъ вѣтеръ сдѣлался съ берега, и произвелъ въ пассажирахъ ужасный страхъ: они боялись, чтобъ корабль не унесло въ море; въ такомъ случаѣ они лишились бы всѣхъ средствъ къ спасенію. Капитанъ приказалъ срубить мачты; отчего, однако жъ, корабль не получилъ ни какого облегченія: онъ стоялъ на камняхъ не далѣе одного кабельтова отъ берега, и не было ни какой надежды снять его.

Это страшное приключеніе навело на многихъ необыкновенную робость и отчаяніе, до того даже, что нѣкоторые потеряли умственные свои способности. Но офицеры, сохранившіе присутствіе духа, тотчасъ приступили къ построению плота, на которомъ хотѣли переправить на берегъ женщинъ, дѣтей и больныхъ. Между тѣмъ трое отважныхъ матросовъ, взявъ каждый около себя конецъ дипъ-лотлиня, пустились къ берегу вплавъ; одинъ утонулъ, а двое выплыли, и помощью лотлиней взяли на берегъ конецъ кабельтова, который закрѣпили за камень: причемъ помогали имъ жители, во множествѣ собравшіеся на берегу, чтобъ видѣть такое необыкновенное для нихъ зрѣлище.

Когда плотъ былъ готовъ и спущенъ на воду, тогда сошли на него четверо матросовъ, чтобъ принимать и сажать на него дамъ; но едва успѣли они спуститься на плотъ, какъ онъ повернулся низомъ вверхъ, отъ разрыва перленя, на коемъ онъ держался у борда, отчего трое изъ нихъ потонули. Послѣ этого несчастнаго случая, каждый сталъ помышлять о своемъ собственномъ спасеніи. Въ это время большой катеръ и ялъ были уже разбиты буруномъ, слѣдовательно экипажу оставался только одинъ способъ спасти себя: посредствомъ кабельтова, закрѣпленнаго на камняхъ, перебираться другъ за другомъ съ корабля на берегъ. Этимъ способомъ многіе счастливо достигли берега, а около пятнадцати человѣкъ потонули.

Вскорѣ потомъ корабль переломился надвое у самой гротъ-мачты. Къ счастію, вѣтеръ тогда перешелъ въ прежнюю сторону, и дулъ прямо на берегъ; это обстоятельство доставило возможность спастись оставшимся на кораблѣ. Всѣ они собрались на ютъ, ибо корабль стоялъ кормою

къ берегу. Вѣтеръ и волненіе, сильно дѣйствуя на переломившійся корабль, скоро раздѣлилъ корму на части, изъ коихъ ютъ и правая галерея, съ бывшими на нихъ людьми, приплыли на мелководье къ самому берегу; тогда всѣ бѣдствующіе, даже дамы и дѣти, выпли на берегъ благополучно; ибо другія части корабля, пресѣкая волненіе, уменьшали силу буруновъ. При семъ случаѣ лишились жизни только одинъ поваръ и негръ, которые, напившись пьяны, не помнили сами себя.

Экипажъ вышелъ на берегъ вскорѣ по наступленіи ночи, а вечеромъ жители удалились на холмы и не беспокоили его. Англичане развели огонь корабельными обломками и поужинали, набравъ по берегу кое-какихъ съѣстныхъ припасовъ, съ корабля же выкинутыхъ. Изъ парусовъ, прибывшихъ буруномъ къ берегу, поставили они двѣ палатки, въ коихъ помѣстили женщинъ, дѣтей и больныхъ, а всѣ прочіе ходили подлѣ воды и собирали все, что имъ попадалось и было, въ пынѣшнемъ ихъ положеніи, для нихъ нужно.

Поутру 5-го числа жители возвратились къ берегу, и начали, безъ всякихъ околичностей, отнимать у Англичанъ все, что имъ нравилось. Такіе поступки устроили ихъ, а особливо дамъ, которыя боялись, чтобъ они не причинили имъ какого либо личнаго оскорбленія; но примѣтивъ, что дикіе довольствовались грабежемъ, успокоились.

Весь слѣдующій день Англичане употребили на собираніе вещей, нужныхъ для путешествія ихъ къ Мысу Доброй Надежды, къ которому они, по неблагоразумію своему, рѣшились пуститься. Предпріятіе это, навлекшее на нихъ ужаснѣйшія бѣдствія, ничѣмъ не можетъ быть оправдано. Изъ остатковъ разбитаго корабля, они удобно могли построить судно, способное вмѣстить всѣхъ ихъ съ достаточнымъ количествомъ запасовъ, для перехода къ ближайшему голландскому селенію, котораго они могли достигъ безъ малѣйшей опасности. Великія бѣды, однако жъ, лишаютъ людей присутствія духа и обыкновеннаго благоразумія; это самое случилось съ экипажемъ корабля Гровенора: они, избѣжавъ отъ гибели на морѣ, страшились

опять вѣрить судьбу свою непостоянной стихіи, и не размышляя ни мало о послѣдствіяхъ, рѣшительно заключили, что одно лишь береговое путешествіе къ Мысу Доброй Надежды можетъ послужить къ ихъ спасенію.

Собранные ими запасы состояли изъ двухъ бочекъ муки, одной кадки соленой свинины и небольшого количества арака, который однако жъ капитанъ приказалъ вылить, опасаясь, чтобы жители не отняли его и не перепились; въ такомъ случаѣ природная ихъ свирѣпость сдѣлалась бы еще больше, и они, въ пьяномъ образѣ, могли бы покушаться на такіа жестокость, отъ которыхъ трезвые воздерживались

Капитанъ Коксонъ, собравъ весь экипажъ, раздѣлилъ съѣстные припасы каждому человѣку поравну а потомъ спросилъ ихъ, согласны ли они ему повиноваться, или же-лаютъ выбрать надъ собою другаго начальника; на это всѣ до одного человѣка единогласно подчинили ему себя по прежнему. Послѣ сего онъ имъ объявилъ, что по его расчету, со всевозможною точностью сдѣланному, они могутъ достигъ голландскихъ селеній въ пятнадцать или шестнадцать дней. Въ семъ счисленіи капитанъ немного ошибся, ибо въ послѣдствіи открылось, что Гровеноръ погибъ на берегахъ Кафраріи, между широтами 27° и 28°; а какъ голландскія селенія простираются до 31 градуса широты, то Англичане и дѣйствительно могли бы совершить предстоавшій имъ переходъ въ означенное капитаномъ время, если бъ не попрепятствовали большія рѣки.

7-го числа выступили они въ путь, кромѣ одного престарѣлаго солдата, который, будучи хромъ, предпочелъ лучше вѣрить будущую свою участь дикимъ, чѣмъ умереть на дорогѣ отъ изнуренія и голода. Нѣкоторые изъ жителей остались на берегу подлѣ корабля, а другіе послѣдовали за Англичанами, и время отъ времени отнимали у нихъ разныя вещи, привлекавшія на себя ихъ вниманіе, а иногда бросали въ нихъ камнями. Прощедши нѣсколько миль, встрѣтились они съ артелью дикихъ, состоявшею изъ тридцати человѣкъ, въ числѣ коихъ находился одинъ, по имени Троутъ, умѣвшій говорить по-голландски:

онъ былъ, какъ послѣ открылось, бѣглый невольникъ, осужденный за разныя преступленія на Мысъ Доброй Надежды. Дикіе имѣли лица, вымазанныя красною краской, и связывали волосы наподобіе сахарной головы. Троутъ, узнавъ отъ Англичанъ, кто они и куда шли, увѣдомилъ ихъ, что на пути своемъ къ мысу, они должны будутъ встрѣтить неизъяснимыя препоны отъ жителей, дикихъ звѣрей и свойства земли.

Хотя извѣстіе это не послужило къ ихъ утѣшенію, но они не оставили своего предпріятія, и хотѣли уговорить Троута быть ихъ путеводителемъ, на что однако жъ никакими обѣщаніями, ни какими лестными для него видами, не могли его склонить. Послѣ того шли они еще четыре или пять дней, будучи преслѣдуемы жителями, которые каждый день что нибудь у нихъ отнимали, но на ночь обыкновенно удалялись.

На пути Англичане видѣли много селеній, отъ которыхъ старались удалиться, чтобы избѣжать оскорбленій отъ дикихъ. Спустившись въ глубокую лощину, встрѣтили они трехъ Кафровъ, вооруженныхъ копьями, которыя представили они къ груди капитана. Этотъ поступокъ до того раздражилъ его, что онъ, вырвавъ у одного изъ нихъ копье, изломалъ въ куски. Кафры, не показавъ ни малѣйшаго вида огорченія или досады, немедленно удалились; но на другой день, когда Англичане приблизились къ одному большому селенію, котораго нельзя имъ было миновать, встрѣтили ихъ эти три человѣка съ тремя или четырьмястами своихъ единоплеменниковъ, вооруженныхъ копьями и щитами. Кафры напали на Англичанъ; сначала ихъ грабили, а потомъ стали бить.

Англичане, полагая, что ихъ хотятъ перебить до смерти, рѣшились защищаться до послѣдней крайности; составили каре, помѣстивъ женщинъ и дѣтей въ средину, и будучи въ числѣ отъ осьмидесяти до девяноста человѣкъ, обратились до возвышеннаго мѣста, и дали такой отпоръ жителямъ, что скоро принудили ихъ отступить и помириться съ ними. Въ утвержденіе мира, Англичане срѣзали съ кафтановъ пуговицы, и подарили Кафрамъ, которые вскорѣ

послѣ того оставили ихъ въ покоѣ, и уже не возвращались. Убитыхъ ни съ которой стороны не было, но многіе были ранены.

Въ слѣдующую ночь они были встревожены ревомъ львовъ, тигровъ и другихъ хищныхъ звѣрей; это заставило ихъ развести огонь и во всю ночь имѣть вокругъ сильную стражу, чтобъ не подпустить къ себѣ слишкомъ близко такихъ опасныхъ гостей. Не взирая на всѣ эти предосторожности, звѣри стадами приближались на такое разстояніе, что ужаснымъ своимъ ревомъ въ продолженіе всей ночи содержали бѣдныхъ Англичанъ въ безпрестанномъ страхѣ. Каково было положеніе дамъ, нѣжно воспитанныхъ, и привыкшихъ къ спокойной и роскошной жизни!

Понутру они опять встрѣтили Троута; онъ успѣлъ уже побывать на разбитомъ кораблѣ, и набрать тамъ множество мѣдныхъ и желѣзныхъ вещей, съ которыми возвращался въ свое жилище. Онъ предостерегалъ ихъ, чтобъ они впередъ не противились дикимъ, ибо безъ достаточнаго оружія, сопротивленіе ихъ не можетъ послужить ни къ чему иному, какъ только къ большому противъ себя ожесточенію жителей, которые будутъ стараться увеличить препятствія, и безъ того уже едва преодолимыхъ. Давъ сей совѣтъ, Траутъ разстался съ ними вторично.

Прошедши нѣкоторое разстояніе въ продолженіе дня, ночь рѣшились они провести подлѣ одной глубокой лощины; страшный ревъ и вой звѣрей, не взирая на огонь и стражу, лишали ихъ покоя.

Продолжая многотрудное свое путешествіе, Англичане, въ слѣдующій день, встрѣтились съ сильною артелью жителей, которые на нихъ напали и кое-что у нихъ отняли; между прочимъ при семъ случаѣ, лишились они огнива, кремня и коробочки съ трутомъ. Потеря эта была невозвратна; она заставила ихъ поочереды нести съ собою обгорѣлое полѣно съ огнемъ. Дикіе преслѣдовали ихъ до самой ночи, и предъ тѣмъ, какъ надобно было имъ удалиться, еще разъ напали на Англичанъ и отняли у мужчинъ часы, а у дамъ брилліантовые вещи, которыя были спрятаны у нихъ въ волосахъ. Сопротивленіе было

тищенто; тѣ, которые противились дикимъ, получали отъ нихъ болѣе оскорбленій, и даже побои.

Ночь провели они подлѣ небольшой рѣчки, а поутру перешли чрезъ нее. Теперь съѣстные запасы у нихъ почти всѣ вышли; а какъ женщины и дѣти много ихъ останавливали, то матросы начали роптать, новидимому рѣшась итти отдѣльно. Ропотъ былъ причиною, что они раздѣлились на двѣ партіи: одну составили капитанъ, первый офицеръ съ женою, третій офицеръ, комиссаръ, лекарь, пассажиры: Г. Лоджи, Полковникъ Джемсъ съ супругою, Г. и Г-жа Гози, Г. Нюманъ и пятеро дѣтей. Они согласились не разлучаться, и пассажиры склонили щедрыми общаніями нѣсколько человѣкъ матросовъ имъ сопутствовать.

Въ другой партіи находились второй офицеръ Г. Шау, четвертый Г. Троттеръ, пятый Г. Гарисъ; пассажиры Гг. Вилліамсъ, Тейлоръ, д' Эспинетъ, и нѣсколько другихъ; всего, со слугами и матросами, сорокъ три человѣка. Одинъ малолѣтній мичманъ лѣтъ осьми отроду, по имени Лау, не имѣя въ партіи ни кого родныхъ, со слезами сталъ просить офицеровъ не покидать его; они сжалялись надъ бѣднымъ дитятею, и согласились нести его по очереди.

Это раздѣленіе было столь же пагубно и жестоко, сколь и неблагоприятно. Вскорѣ, однако жъ, они опять сошлись при одной большой рѣкѣ, которая на нѣсколько времени задержала партію втораго офицера. Это доставило имъ великое удовольствіе, и они во весь сей день и часть слѣдующаго шли вмѣстѣ.

Теперь Англичане пришли въ большое селеніе, гдѣ нашли Троута, который представилъ имъ свою жену и дитя, и выпросилъ для нихъ кусокъ свинины. Онъ объявилъ, что здѣсь его мѣстопробываніе, и опять повторилъ, что жители не позволяютъ ему съ ними отправиться, если онъ и желалъ того; но охотно сообщилъ имъ разныя свѣдѣнія касательно ихъ пути; за что Англичане прилично его наградили. Впрочемъ, хотя съ одной стороны они сожалѣли, что онъ не соглашался быть ихъ провожатымъ, но съ другой, это, вѣроятно, было къ лучшему, ибо злодѣянія его, какъ послѣ стало извѣстно, были такъ велики,

что отъ него можно было навѣрно ожидать измѣны и всего худшаго.

Во время разговора Англичанъ съ Троутомъ, дикіе окружили ихъ, и послѣ слѣдовали за ними во множествѣ до самаго вечера. Эту ночь обѣ партіи провели вмѣстѣ; но, къ несчастію, тѣ общія имъ бѣдствія, которыя должны были соединить ихъ тѣснѣйшею дружбой, были причиною вражды и несогласія между ими.

Недостатокъ въ пищѣ заставилъ одинъ небольшой отрядъ отправиться къ морскому берегу, чтобъ повскать раковинъ; посланные набрали нѣсколько устрицъ, улитокъ и проч., которыя раздѣлены были между дамами, дѣтми и больными, ибо наступившій приливъ не позволилъ набрать достаточнаго количества для всѣхъ. Эта скудная пища не могла утолить голода, но только возбудила его болѣе. Около полудня подошли они къ небольшому селенію, гдѣ встрѣтилъ ихъ старикъ, вооруженный копьемъ, которое онъ навелъ въ нихъ, и въ то же время ртомъ произвелъ стукъ, въ подражаніе ружейному выстрѣлу. Изъ этого обстоятельства Англичане заключили, что онъ зналъ огнестрѣльное оружіе, и беспокоился, чтобъ они не перестрѣляли его стада, которое онъ тотчасъ загналъ въ окрестности, сдѣланную нарочно для скота на ночное время. Обезпечивъ свое стадо, старикъ не заботился болѣе объ Англичанахъ, но другіе обыватели селенія поступали съ ними весьма дурно.

Наконецъ, настало время послѣдняго разлученія двухъ партій: онѣ разстались навѣки! Принятіе этой мѣры оправдывали они, повидимому, основательными причинами, полагая, что, идучи разными путями и въ меньшемъ числѣ, не могутъ они возбудить столько подозрѣнія и зависти въ дикихъ, какъ путешествуя вмѣстѣ, и будутъ въ состояніи удобнѣе доставать пищу. Но, въ замѣнъ сихъ мнимыхъ выгодъ, они ослабили свои силы, и лишились взаимнаго подкрѣпленія; потеряли довѣренность и уваженіе къ одному общему всѣмъ начальнику, который, своею властію и благоразумными распоряженіями, могъ бы ихъ направлять къ одной полезной цѣли, и заставить дѣйствовать всѣхъ

единодушно. Не имѣя же надъ собою начальника, всѣ они раздѣлились по прихотямъ и пустымъ временнымъ выгодамъ на разныя мелкія партіи къ общей своей гибели. Но при всемъ томъ, прощаніе ихъ было чувствительно и не безъ слезъ: общее всѣмъ несчастіе уничтожило между ими различіе чиновъ и состояній, и они не иначе себя считали, какъ друзьями и братьями.

Отъ сего времени участь капитана и его спутниковъ почти вовсе неизвѣстна. Воображеніе едва ли можетъ представить бѣдствія, ужасѣе тѣхъ, которыя должны были испытать слабыя, нѣжно воспитанныя женщины и невинныя дѣти. Изъ описанія пережившихъ свое несчастіе и по другимъ въ послѣдствіи времени пріобрѣтеннымъ свѣдѣніямъ, съ вѣроятностію можно заключить, что смерть прекратила ихъ злосчастное бытіе; но можетъ быть, нѣкоторымъ изъ нихъ опредѣлено судьбою влечь между дикими жизнь, стократно несноснѣйшую, чѣмъ самая смерть.

Распростившись, обѣ партіи отправились въ путь; та изъ нихъ, которая избрала своимъ путеводителемъ втораго офицера, шла до самаго вечера; потомъ, достигнувъ удобнаго мѣста, разложила огонь, и провела ночь довольно покойно.

Въ слѣдующій день прошли они, по догадкѣ, около тридцати миль; встрѣтили многочисленныя партіи жителей, которые не сдѣлали имъ ни малѣйшей обиды. На закатѣ солнца приблизились они къ обширному лѣсу, но войти въ него не отважились, чтобъ не сбиться съ пути, а провели ночь на самомъ рубежѣ лѣса въ безпрестанномъ безпокойствѣ и страхѣ отъ хищныхъ звѣрей, которые во всю ночь ревѣли подлѣ ихъ ужаснымъ образомъ.

На другой день Англичане шли до полудня безъ всякой пищи, кромѣ щавели и неизвѣстныхъ имъ ягодъ, которыя они не боялись ѣсть, потому что птицы ихъ клевали, а въ полдень, подошедши къ одному каменистому мысу, нашли нѣсколько раковинъ, которыми утоливъ голодъ, пустились далѣе, и не встрѣтивъ во весь день ни одного человѣка, расположились ночевать на берегу весьма большой рѣки.

Рѣка была слишкомъ глубока, а изъ Англичанъ многіе не умѣли плавать; по этому рѣшились они, для отысканія брода, идти вверхъ по ней, и съ утра пустились въ дорогу. По берегу прошли они нѣсколько селеній, обитатели коихъ отъ страха не могли подать имъ ни какой помощи. Наконецъ странники наши, пройдя довольно большое разстояніе, и не сыскавъ мелководнаго мѣста, положили сдѣлать плотъ. Предпріятіе это увѣчалось полнымъ успѣхомъ.

Переѣхавъ чрезъ рѣку, они удалились отъ берега, и три дня не видали моря; въ это время они питались однимъ щавелемъ и водою. Голодъ заставилъ ихъ опять приблизиться къ морскому берегу, гдѣ, по счастію, нашли они изобиліе раковинъ, коими могли подкрѣпить себя.

Послѣ того шли они вдоль берега, слѣдуя всѣмъ его излучинамъ, три или четыре дня, не претерпѣвъ отъ жителей ни какого оскорбленія. Въ это время прошли они сквозь густой лѣсъ, въ которомъ, можетъ статься, никогда не бывала нога человѣческая, и будучи утомлены столь многотруднымъ путешествіемъ, голодомъ и жаромъ, Англичане пришли въ совершенное изнеможеніе, и когда они едва были въ состояніи кое-какъ тащиться, въ то время достигли вершины небольшой горы. Здѣсь они ночевали, и имѣли удовольствіе видѣть предъ собою просторную долину, съ извивающимся по ней ручьемъ; но какъ дикіе звѣри приходили обыкновенно къ нему пить, то ночной ихъ ревъ не мало беспокоилъ бѣдныхъ Англичанъ.

Поутру одинъ изъ путешественниковъ взлѣзалъ на высокое дерево для обозрѣнія изгибовъ морскаго берега; послѣ того отправились они далѣе, и при наступленіи ночи, опять вошли въ густой лѣсъ, которымъ скоро пробрались по тропинкѣ, выбитой звѣрями, и вышли на морской берегъ. Здѣсь расположились они ночевать, развели огни и набрали устрицъ, которыя принуждены были класть въ огонь, чтобъ открыть ихъ, ибо во всей партіи не было ни одного ножа. Мѣсто ночлега было покойно, только не могли они сыскать прѣсной воды.

На другой день путешественники были обрадованы

мертвымъ китомъ, найденнымъ ими на морскомъ берегу. По немѣнѣю пожей, не могли они въ полной мѣрѣ воспользоваться этою находкой. Впрочемъ, не взирая на голодъ, многіе изъ нихъ чувствовали отвращеніе въ сей пищѣ; напротивъ того, другіе расклали на огромномъ животномъ огни, и такимъ средствомъ поджаривъ мясо, вырѣзали оное раковинами, и ѣли съ большимъ удовольствіемъ.

Теперь представились ихъ взоромъ прекрасныя, обширныя долины, которыя породили въ нихъ надежду, что бѣдствія ихъ приближаются къ концу; они думали, что достигли уже сѣверныхъ предѣловъ Голландскихъ колоній. Здѣсь возникли между сими несчастными людьми новыя несогласія: одни хотѣли пуститься внутрь земли, а другіе настаивали въ прежнемъ своемъ планѣ держаться близъ взморья.

Послѣ продолжительнаго и жаркаго спора, раздѣлились они опять на партіи: Гг. Шау и Гарисъ, четвертый и пятый офицеры; Гг. Вилліамсъ и Тейлоръ, Капитанъ Талботъ и матросы, числомъ двадцать два человѣка, составили одну партію, которая пустялась поперегъ долинъ, прочь отъ берега, а въ другой находились тимерманъ, комиссаръ, Гг. Эспинеттъ и Оливеръ, и двадцать четыре человѣка матросовъ; эта партія пошла по берегу.

Партія, пустившаяся внутрь земли, шла три дня по прекраснымъ долинамъ, гдѣ попадалось ей множество оставленныхъ скотныхъ изгородовъ. Въ это время единственную пищу путешественниковъ составляли ягоды, щавель и устрицы, которыя они несли съ собою. Вскорѣ голодъ заставилъ ихъ опять направить путь къ морскому берегу, гдѣ, какъ и прежде, нашли они изобильный запасъ въ устрицахъ и раковинахъ разныхъ другихъ родовъ. Когда эта партія, вскорѣ по разлученіи съ другою, поднималась на крутую гору, Капитанъ Талботъ, жалуясь на чрезмѣрную усталость, часто останавливался для отдохновенія; товарищи его сначала, изъ снисхожденія къ его состоянію, также останавливались, и поджидали его; но теперь, увидѣвъ, что онъ ихъ много задерживалъ, а силы его часъ

отъ часа ослабѣвали, рѣшились его оставить; удаляясь отъ него, они видѣли въ послѣдній разъ Капитана Талбота и вѣрнаго его слугу, Блера, сидѣвшихъ въ молчаніи другъ подле друга: оба они пропали безъ вѣсти.

Переночевавъ у взморья, пришли они въ полдень на другой день къ небольшой рѣкѣ, на берегу коей напали двухъ человѣкъ тимермановой партіи; люди эти не умѣли плавать, а потому и принуждены были отстать. Ни какими словами нельзя выразить радости несчастныхъ, когда они встрѣтили своихъ товарищей.

Съ великимъ трудомъ переправились они чрезъ рѣку, и путешествуя еще четыре дня, прибыли къ другой рѣкѣ, столь широкой, что никто изъ нихъ не отваживался плыть чрезъ нее. Не имѣя способовъ устроить переправу, пошли они вдоль рѣки, въ надеждѣ найти мелководье. На этомъ пути повалось имъ селеніе, одинъ изъ жителей коего показалъ имъ нѣкоторыя вещицы изъ внутренняго хода часовъ, полученныя имъ отъ людей тимермановой партіи за молоко. Г. Шау думалъ симъ средствомъ открыть весьма *прибыльной* торгъ съ жителями, и для того, изломавъ свои часы, предложилъ имъ нѣсколько кусочковъ за теленка; дикіе тотчасъ согласились, но лишь получили вещи, угнали теленка въ поле, и ни мало не заботились о выполненіи условія.

Нѣсколько дней шли они вдоль рѣки, и проходили чрезъ многія селенія, не выдавъ отъ жителей ни какихъ непріязненныхъ поступковъ, доколѣ не достигли мѣста, гдѣ могли, по мнѣнію ихъ, удобно переѣхать чрезъ рѣку. На плоту, кое-какъ связанномъ, переправились всѣ они благополучно, кромѣ помянутыхъ двухъ человѣкъ тимермановой партіи; они боялись отважиться на переѣздъ, сопряженный съ большою опасностью, остались, и послѣ никогда ничего объ нихъ не было слышно.

Переѣхавъ чрезъ рѣку, Англичане направили свой путь косвенно къ морскому берегу, котораго достигли около полудня въ третій день, а на другой день поутру, при отливѣ, набрали раковинъ, позавтракали и отправились далѣе.

На сегодняшнемъ переходѣ встрѣтились они съ партією

дикихъ, которые, повидимому, принадлежали къ особенному народу отъ тѣхъ, коихъ они видали прежде. Дикари сии нападали на Англичанъ и били ихъ до того, что они принуждены были скрыться отъ нихъ въ лѣсу; и когда дикіе удалились, тогда они собрались и опять пошли по берегу. Вскорѣ послѣ того примѣтили они на пескѣ слѣды человѣческіе, и заключили изъ этого, что товарищи ихъ были недалеко отъ нихъ впереди. Чтобъ настичь ихъ, съ радости удвоили они шаги свои, но вскорѣ потеряли слѣды между камнями и въ травѣ.

Спустя нѣсколько времени, пришли они къ рѣкѣ, не широкой, но довольно глубокой, чрезъ которую переѣхали на плоту безъ всякаго гриключенія. Ничего примѣчательнаго не случилось съ ними въ теченіе двухъ слѣдующихъ сутокъ, подъ исходъ коихъ догнали они тимерманову партію, которая, въ продолженіе ихъ разлуки, гораздо болѣе потерпѣла, нежели они. Тимерманъ умеръ отъ ягодъ неизвѣстнаго имъ растенія; Гг. Эспинеттъ и Оливеръ отъ усталости не могли долѣе держаться съ своими товарищами, и оставлены ими на волю Провидѣнія; но бѣдный мальчикъ Лау находился съ ними; онъ переносилъ всѣ труды съ удивительною твердостью.

Вскорѣ послѣ ихъ соединенія, нашли они на песчаномъ морскомъ берегу двѣ толстыя доски; въ каждой изъ нихъ было по одному большому гвоздю. Это показывало, что какой нибудь европейскій корабль недавно находился у злѣшнихъ береговъ, или, что они были недалеко отъ голландскихъ селеній. Гвозди составляли для нихъ драгоценную находку: посредствомъ камней сдѣлали они ихъ плоскими, дали имъ видъ ножей, и заострили.

Чрезъ короткое время пришли они къ другой рѣкѣ, на берегахъ коей нашли прѣсную воду, а потому и расположились тутъ провести ночь. Поутру переправились черезъ рѣку, и вскорѣ нашли на мертвого кита. Это чрезвычайно ихъ радовало, доколѣ не увидѣли они большой партіи жителей, вооруженныхъ копьями и къ нимъ приближавшихся; но дикіе, увидѣвъ бѣдственное состояніе путешественниковъ, обошлись съ ними миролюбиво и успокоили ихъ; а

одинъ изъ нихъ былъ столь добръ, что одолжилъ имъ своего копья, помощію коего и двухъ бывшихъ у нихъ ножей нарёзали они нѣсколько кусковъ китовины про запасъ.

Пришедши на слѣдующій день къ рѣкѣ, съ горестію принуждены они были оставить еще одного изъ своихъ товарищей, который, лишась силъ, никакъ не могъ за ними слѣдовать. Имѣя хорошій запасъ китоваго мяса, они шли сряду четыре дня; надобно знать, что сначала они вели счетъ днямъ злополучнаго своего странствованія, замѣчая оныя на палкахъ; но какъ при переправѣ черезъ рѣки, календари сіи часто терялись, а притомъ въ ихъ положеніи такое времячисленіе не могло имъ принести ни какой пользы, то они прекратили оное.

Добравшись еще до рѣки, они расположились ночевать. Рѣки дѣлали имъ большое препятствіе, и хотя почти всѣ онѣ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ своихъ устьевъ весьма мелководны, но какъ путешественники наши получали главное свое пропитаніе отъ моря, то и принуждены были держаться близъ его, стараясь переправляться чрезъ рѣки при отливѣ.

Слѣдующаго утра погода была немно вѣтряна, а потому нѣкоторые изъ Англичанъ боялись переправиться чрезъ рѣку. Тогда матросъ Гаинсъ и около десяти человѣкъ другихъ, желая нетерпѣливо идти далѣе, пустились вплавъ, оставивъ всѣхъ своихъ товарищей, въ числѣ коихъ находился и малолѣтній Лау. Переплывъ на другой берегъ, Гаинсъ и товарищи его шли покуда не достигли мѣста, изобильнаго раковинами, прѣсною водою и дровами. Здѣсь два дня поджидали они своихъ товарищей, но какъ они не являлись, а вѣтеръ продолжалъ дуть крѣпко, то Гаинсъ счелъ бесполезнымъ дожидаться робкихъ спутниковъ, и отправился далѣе.

Находясь нѣсколько часовъ въ пути, нашли они мертваго тюленя, тотчасъ его разрѣзали: часть тутъ же поджаривъ, употребили въ пищу, а все остальное взяли съ собою.

Въ слѣдующее утро, партія, оставшаяся назади, догнала ихъ: теперь она находилась подъ управленіемъ кора-

бельнаго эконома; во время разлуки много претерпѣла отъ жителей, голода и усталости, и лишилась пяти человѣкъ. Хотя число сихъ несчастныхъ безпрестанно уменьшалось, но помышленіе о безпомощномъ ихъ состояніи не имѣло надъ ними ни какого дѣйствія. Они знали, что согласіе, даже и въ счастливыхъ обстоятельствахъ жизни человѣческой, составляетъ главную силу всякаго общества, а раздоры приводятъ оныя въ слабость; но при всемъ томъ, вмѣсто единодушія, необходимаго въ ихъ положеніи, они ссорились между собою безрестанно.

Раздѣливъ на всѣхъ поравну оставшееся у нихъ тюленье мясо, они позавтракали вмѣстѣ, и пошли далѣе. Встрѣтивъ высокую гору, чрезъ которую надлежало имъ перейти, они рѣшились лучше миновать оную, обогнувъ каменный утесъ, мысомъ выдавшійся, на который бурунъ билъ съ необычайною силой. За эту дерзость едва было не заплатили они жизнью, ибо прибой подлѣ утеса былъ такъ великъ, что они, потерявъ весь свой запасъ, едва могли спастись сами. Но чувствительнѣе всего для нихъ была потеря огня, который сохраняли они посредствомъ горящихъ полѣнъевъ, и который, при семъ случаѣ, залило волнами: огонь составлялъ главную ихъ защиту отъ хищныхъ звѣрей.

Несчастное это происшествіе, увеличивъ ихъ бѣдствія, довело ихъ до крайней степени отчаянія. Идучи въ безмолвіи и печали, увидѣли они неожиданно нѣсколько женщинъ, которыя тотчасъ отъ нихъ удалились. Подойдя къ мѣсту, гдѣ женщины сидѣли, съ неизъяснимымъ удовольствіемъ нашли они тамъ огонь, на которомъ дикіе пекли раковины.

На другой день пришли они въ небольшое селеніе, гдѣ жители согласились продать имъ молодаго быка за нѣсколько пуговицъ и разныхъ вещицъ изъ часовъ. Мясо Англичане раздѣлили между собою по равнымъ долямъ, а внутренность отдали Кабрамъ, которые симъ подаркомъ были чрезвычайно довольны. Путешественники провели ночь недалеко отъ селенія, а поутру переѣхали на плоту чрезъ рѣку, встрѣченную ими на дорогѣ.

До сего времени быкъ этотъ былъ единственною пищею, которую они получили отъ жителей куплею или подаваніемъ, кромѣ молока, которое иногда женщины давали изъ жалости бѣдному Лау. Вообще замѣчено, что между самыми лютыми, варварскими народами, женщины, къ чести сего пола, несравненно человѣколюбивѣе и сострадательнѣе мужчинъ. Впрочемъ никто не заслуживалъ большаго сожалѣнія, какъ этотъ несчастный мальчикъ. Товарищи его пеклись о немъ, какъ о своемъ сынѣ; когда онъ былъ въ силахъ, то шелъ, а когда уставалъ, они несли его поочереди безъ малѣйшаго ропота. Если кто изъ нихъ доставалъ кусокъ пищи, то всегда удѣлялъ часть ему. Отправляясь собирать раковины, они оставляли его обыкновенно смотрѣть за огнемъ, и это порученіе, не смотря на усталость, боль и ребяческій возрастъ, онъ всегда исполнялъ съ точностью.

Наконецъ вышли они на песчаную степь, и для перехода ея употребили десять дней. На этомъ пути должны они были переправляться чрезъ многія рѣки, и если бъ не имѣли съ собою порядочнаго запаса, то могли бы умереть съ голоду. Впрочемъ имъ попадалось довольно дровъ; прѣсную воду получали они всегда въ изобиліи, когда были ямы, и не имѣя причины страшиться жителей, эту часть ихъ пути считали самою покойною.

Изъ степи вошли они въ область новаго народа, который иногда поступалъ съ ними весьма дурно, а иногда пропускалъ безъ всякаго вреда. Достигнувъ опять береговъ Океана, встрѣтились они съ партіею жителей, которые, знаками, совѣтовали имъ держаться далѣе отъ моря. Принявъ этотъ совѣтъ, они вскорѣ пришли въ селеніе, гдѣ находились только женщины и дѣти. Женщины и здѣсь малютку Лау подчивали молокомъ, которое принесли въ корзинкѣ, сплетенной изъ тростника, но столь плотно, что она не пропускала жидкости. Здѣсь Англичане имѣли случай разсмотрѣть хижины дикихъ, и способъ, какимъ они пахтаютъ масло. Кожаный мѣшокъ, наполненный молокомъ, вѣшаютъ посреди хижины, на концахъ коей стоятъ, другъ противъ друга, два человѣка и безпрестанно

толкають мѣшокъ отъ одного къ другому, доколѣ молоко не сгустится и не приметъ вида масла. Съ масломъ мѣшаютъ они сажу, и мажутъ симъ составомъ тѣло, для приданія ему бѣльшей мягкости и для предохраненія отъ нестерпимыхъ жаровъ здѣшняго климата.

Пока Англичане здѣсь отдыхали, жители возвратились съ охоты; каждый изъ нихъ принесъ на плечахъ часть оленьяго мяса. Дикіе тотчасъ составили кругъ около пришельцевъ, и смотрѣли на нихъ съ безмолвнымъ удивленіемъ. Удовольствовавъ свое любопытство, принесли они двѣ огромныя чаши молока, и хотѣли продать странникамъ; но какъ имъ нечѣмъ было за него заплатить, то дикіе выпили его сами.

Едва дикари эти успѣли насытиться, какъ вдругъ вскочили и удалились въ сосѣдственную рощу, оставивъ Англичанъ въ страхѣ и недоумѣніи, по причинѣ столь внезапнаго ихъ движенія. Спустя нѣсколько минутъ, они возвратились съ большимъ убитымъ оленемъ. Путешественники просили ихъ удѣлить имъ частицу, но варвары не только не сжалились надъ ними, а напротивъ грозили и гнали ихъ. Удалившись на нѣсколько миль отъ селенія, они расположились ночевать.

Не встрѣтивъ ничего достойнаго примѣчанія, шли они нѣсколько дней сряду; часто встрѣчали жителей съ большими стадами рогатаго скота, просили у нихъ милостыни, но дикіе ничего не хотѣли дать безъ возврата, а имъ нечѣмъ было заплатить, и потому они были довольны только тѣмъ, что жители ихъ не обижали. На берегу одной изъ рѣкъ нашли они три или четыре хижины, въ коихъ были только женщины и дѣти; подлѣ хижинъ находилось на вѣшалахъ большое количество мяса морскихъ животныхъ, развѣшаннаго для сушенія. Женщины были столько жалостливы, что дали имъ частицу, съ которою они удалились на небольшое разстояніе, поѣли и легли спать.

На другой день поутру десятеро матросовъ, въ числѣ коихъ былъ Гаипсъ, переплыли чрезъ рѣку; во всѣ прочіе боялись покуситься на такое предпріятіе. Переплывшіе наши спящаго тюленя, котораго удалось имъ убить; раз-

дѣливъ мясо поравну, отправились въ путь и шли четыре или пять дней, временно встрѣчая жителей, которые вообще обходились съ ними миролюбиво.

Теперь пришли они къ другой рѣкѣ, чрезъ которую также должны были переправиться вплавь, и недалеко отъ нее нашли мертваго кита. Получивъ такимъ образомъ изобильный запасъ пищи, они рѣшились дожидаться здѣсь своихъ товарищей, но пробывъ двое сутокъ безъ успѣха, пошли въ путь. Послѣ они узнали, что товарищи ихъ держались далѣе отъ моря, и опередили ихъ. Взявъ съ собою столько китоваго мяса, сколько были въ состояніи снести, они не заботились о пищѣ, и шли довольно скоро.

Такимъ образомъ путешествовали они съ недѣлю, и нашли на дорогѣ нѣсколько тряпокъ, которыя показали имъ, что спутники ихъ были у нихъ впереди. Потомъ вступили они въ пространную песчаную степь; но не найдши подъ вечеръ перваго дня ни дровъ, ни прѣсной воды, чрезвычайно испугались и не знали что дѣлать. Они пребыли въ такомъ отчаянномъ положеніи пока не подошли къ одной довольно глубокой лощинѣ; при спускѣ туда, къ неизрѣченной ихъ радости, увидѣли начертанныя на пескѣ слѣдующія слова: *повороти сюда и найдешь много дровъ и воды!* Слова эти восхитили ихъ, подобно гласу небесному; они бросились въ лощину, и нашли тамъ воду, дрова и огневище, показавшее имъ, что товарищи ихъ были здѣсь не давно.

Послѣ того шли они еще нѣсколько дней безъ всякаго достопамятнаго приключенія, а потомъ подошли къ весьма утесистому, каменистому мысу, столь далеко выдававшемуся въ морѣ, что онъ пресѣкъ имъ путь, и принудилъ направиться далѣе внутрь земли; къ сему препятствію въ то же время присоединилось другое горе: съѣстной запасъ ихъ весь издержался, и они должны были бы терпѣть голодъ, если бъ не попалось имъ небольшое озеро, въ которомъ наловили раковъ и улитокъ, а по берегамъ набрали щавелю.

Выступивъ на разсвѣтѣ опять въ дорогу, вошли они въ лѣсъ, гдѣ, къ величайшему ихъ удивленію, увидѣли множество большихъ деревьевъ, вырванныхъ изъ земли съ кор-

немъ. Они не могли понять причины сему явленію, доколѣ не усмотрѣли тридцати или сорока превеликихъ слоновъ, выбѣжавшихъ изъ высокой травы. Путешественники нѣсколько минутъ оставались безъ всякаго движенія, и съ ужасомъ взирая на огромныхъ животныхъ, не знали что имъ предпринять: стоять на мѣстѣ или идти далѣе; наполнилось рѣшили поворотить въ сторону, и тѣмъ миновали опасность. Трава, скрывавшая сихъ животныхъ, имѣла до девяти футовъ вышины; это странно покажется тѣмъ, кто не знаетъ тропическихъ растений, но истину сего подтверждаютъ многіе путешественники по Африкѣ, заслуживающіе всякаго вѣроятія.

Въ эту ночь Англичане еще разъ вышли на морской берегъ съ полною увѣренностью, что тотчасъ наловятъ раковинъ и насытятся; но приливъ лишилъ ихъ сей пищи. Между тѣмъ голодъ мучилъ ихъ ужаснымъ образомъ: многіе сдѣлали себѣ подошвы изъ кожи быка, вымѣннаго у дикихъ; теперь опалили они эти подошвы, и поджаривъ сѣбли. Нѣкоторые изъ нихъ, болѣе разборчиваго вкуса, приправили подошвы дикимъ сельдереемъ, и думали, что отъ этого снадобья онѣ были вкуснѣе.

Въ малую воду голодные наши путешественники рассыпались по камнямъ снискивать себѣ пищу; тутъ усмотрѣли они ясные признаки, что отдѣленіе ихъ партіи, которое было впереди, здѣсь проходило. Черезъ два дня послѣ сего попалась имъ охотничья партія дикихъ, которая обошлась съ ними миролюбиво, а потомъ встрѣчали они другія партіи, и всѣ онѣ вели себя смирно.

Пройдя двѣ рѣки, и не найдши подлѣ ихъ ни капли прѣсной воды, вступили они въ самую бесплодную страну, гдѣ жители получали все свое пропитаніе отъ звѣриной и рыбной ловли. Каково было въ это время положеніе Англичанъ? Нѣсколько дней уже бѣдные люди ничего не пили, утоляя жажду одними ягодами, которыя попадались имъ случайно. Къ счастью ихъ, вскорѣ послѣ сего достигли они области, именуемой собственно Кафраріею, и нашли ее весьма многочисленною и изобильною.

Во все время путешествія ихъ чрезъ эту богатую область,

можно сказать, что они умирали съ голоду посреди изобилія. Повсюду находили они величайшія стада быковъ и овецъ, но жители были такъ корыстолюбивы и безчеловѣчны, что не хотѣли дать имъ даромъ ни куска мяса, даже чашки молока; а они не имѣли при себѣ ничего для покупки. Кафры, опасаясь, чтобъ бѣдняки не украли у нихъ какой скотины, строго стерегли стада свои, и даже отгоняли Англичанъ силою и угрозами. Справедливо замѣчаютъ, что во всѣхъ концахъ земли бѣдность не столько считается несчастіемъ, какъ преступленіемъ, и тотъ кто самъ не въ состояніи ничего дать, тотчасъ будетъ подозрѣваемъ въ намѣреніи тайно взять.

Но Кафровъ европейцы всегда представляли народомъ человѣколюбивымъ и невреднымъ. Какъ согласить эти похвалы съ поступками ихъ къ несчастнымъ нашимъ соотечественникамъ? Развѣ сказать, что они ихъ приняли за Голландцевъ, которые въ это время находились съ Кафрами въ непримиримой враждѣ. Голландцы поступаютъ съ этимъ народомъ самымъ безчеловѣчнымъ образомъ: мудрено ли, что дикари эти смертельно ненавидятъ всѣхъ бѣлыхъ, которыхъ считаютъ жестокими и вѣчными своими непріятелями! Европейцы, поселяясь между просвѣщенными народами, всегда пріобрѣтали любовь или ненависть дикихъ, согласно съ первыми ихъ поступками. Часто случалось, что между множествомъ благомыслящихъ людей, находилось нѣсколько негодяевъ, которые, поведеніемъ своимъ, производили такое впечатлѣніе надъ умами жителей новозавятыхъ мѣстъ, что дѣти природы никогда не могли примириться съ европейцами, и нерѣдко за дерзость одного злодѣя заставляли чувствовать месть свою тысячи добрыхъ людей, истинныхъ друзей своихъ.

Такимъ образомъ, терпя обиды и презрѣніе, путешественники пришли къ рѣкѣ, и переправясь чрезъ нее, встрѣтились съ партією жителей; одинъ изъ нихъ имѣлъ въ волосахъ, вмѣсто украшенія, кусокъ серебряной пряжки, принадлежавшей корабельному повару. Послѣ уже узнали они, что поваръ, цѣня дорого свои пряжки, обвертѣлъ ихъ въ тряпки, чтобъ утаить отъ жителей; наконецъ голодъ

заставилъ его разстаться съ симъ сокровищемъ: онъ изломалъ пряжки, и предложилъ дикимъ за стѣстные припасы; но они, отнявъ у него куски, побили его и прогнали.

Съ партіею Ганисова поступили они также очень сурово и принудили ее идти до полуночи, а отдохнувъ часа два опять продолжать путь до разсвѣта, чтобъ избѣжать побоевъ.

На другой день около полудня бѣдняки нашли прѣсную воду, и надѣялись тамъ же набрать довольно раковинъ, а потому и расположились на семъ мѣстѣ провести ночь. Здѣсь застигла ихъ ужасная буря съ грозою; дождь былъ такъ силенъ, что они нашлись принужденными растануть и держать парусинные свои кафтаны надъ огнемъ, чтобъ уберечь его. Наутро, въ малую воду, набрали они раковинъ сколько могли, обсушились и пустились далѣе. Въ одномъ большомъ селеніи напали на нихъ жители, и прибили ихъ чрезвычайно больно, такъ, что одинъ изъ нихъ умеръ, а многіе были изранены. Ганисъ былъ раненъ въ ногу и такъ избитъ, что упалъ безъ чувствъ; товарищи его думали, что онъ умеръ, и оставили его; но, къ величайшей ихъ радости, онъ догналъ ихъ на дорогѣ.

Послѣ этого Англичане уже не видали жилищъ дикихъ, вступивъ въ песчаную степь, въ которой могли питаться съ великимъ трудомъ. Пройдя эту пустыню, пришли они къ весьма большой рѣкѣ, называемой (какъ послѣ они узнали отъ Голландцевъ) рѣкою *Бошмановъ*. Здѣсь нашли они одного изъ своихъ товарищей, Томаса Люиса, котораго, за болѣзнію, оставили на дорогѣ; но онъ, получивъ облегченіе, держался далѣе во внутренность земли, и достигъ сего мѣста прежде ихъ. На пути видѣлъ множество хижинъ, жители ихъ, въ нѣкоторыхъ, давали ему молока, а отъ другихъ отгоняли съ побоями. Не будучи въ состояніи переправиться чрезъ рѣку, онъ рѣшился возвратиться къ ближайшему селенію и отдаться на волю жителей; жить или умереть, теперь было для него равно. Товарищи тщетно уговаривали его оставить это намѣреніе, стараясь ободрить его увѣреніемъ, что скоро достигнуть Мыса Доброй Надежды; но этотъ человѣкъ уже испилъ до дна чашу го-

рести и отчаянія, которыя ослабили его духъ и тѣло. Не вникая ни какимъ убѣжденіямъ своихъ товарищей, Люисъ отправился къ дикимъ, и противъ всякаго чаянія, получилъ отъ нихъ помощь, которая спасла ему жизнь и свободу, какъ будетъ сказано въ послѣдствіи.

Провидѣніе послало имъ мертваго кита, найденнаго на морскомъ берегу. Они взяли съ собою столько мяса, сколько могли снести. Теперь, избавясь отъ нападеній жителей, они страшились хищныхъ звѣрей, которыхъ въ этой странѣ болѣе, нежели въ другихъ частяхъ Африки.

Въ четвертый день послѣ переправы чрезъ рѣку Бошмановъ, догнали они корабельнаго эконома и малолѣтнаго мичмана Лау, который все еще былъ въ силахъ переносить труды, несоразмѣрные его возрасту. Отъ нихъ узнали, что за нѣсколько часовъ предъ ихъ соединеніемъ, умеръ купоръ и зарытъ въ песокъ; но когда Гаисъ и экономъ пришли на то мѣсто, то, къ удивленію и ужасу своему увидѣли, что тѣло было унесено какимъ нибудь звѣремъ, слѣды коего, равно какъ и тѣла, были примѣтны на песокъ.

Гаинсова партія снабдила эконома и Лау китовымъ мясомъ; потомъ шли они дней восемь или десять вмѣстѣ. Наконецъ пришли къ каменистому мысу, и какъ весь запасъ китоваго мяса у нихъ вышелъ, то рѣшились обойти мысъ по берегу, чтобъ поискать пищи при взморьѣ. Это завело ихъ такъ далеко, что они принуждены были провести ночь на камняхъ, гдѣ вовсе не было прѣсной воды, кромѣ небольшого количества весьма осолодковой. Поутру экономъ и Лау захворали и не могли идти далѣе, а потому вся партія согласилась остаться на мѣстѣ еще на сутки. Холодъ, пронесходившій отъ камня, на которомъ они спали, подѣйствовалъ на здоровье всѣхъ ихъ: по первые двое за немогли трудно; почему Гаисъ и вся его партія рѣшились подождать еще день, а если тогда здоровье ихъ не возстановится, оставить ихъ. Но судьба не опредѣлила имъ испытать жестокихъ сердечныхъ терзаній, которое почувствовали бы они покидая несчастныхъ своихъ товарищей; смерть прекратила жизнь и вмѣстѣ съ нею всѣ мученія бѣднаго Лау; онъ лежалъ у огня во всю ночь, а когда

на разсвѣтъ товарищи хотѣли дать ему завтракъ и стали будить, нашли его мертвымъ: бѣдный ребенокъ испустилъ духъ тихо и покойно. Смерть его чрезвычайно огорчила все общество страдальцевъ, а наиболѣе эконома, который имѣлъ отеческое попеченіе о семъ достойномъ жалости невинномъ мальчикѣ; онъ горько плакалъ надъ его тѣломъ, отъ котораго едва могли его оттащить, когда они стали отправляться въ путь.

Пройдя немного, одинъ изъ матросовъ попросилъ пить; ему дали полную раковину воды, потомъ другую; выпивъ послѣднюю, онъ легъ и тотчасъ умеръ. Они такъ привыкли видѣть умирающихъ, что смерть не представляла имъ ничего ужаснаго, напротивъ, они болѣе желали ея посѣщенія, нежели страшились; ибо въ одной ей видѣли избавленіе отъ переносимыхъ ими мученій. Не успѣли они отойти нѣсколько шаговъ отъ мѣста, гдѣ оставили умершаго, какъ другой матросъ сталъ жаловаться на чрезмѣрную слабость, сѣлъ, и не хотѣлъ встать. Они принуждены были его оставить, чтобъ сыскать воды и дровъ, обѣщаясь прійти за нимъ, когда найдутъ эти необходимыя потребности.

Долго искали они удобнаго мѣста для ночлега понапрасну, и принуждены были лечь на песокъ. Они хотѣли взять съ собою оставленнаго ими товарища, но не могли найти его въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ остался: очень вѣроятно, что его растерзали звѣри.

Съ началомъ зари пошли они въ путь. Теперь положеніе ихъ было самое ужасное: цѣлыя сутки не пили они ни капли воды; отъ этого у нихъ распухло во рту и въ горлѣ; крайность заставила ихъ пить собственную свою мочу.

Въ это время они были на высочайшей степени чело-вѣческаго страданія; безъ ужаса нельзя слышать о ихъ бѣдствіяхъ. Находясь двое сутокъ безъ пищи и питья, дошли они до такого положенія, что когда одинъ изъ нихъ не могъ доставить себѣ глотка собственной своей урины, то въ раковину занималъ у другаго, и тотчасъ возвращалъ долгъ, коль скоро былъ въ силахъ. Корабельный экономъ, коего человѣколюбіе и благотворительность должны увѣковѣчить его память, теперь послѣдовалъ за любимцемъ своимъ

Лау, на другой свѣтъ. На слѣдующее утро еще двое доведены были до такой слабости, что, упавъ на песокъ, рѣшились умереть на мѣстѣ. Товарищи ихъ, не будучи въ состояніи помочь имъ, въ слезахъ съ ними простились и пошли далѣе.

Подъ вечеръ вошли они въ глубокую лошину, гдѣ на-дѣялись сыскать прѣсную воду; но вмѣсто воды нашли мертвое тѣло одного изъ своихъ товарищей; правая рука у него была отрублена. Это обстоятельство чрезвычайно ихъ поразило, а нѣкоторыхъ привело въ совершенный ужасъ. Они находили тутъ гнѣвъ небесъ за ихъ несчастіе; ибо этотъ человѣкъ, когда что утверждалъ, то имѣлъ привычку говорить: *пусть чортъ отрубитъ у меня правую руку, если это не правда!* Одинъ изъ нихъ, переправляясь чрезъ рѣку, потерялъ платье и послѣ шелъ нагой; теперь, снявъ одежду съ мертвого, надѣлъ ее на себя.

Наступившій день не принесъ имъ ни малѣйшаго облегченія. Нужда заставляла ихъ кое-какъ тащиться далѣе, но признаки не подавали имъ ни какой надежды къ избавленію. Теперь число ихъ уменьшилось до трехъ человѣкъ: Гаинсъ, Эвансъ и Вормингтонъ; но и они могли только нѣсколькими днями пережить своихъ товарищей. Силы и чувства ихъ постепенно ослабѣвали: они едва могли видѣть и слышать, а солнце вертикальными лучами своими палило ихъ несноснымъ образомъ, и они чуть, чуть могли передвигать ноги.

Наконецъ жажда довела ихъ до такого изступленія, что Вормингтонъ предложилъ по жребію одного изъ нихъ убить, чтобъ мясомъ и кровью его остальные могли насытиться и утолить жажду. Но Гаинсъ и Эвансъ съ ужасомъ и отвращеніемъ отвергли это предложеніе; тогда Вормингтонъ, пожавъ имъ руку и пожелавъ счастливаго пути, сѣлъ на песокъ, и рѣшился умереть не трогаясь съ мѣста, а товарищи его побрели далѣе.

Эти два человѣка хотя часъ отъ часу изнемогали болѣе и болѣе, но силились еще идти, покуда могли переставлять ноги. Наконецъ увидѣли они впереди что-то, казавшееся имъ большими птицами; но приблизившись, нашли,

что это были люди, которыхъ сначала, по слабости зрѣнія и слуха, они не могли узнать. Спустя нѣсколько минутъ разсмотрѣли они, что эти четыре человѣка были прежніе ихъ товарищи, съ коими они разлучились. Одинъ изъ нихъ, молодой человѣкъ, по имени Прайсъ, первый ихъ встрѣтилъ и сообщилъ имъ радостную вѣсть, что у товарищей его есть хорошій запасъ прѣсной воды. Эти люди назывались Барней, Лири и Делассо. Послѣ взаимныхъ распросовъ объ участи своихъ однокорабельщиковъ, Лири и Делассо пошли для отысканія Вормингтона, котораго вскорѣ привели и тѣмъ спасли ему жизньъ.

Послѣдній человѣкъ, похороненный этою партіею, былъ капитанскій дворецкій; партія также была доведена до такой крайности, что для утоленія голода хотѣла изрѣзать тѣло дворецкаго на части, и конечно исполнила бы это, если бѣ, къ счастью, не попался ей въ самое то время молодой мертвый тюлень. Тогда же замѣтили они, какъ птицы доставали изъ песку раковины, которыхъ вовсе на поверхности не было; слѣдуя безмолвному наставленію пернатыхъ, и они научились снискивать себѣ пищу (*), безъ которой надлежало бы имъ погибнуть.

Гависъ и Эвансъ, рассказывая о своихъ приключеніяхъ, упомянули, что недалеко отъ этого мѣста похоронили они эконома, на которомъ было довольно хорошее платье; это привело въ искушеніе одного изъ ихъ товарищей; онъ пошелъ снять оное, и Эвансъ, подкрѣпивъ свои силы пищею, взялся показать ему мѣсто, гдѣ однако жъ тѣла уже не

(*) Дѣйствительно, можно умереть съ голоду, при изобиліи, отъ незнанія какъ доставать пищу. Устрицы и всѣ раковины вообще рѣдко попадаютъ живые на поверхности берега, но въ песокъ или въ тинѣ ихъ бываетъ множество. Для добыванія ихъ все искусство состоитъ въ томъ, чтобы точно узнать мѣсто, гдѣ лежатъ раковины, чтобы не даромъ рыть; для этого надобно примѣчать, гдѣ выходятъ изъ земли капли, похожія на маленькіе мыльные пузырьки, которыя, выскочивъ на поверхность, тотчасъ исчезаютъ. Пузырьки эти служатъ вѣрнымъ показателемъ мѣстъ, гдѣ лежатъ раковины.

Прим. перев.

было, а слѣдъ показывалъ, что оно похищено звѣремъ. Возвращаясь вечеромъ, Эвансъ оставилъ неповоротливаго своего товарища, который, вѣроятно, также сдѣлался добычею звѣрей, ибо на другой, день не могли его найти. Здѣсь видѣли такое множество хищныхъ звѣрей, что иногда встрѣчали по двадцати и болѣе вмѣстѣ. Они на опытъ узнали, что чрезвычайно громкій и продолжительный крикъ пугалъ животныхъ, а потому всегда этимъ средствомъ отгоняли ихъ отъ себя.

Достигнувъ наконецъ мѣста, изобильнаго водою и раковинами, они провели тамъ два дня, подкрѣпили себя пищею и наготовили хорошій запасъ въ дорогу. Покойный сонъ и пища имѣли удивительное падѣ ними дѣйствіе: не только здоровье ихъ возстановилось, но и духомъ они чувствовали себя бодрѣе, и приобрѣли столько силы, что могли пуститься на новые труды.

Съ превеликимъ затрудненіемъ и опасностью переѣхали они, посредствомъ плота, чрезъ весьма большую рѣку, называемую по догадкамъ, *Сонтангъ*. Достигнувъ противнаго берега, съ ужасомъ взирали они на свой подвигъ, и удивлялись, какъ быстрою не унесло ихъ въ море. Здѣсь нашли они родъ раковинъ, лежащихъ глубоко въ пескѣ, которыми пополнили запасъ свой.

Теперь маленькое ихъ общество, состоявшее изъ шести человѣкъ, пустилось чрезъ степь. Въ шесть дней, не выдавъ ни одной хижины и не встрѣтивъ ни одного человѣка, они прошли ее и достигли, какъ въ послѣдствіи оказалось, такъ называемой *Черной рѣки*, на берегахъ коей переночевали.

Страна, въ которую они теперь вступили, была плодородна и обработана, и селенія начали попадаться вдали отъ морскаго берега. Но въ самое то время, какъ видѣли съ удовольствіемъ счастливую перемѣну въ своемъ положеніи, зажгли они, по неосторожности, траву, которая тотчасъ распространила пламень. Боясь мщенія жителей, они старались погасить огонь, но это было дѣло невозможное.

Путру на другой день переплыли они благополучно чрезъ Черную рѣку, и на взморѣй нашли мертваго кита.

Намѣреніе ихъ было, при такомъ изобиліи въ пищѣ, пробыть здѣсь нѣсколько дней для отдохновенія; но какъ не могли сыскать прѣсной воды, то, запасшись китовымъ мясомъ, пошли далѣе. Черезъ два часа вступили въ чашу лѣса, гдѣ нашли воду, и расположились ночевать.

Наутро четверо изъ партіи отправились къ киту за новымъ запасомъ, а двое, Делассо и Прайсъ, остались при огнѣ. Прайсъ, удалившись за дровами, увидѣлъ двухъ человѣкъ съ ружьями; испугавшись, онъ побѣжалъ отъ нихъ къ своему товарищу, а они за нимъ послѣдовали, и скоро обрадовали страдальцевъ извѣстіемъ, что они жители голландскаго селенія, находившагося въ недалекомъ отъ нихъ разстояніи, и ищутъ бродящій по лѣсу скотъ. Одинъ изъ сихъ людей, по имени Баторесъ, былъ Португалецъ; онъ очень хорошо объяснялся съ Делассо, родомъ изъ Италіи. Колонисты желали скорѣе увидѣть прочихъ четверыхъ англичанъ, которыхъ нашли занимавшихся рѣзаніемъ кита. Зрѣлище это тронуло ихъ до слезъ; взявъ у нихъ китовое мясо, бросили на землю, сказавъ имъ, что чрезъ нѣсколько минутъ они будутъ ихъ подчивать чѣмъ нибудь лучше этой отвратительной пищи.

Едва ли можно выразить словами чувствованія, коими были объаты изнуренные путешественники, при столь восхитительномъ для нихъ извѣстіи. Непомѣрная радость, которою толь внезапно исполнились сердца ихъ, произвела надъ каждымъ изъ нихъ особое дѣйствіе: одинъ смѣялся, другой плакалъ, а иной прыгалъ въ восторгѣ.

По прибытіи ихъ въ домъ Г. Христофора Рустофа, у котораго Баторесъ находился въ услуженіи, приняты они были самымъ благосклоннымъ образомъ. Хозяинъ, узнавъ о претерпѣнныхъ ими бѣдствіяхъ, тотчасъ приказалъ дать имъ хлѣба и молока; но въ этомъ случаѣ, къ сожалѣнію, болѣе руководствовался правилами гостепріимства, нежели благоразумія, ибо далъ имъ такое количество пищи, что они, обременивъ желудокъ, были нѣсколько времени больны.

Они такъ давно перестали вести счетъ днямъ, что даже не знали и мѣсяца, и уже Голландцы сказали имъ, что избавленіе ихъ послѣдовало 29-го Ноября, слѣдовательно

отъ времени кораблекрушенія провели они 117 дней въ неслыханныхъ бѣдствіяхъ, подвергавшихъ много разъ самую ихъ жизнь опасности, отъ которой, кромѣ Провидѣнія, ничто не могло ихъ избавить.

Въ слѣдующій день Г. Рустофъ убилъ барана (*) для угощенія своихъ гостей, а другой голландецъ, по имени Квинъ, приготовилъ фуру и шесть лошадей для доставленія ихъ на Мысъ Доброй Надежды, отъ котораго они теперь находились не далѣе четырехъ сотъ миль (**). Прайсъ, по причинѣ боли въ ногѣ, остался у Рустофа, который обѣщался, по выздоровленіи, доставить его на мысъ, а прочіе отправились въ домъ Г. Квина, гдѣ гостили четверо сутокъ.

Отселѣ везли ихъ на фурахъ, перемѣняя оныя въ каждомъ селеніи, доколѣ не прибыли они въ мѣстечко Свеллендамъ, въ ста миляхъ отъ мыса. Здѣсь ихъ задержали до полученія повелѣнія изъ Капштата (***). Голландцы повсюду обходились съ ними съ примѣрнымъ человѣколюбіемъ, угощали ихъ и снабжали всѣмъ, чѣмъ могли.

По причинѣ бывшей тогда войны между Англіею и Голландіею, вѣрно было только двоихъ изъ нихъ отправить въ столицу колоніи для допроса, а прочихъ содержать въ Свеллендамѣ. Въ слѣдствіе сего повелѣнія, Вормингтонъ и Лери отправились на мысъ, гдѣ, послѣ строгихъ распросовъ, отослали ихъ на стоявшій тогда въ заливѣ голландскій военный корабль и велѣли употребить въ должность. На семъ кораблѣ шхиперъ дѣлалъ разныя злоупотребленія на счетъ казны; Вормингтонъ, замѣтивъ это, погрозилъ ему, что откроетъ оныя капитану. Этотъ неблагоразумный поступокъ послужилъ къ его счастью, ибо шхиперъ, приказавъ однажды ему и товарищу его Лери сѣсть въ яликъ, тотчасъ отправилъ ихъ на датскій

(*) Жирная баранина почитается лучшимъ подчиваньемъ между колонистами Мыса Доброй Надежды. *Прим. перев.*

(**) Семьсотъ верстъ.

(***) Капштатъ, по-англійски Cape-town, главный городъ Колоніи Мыса Доброй Надежды. *Прим. перев.*

ость-индскій корабль, снимавшійся тогда съ якоря, на которомъ они благополучно достигли своего отечества.

Между тѣмъ Голландское Правительство Мыса Доброй надежды, свѣдавъ о бѣдствіяхъ экипажа корабля Гровенора, не взирая на кровопролитную войну между двумя державами, къ безсмертной своей славѣ, отправило экспедицію для отысканія несчастныхъ Англичанъ. Отрядъ сей былъ ввѣренъ Капитану Миллеру, и состоялъ изъ ста европейцевъ и трехъ сотъ готтентотовъ, съ нужнымъ числомъ фуръ, изъ коихъ въ каждой было запряжено по осьми быковъ. Капитанъ Миллеръ имѣлъ предписаніе слѣдовать къ мѣсту, гдѣ корабль разбился, и стараться спасти изъ остатковъ его груза и вещей, что будетъ можно, а на пути освѣдомляться и забирать Англичанъ, кои, можетъ быть, еще живы и скитаются по степямъ или находятся во власти жителей.

Де Лассо и Эвансъ отправились съ экспедиціею въ качествѣ вожатыхъ, а Гаинсъ, за болѣзнію, остался въ Свеллендамѣ. Экспедиція была съ избыткомъ снабжена всѣмъ нужнымъ и такими вещами, посредствомъ коихъ можно было снискать дружбу жителей и выкупить у нихъ плѣнныхъ Англичанъ, буде бы таковые сыскались. Отрядъ сей съ бодростью и охотою продолжалъ свое путешествіе доколѣ Кафры, по ненависти своей къ колонистамъ, не стали имъ препятствовать. На пути Голландцы нашли Томаса Люиса, Вилліама Гатерли и еще одного матроса. Гатерли былъ слугою у втораго офицера; онъ не отставалъ отъ своихъ товарищей доколѣ всѣ они не померли: посредствомъ сего человѣка стала извѣстна участь одной партіи.

Въ продолженіе своего путешествія, отрядъ встрѣтилъ спасшихся съ корабля Гровенора семерыхъ ласкаровъ и двухъ негритянокъ, изъ коихъ одна была въ услуженіи у Г-жи Лоджи, а другая у Г-жи Госи. Отъ сихъ женщинъ узнали, что вскорѣ послѣ разлученія съ ними Гаинсова партія, ихъ партія также раздѣлилась надвое; онѣ присоединились къ ласкарамъ, и не знаютъ что случилось съ капитаномъ и съ дамами. Хотя послѣ опѣ видѣли капитанъ

скій мундиръ на одномъ изъ жителей, но имъ неизвѣстно, умеръ ли онъ или убитъ.

Когда Кафры воспренятствовали фурамъ продолжать путь, Капитанъ Миллеръ отправилъ, для исполненія возложеннаго на него порученія, конный отрядъ, который, будучи повсюду преслѣдуемъ ожесточенными Кафрами, чрезъ пятнадцать дней возвратился безъ успѣха. Послѣ того вся экспедиція прибыла обратно въ Свеллендамъ, пробывъ въ походѣ около трехъ мѣсяцевъ.

Ласкаровъ и негритянокъ Голландцы оставили въ Свеллендамѣ, а Англичанъ доставили въ Капштатъ, откуда позволено имъ было, на датскомъ торговомъ кораблѣ, возвратиться въ свое отечество.

Такимъ образомъ кончились несчастныя приключенія сихъ страдальцевъ. Что же принадлежитъ до капитана и его партіи, то розыски объ нихъ и послѣ еще продолжались, но всѣ были тщетны. Вскорѣ послѣ возвращенія экспедиціи, пронесся слухъ, будто нѣкоторые изъ Англичанъ еще живы и находятся въ рабствѣ у дикихъ. Молва сія заслужила всеобщую довѣренность и заставила Г. Вальяна, равно извѣстнаго своимъ человеколюбіемъ, ученостію и предприимчивостію, покуситься на вторичное предпріятіе для отысканія несчастныхъ, но, при всей его дѣятельности, онъ не могъ свѣдать объ ихъ участи ничего рѣшительнаго.

Не взирая, однако жъ, на худой успѣхъ поисковъ, общее мнѣніе и желаніе всѣхъ состояній въ Англіи и Голландіи понудили колонистовъ предпринять еще одну экспедицію, съ намѣреніемъ непремѣнно дойти до разбитаго корабля.

Отрядъ, запасшись достаточнымъ количествомъ всего нужнаго, отправился съ береговъ рѣки Каферъ-кейлъ 24-го Августа 1790 года, и направилъ путь къ мысу Наталю, у береговъ коего Гровеноръ претерпѣлъ кораблекрушеніе. Одинъ изъ Голландцевъ, въ отрядѣ находившихся, по имени ванъ-Риненъ, велъ поденную записку сего путешествія, съ которой переводъ напечаталъ Капитанъ Райо. Не считаемъ за нужное помѣщать здѣсь сколько миль когда они проѣхали; сколько убили слоновъ, какія встрѣчали опасности,

какъ переправлялись чрезъ рѣки, и проч. и проч.; ограничимся только происшествіями, кои наиболѣе любопытны и имѣютъ связь съ цѣлью экспедиціи.

Проѣхавъ весьма большое разстояніе, Голландцы достигли земли Гамбоновъ, народа совершенно отличнаго отъ Кафровъ. Народъ этотъ имѣетъ цвѣтъ тѣла изъ-желтакаштановый, а жесткіе черные свои волосы завиваетъ на подобіе чалмы. Нѣкоторые изъ жителей увѣдомили путешественниковъ, что одно селеніе, имъ подвластное, состоитъ изъ смѣшаннаго народа, происшедшаго отъ нихъ и Христіанъ, претерпѣвшихъ на сихъ берегахъ кораблекрушеніе; что изъ сихъ Христіанъ три женщины по сіе время еще живы и находятся въ замужствѣ за однимъ изъ старшинъ Гамбонскаго народа. Извѣстіе это возбудило въ голландцахъ великое любопытство и желаніе видѣть сихъ женщинъ, что имъ наконецъ и удалось: онѣ были очень стары, и сказали имъ, что всѣ три сестры родныя, въ ребячествѣ претерпѣли кораблекрушеніе, и не помнятъ, отъ какого народа происходятъ. Голландцы общались имъ, на возвратномъ пути взять ихъ и дѣтей ихъ съ собою; чѣмъ, по-видимому, онѣ были весьма довольны. Вѣроятно, что эти старухи подали причину къ распространенію молвы о пребываніи бѣлыхъ женщинъ между дикими, а какъ до сего Европейцы не знали ни о какомъ другомъ кораблѣ, кромѣ Гровенора, погибшемъ на здѣшнихъ берегахъ, то и заключили, что женщины сіи должны быть изъ числа спасшихся съ вышепомянутаго корабля.

Потомъ Голландцы встрѣтили Троута, человѣка читателю уже извѣстнаго по сему повѣствованію. Сперва онъ взялся было проводить ихъ на мѣсто, гдѣ погибъ Гровеноръ, и сказалъ, что теперь ни какихъ его остатковъ не видно, кромѣ нѣсколькихъ пушекъ, желѣза, баласта и свинца, а о экипажѣ объявилъ, что всѣ люди, его составлявшіе, лишились жизни отъ рукъ жителей или померли съ голоду.

Троутъ съ самаго начала лукавилъ и хотѣлъ ихъ обмануть; о себѣ сказалъ, что онъ свободный человѣкъ, отправился изъ Малакки на англійскомъ кораблѣ и остался на

мысль. Но боясь, чтобъ они его не узнали, и не привели обратно въ Капштатъ, онъ тайнымъ образомъ отъ нихъ скрылся, и оставилъ ихъ опять самихъ искать дорогу къ кораблю.

Въ это время съ однимъ изъ Голландцевъ случилось несчастье: онъ упалъ въ яму, на днѣ коей были вколочены острые, обожженные колья, и получилъ жестокую рану, отъ которой въ послѣдствіи умеръ. Жители выкапываютъ эти ямы и прикрываютъ ихъ вѣтвями, листьями, и проч., для слоновъ, которые часто въ нихъ падаютъ, какъ въ западню.

Напоследокъ нѣсколько человекъ изъ отряда достигли верхомъ мѣста, гдѣ Гровеноръ разбился, и нашли все точно въ такомъ положеніи, какъ описалъ Трoutъ. Недалеко отъ берега видѣли они большую яму, по вѣсѣмъ признакамъ служившую для храненія разныхъ вещей. Трoutъ сказывалъ имъ, что всѣ товары и разные вещи, которыхъ дикіе могли вынуть изъ корабля, разбѣяны по вѣсѣмъ окружнымъ областямъ, и большая часть изъ нихъ отвезена на берега рѣки Гоа (Rio de la Goa) на продажу. Устье сей рѣки, отъ мѣста крушенія корабля отстоитъ только на четыре дня хода.

Здѣсь жители сосѣдственныхъ мѣстъ не мало удивлялись, что Голландцы предпринимали такое многотрудное и опасное путешествіе единственно для отысканія небольшого числа Европейцевъ, и дали обѣщаніе въ случаѣ подобнаго несчастья съ бѣлыми, стараться сберечь ихъ и доставить въ селенія, если за нихъ будетъ заплачено бисеромъ, мѣдью и желѣзомъ. На это условіе Голландцы охотно согласились, и убѣждали ихъ держать свое слово.

Такимъ образомъ смѣлые и предприимчивые путешественники, проѣхавъ отъ мыса 447, а отъ послѣдняго европейскаго жилища 216 лигъ, и не найдя ни какихъ слѣдовъ къ отысканію злополучныхъ Англичанъ (*), рѣшились возвратиться.

(*) Въ описаніи одного изъ кораблекрушеній, помѣщенныхъ въ послѣдствіи сей книги, упоминается объ участи несчастныхъ дамъ, возбудившей всеобщее собогѣзнованіе и любопытство въ Англіи.

На обратномъ пути заѣзжали они въ селеніе жителей, происшедшихъ отъ Христіанъ и предлагали вышеупомянутымъ тремъ женщинамъ отправиться съ ними; но онѣ никакъ на то не соглашались до окончанія жатвы, а тогда, говорили, все ихъ селеніе, состоящее изъ четырехъ сотъ душъ, готово будетъ съ радостью за ними послѣдовать. Голландцы увѣряли ихъ, что если когда нибудь они вздумаютъ переселиться на Мысъ Доброй Надежды, то ихъ всегда примутъ тамъ съ радостью и сдѣлаютъ имъ всякое пособіе. Жители эти весьма были тронуты и крайне удивились, увидѣвъ просвѣщенныхъ людей одного съ ними образа и цвѣта.

Продолжая обратный путь, они часто стрѣляли слоновъ и коровъ морскихъ; но 1-го Декабря случилось съ ними ужасное происшествіе въ то самое время, когда они разѣзывали и солили морскую корову. «Пока мы занимались этою работою, говоритъ повѣствователь фанъ-Риненъ, огромной величины слонъ подошелъ къ нашимъ фурамъ: мы тотчасъ стали стрѣлять по немъ. Животное, получивъ нѣсколько ранъ, отъ которыхъ два раза падало, ушло наконецъ въ чащу кустарника. Полагая, что мы его совсѣмъ убили, трое изъ насъ, Вадъ, Принсъ и Мулдеръ пошли за нимъ; но онъ съ яростію выбѣжавъ изъ кустовъ, схватилъ Принса хоботомъ, и однимъ ударомъ оземь убилъ его до смерти, потомъ подхватилъ на клыкъ и бросилъ вверхъ сажень на пять.

«Тогда всѣ мы легли и уползли въ кусты. Разъяренный слонъ, не видя вокругъ себя никого, кромѣ одной лошади, погнался за нею, но скоро воротился къ обозу, и подошелъ къ мертвому тѣлу Принса. Въ эту минуту мы опять начали стрѣлять, дали ему еще нѣсколько ранъ, и угнали его въ кусты.

«Теперь мы думали, что уже побѣдили непріятеля и стали рыть могилу для несчастнаго нашего товарища; но слонъ еще разъ выбѣжалъ и заставилъ насъ удалиться; однако жъ въ этотъ разъ мы убили его нѣсколькими выстрѣлами, и когда онъ упалъ, Готтентоты напали на него съ копьями.»

Послѣ этого никакихъ достопримѣчательныхъ происше-

ствій съ ними не случилось. Въ Январѣ 1791 года, они благополучно возвратились въ свои дома, совершивъ съ невѣроятными затрудненіями и опасностью путешествіе, предпринятое единственно по челоуѣколюбію.

Мы не можемъ сдѣлать лучшаго заключенія сему описанію, какъ помѣстивъ здѣсь благоразумное разсужденіе Капитана Райо въ собственныхъ его словахъ.

«Если бѣ экспедиція (говоритъ онъ), отправившаяся для отысканія Англичанъ въ 1783 году, продолжала путь свой съ такимъ же усердіемъ и предпримчивостью, какими ознаменовано путешествіе Фанъ-Риненова отряда, то весьма вѣроятно, что она успѣла бы найти и освободить многихъ изъ нашихъ соотечественниковъ, которые послѣ того времени померли.

«Но болѣе всего мы должны сожалѣть о томъ, что несчастный экипажъ корабля Гровенора, спасшійся при кораблекрушеніи, былъ самъ же главною причиною всѣхъ своихъ бѣдствій: неповиновеніе начальству и недостатокъ единомудрія погубили его. Въ бѣдахъ частныхъ людей, точно такъ, какъ и въ народныхъ бѣдствіяхъ, болѣе всего вредятъ общественному благу безпорядокъ и несогласіе. Когда отчаяніе овладѣетъ простолудинами, и когда они потеряютъ уваженіе къ высшимъ себя, тогда каждый изъ нихъ станетъ разсуждать безъ разсудка, и умничать, не имѣя ума, и готовъ покуситься на всякое предпріятіе, какъ бы нелѣпо оно ни было. Въ такомъ случаѣ тотчасъ обнаружится въ нихъ духъ возмущенія; они не станутъ уважать совѣтовъ своихъ начальниковъ для того только, чтобъ показать имъ, что они могутъ ихъ ослушаться безъ наказанія.

«Конечно, гораздо легче видѣть ошибки, когда слѣдствія, отъ оныхъ происшедшія, уже извѣстны, нежели заблаговременно предугадывать то, что можетъ случиться; но, при всемъ томъ, нельзя не усмотрѣть, что экипажъ Гровенора, вышедши счастливо на берегъ, и имѣя въ своей власти всѣ пособія, которыя могъ получить отъ разныхъ вещей и самыхъ членовъ погибшаго корабля, не былъ въ такомъ безпомощномъ положеніи, которое оправдывало бы

отчаянное его предпріятіе: пуститься по безплоднымъ степямъ, непроходимымъ лѣсамъ и страпамъ отдаленнымъ, населеннымъ дикими пародами и паполненнымъ хищными звѣрями. И если бѣ вмѣсто сего безразсуднаго поступка, Капитанъ Коксонъ отправилъ человѣкъ десять или пятнадцать къ сѣверу, то они чрезъ нѣсколько дней достигли бы рѣки Гоа, гдѣ рѣдко случается, чтобъ не было французскаго или португальскаго корабля, кои приходятъ туда за невольниками. Но допустимъ и то, что капитанъ много ошибся въ своемъ счисленіи, и полагалъ себя несравненно ближе къ Мысу Доброй Надежды, нежели какъ это было въ самомъ дѣлѣ: и тогда не подлежало бы ему вдругъ бросить корабль и безъ всего отважиться на такой трудный и опасный путь. Онъ могъ бы поставить хижины, и принявъ всѣ осторожности противъ жителей, пробыть на мѣстѣ нѣсколько дней, чтобъ успѣть приготовиться къ сухопутному странствію, и установить нужный порядокъ и подчиненность, кои должно было наблюдать на походѣ, и потомъ уже всѣмъ вмѣстѣ выступить въ дорогу.

«Если бѣ офицеры умѣли держать нижнихъ чиновъ въ повиновеніи, каждое изъ сихъ предпріятій могло быть исполнено съ успѣхомъ. Даже была бы возможность снабдивъ себя съѣстными припасами съ корабля и покупкою отъ жителей, укрѣпиться, построить ботъ, и отправить его за пособіемъ на Мысъ Доброй Надежды. Впрочемъ, что бѣ они ни предприняли, только повинувъсь своему начальнику и дѣйствуя единодушно, они могли лучше сберечь себя, и вѣрно многіе изъ нихъ были бы столь счастливы, что возвратились бы въ свое отечество.

«Теперь этому несчастію пособить уже поздно, по крайней мѣрѣ станемъ надѣяться, что примѣръ сей послужитъ къ наставленію нашихъ мореплавателей, и покажетъ имъ въ настоящемъ, разительномъ видѣ эту неопровержимую истину, что въ опасныхъ или бѣдственныхъ обстоятельствахъ жизни военныхъ людей, спасеніе ихъ зависитъ единственно отъ порядка и подчиненности (*).»

(*) Нѣтъ ничего справедливѣе этого замѣчанія; но нѣтъ

*Гибель американскаго корабля Геркулеса, со-
крушившагося 16-го Іюня 1796 года, на бере-
гахъ Кафраріи съ описаніемъ путешествія,
совершеннаго спасшимся экипажемъ до Мыса
Доброй Надежды.*

Повѣсть объ участи американскаго корабля Геркулеса и о бѣдствіяхъ, экипажемъ оного претерпѣнныхъ, столь занимательна и поучительна для каждаго мореходца, что помѣщеніе оной въ семь собраній намъ показалось почти необходимымъ.

Капитанъ Веніаминъ Стоутъ, начальникъ корабля Геркулеса, имѣлъ намѣреніе взять грузъ изъ Бенгала въ Гамбургъ; но какъ онъ не могъ сыскать ни какой кледи по своему желанію, то напился перевезти въ Англію значительное количество сарачинскаго пшена на счетъ Остѣ-Индской Компаніи, которая, по случаю всеобщаго неурожая хлѣба въ Англіи, имѣла похвальное желаніе облегчить сколько возможно участь своихъ соотечественниковъ. По-

ническаго и труднаго, какъ удержать въ повиновеніи служителей купеческихъ судовъ послѣ кораблекрушенія; они думаютъ, что съ потерю судна, кончаются всѣ ихъ договоры, слѣдовательно и обязанности къ хозяевамъ. Такъ какъ англійскіе матросы не иначе считаютъ Остѣ-Индскіе корабли какъ судами, принадлежащими купцамъ, не взирая на разныя права и преимущества, предоставленныя имъ отъ правительства, потому Капитану Коксону было весьма мудро ладить съ своимъ экипажемъ. На военныхъ корабляхъ у Англичанъ другое дѣло: тамъ есть законъ, по которому экипажъ погибшаго корабля, до окончанія надъ нимъ воспанаго суда, остается точно на такомъ же положеніи, въ той же подчиненности и зависимости у своихъ офицеровъ, какъ бы дѣйствительно находился на кораблѣ, и даже получаетъ полное жалованье по походному окладу. Какая разность между нашими матросами и иностранцами! Русскій матросъ тѣмъ болѣе прилѣпляется къ своему офицеру и повируется ему, чѣмъ опаснаго положеніе, въ коемъ онъ находится, и если имѣетъ хотя небольшую довѣренность къ своему начальнику, то, не разсуждая, готовъ слѣдовать за нимъ повсюду, и въ случаѣ неудачи отнюдь не ропщетъ. *Прим. перев.*

грузивъ девять тысячъ мѣшковъ пшена, Геркулесъ отправился изъ Бенгала 17-го Марта 1796 года; экипажъ его составляли Американцы, Датчане, Шведы, Голландцы, Португальцы, по болѣе ласкары, всего 64 человѣка.

До 1-го Юня, когда корабль достигъ широты 35° S, долготы 28° 40' восточной, ничего достопримѣчательнаго не случилось; но въ это время начала свирѣпствовать жестокая буря отъ запада, припудившая корабль оставаться подъ однимъ бизань-стакселемъ въ продолженіе шести сутокъ, въ которыя вѣтеръ постоянно дулъ отъ W, но въ силѣ увеличивался постепенно, и наконецъ, 7-го числа, дошелъ до крайней степени жестокости. «Я взросъ на морѣ, говоритъ Капитанъ Стоутъ, но такой ужасной бури никогда не видалъ, да и не слыхивалъ, и не читалъ нигдѣ, чтобъ вѣтеръ когда либо могъ свирѣпствовать съ такою непонятною силой. Временно находили такіе ужасные порывы, что, казалось, насталъ часъ разрушенія міра.» Корабль то подымался на непомѣрную высоту волнами, подобными горамъ, то низвергался въ преглубокую бездну, и тогда казалось, волны стремились поглотить его; а это, съ ужаснымъ ревомъ стихій, произвело столь сильное дѣйствіе надъ самыми опытными и неустрашимыми мореходцами, что они пребывали въ какомъ-то забвеніи и безмолвіи, смотря на величественное и въ высочайшей степени грозное дѣйствіе природы. Тѣ же служители, которые еще не имѣли времени привыкнуть къ ужасамъ морской жизни, и имѣли сердца не столь твердыя какъ старые мореходцы, предались совершенному отчаянію; столами и воплемъ они еще усугубляли ужасы и безъ того слишкомъ страшной картины.

Но когда наступила ночь, картина сія представилась въ стократно ужаснѣйшемъ видѣ. Кажется, невозможно ни воображеніемъ постигнуть, ни словами изъяснить въ высочайшей степени грозныхъ предметовъ, среди коихъ корабль, покрытый мракомъ, находился въ это время. Но этого было не довольно; судьба хотѣла въ полной мѣрѣ показать несчастному экипажу отчаянное его положеніе: около полуночи внезапная перемѣна вѣтра поставила корабль между волнами, которыя, стремясь на него со всѣхъ

сторонъ, такъ сильно ударили въ подзоръ, что въ нѣсколько минутъ оторвали руль, ослабили старнѣ-постъ въ его крѣпленіяхъ, и распатали всю корму самымъ опаснымъ образомъ. Капитанъ тотчасъ приказалъ смѣнять въ трюмѣ воду, которая возвысилась уже до четырехъ футъ; тогда одинъ отрядъ служителей былъ опредѣленъ дѣйствовать помпами, а прочіе начали доставать изъ трюма и бросать въ море сарачинское пшено, съ намѣреніемъ облегчить судно для уменьшенія течи, и если возможно, совершеннаго прекращенія оной. Когда отъ трехъ до четырехъ сотъ мѣшковъ съ корабля были сброшены, оказались мѣста главной течи, которыми вода лилась непрерывно. Чтобъ заткнуть эти отверстія, экипажъ употреблялъ простыни, рубашки, платье, и даже тюки съ богатыми кисеями не пощажены. Если бы капитанъ не принялъ сихъ мѣръ, то корабль потонулъ бы непременно, не взирая на доброту помпъ, которыя выливали воды по пятидесяти тоновъ въ часъ.

Предъ разсвѣтомъ вѣтеръ сдѣлался умѣреннѣе; служители находились въ непрестанной работѣ при помпахъ, стараясь не допустить корабля до потопленія. Въ это время восточный берегъ Африки отстоялъ отъ нихъ на разстояніи около двухъ сотъ миль.

9-го числа буря смягчилась, но волненіе было чрезвычайно велико. Капитанъ приказалъ спустить баркасъ на воду, но опасаясь, чтобъ нѣкоторые изъ экипажа не уѣхали на немъ самовольно, послалъ на него втораго штурмана и трехъ надежныхъ матросовъ съ приказаніемъ застрѣлить перваго, кто осмѣлится вскочить на баркасъ безъ его позволенія. Притомъ велѣлъ штурману держаться подлѣ корабля, доколѣ не станетъ онъ на якорь.

Когда баркасъ былъ занятъ симъ карауломъ, капитанъ далъ приказъ приготовить изъ запаснаго рангоута и досокъ плотъ, который былъ сдѣланъ скоро: онъ имѣлъ 35 футовъ длины, и 15 ширины. Въ это время капитанъ страшился, что корабль его потонетъ не дойдя до берега, и что баркасъ не будетъ въ состояніи поднять всѣхъ ихъ, а потому принялъ всѣ мѣры, какія только было возможно, для спасенія экипажа.

Когда штурманъ, съ назначенными въ команду его людьми, былъ уже на баркасѣ, подошелъ къ капитану тимерманъ и сталъ усердно его просить позволить и ему сойти въ баркасъ; а на выговоръ, сдѣланный ему капитаномъ за трусость и нерадѣніе къ должности, которая требовала неотлучнаго его присутствія у помпъ, тимерманъ залился слезами и объявилъ, что старнъ-постъ и кормовыя крѣпленія совершенно во всѣхъ частяхъ ослабли, и онъ ежечасно ожидаетъ, что корабль пойдетъ на дно. Отчаянный видъ сего чловѣка и жалостный голосъ, коимъ онъ говорилъ, увеличили страхъ экипажа до крайности, а это самое понудило капитана торжественно объявить, что онъ исполнить долгъ свой до послѣдней секунды его жизни, и не оставитъ корабля, доколѣ собственными своими глазами не увѣрится, что онъ погружается. Не взирая на это, тимерманъ повторилъ свою просьбу: тогда капитанъ грозно приказалъ ему итти на свое мѣсто къ помпамъ, и если онъ не будетъ исполнять своей должности, какъ слѣдуетъ, то прикажетъ бросить его въ море. Объявленіе это произвело удивительное дѣйствіе: тимерманъ вдругъ сдѣлался смѣлъ, распоряжалъ и работалъ съ чрезвычайнымъ усердіемъ.

Но лишь тимерманъ удалился, какъ многіе изъ матросовъ приступили къ капитану съ такимъ же требованіемъ. Они простерли свою дерзость до того, что едва не довели было капитана до необходимости нѣкоторыхъ изъ нихъ въ ту же минуту лишить жизни.

О сихъ обстоятельствахъ упоминается здѣсь въ предосторожность тѣмъ мореплавателямъ, которые во время опасности слишкомъ склонны слушать мнѣнія каждаго изъ подчиненныхъ своихъ. Матросы, но бѣльшей части, при малѣйшемъ сомнѣніи въ цѣлости корабля, готовы оставить оный, на чемъ бы то ни было: на шлюпкахъ или на плотяхъ, и горе тому начальнику, который дастъ имъ (*) волю: ибо отъ сего ничего не можетъ произойти кромѣ безначалія и замѣшательства.

(*) Не томо матросамъ, но даже и офицерамъ не должно

Экипажемъ, составленнымъ изъ людей разныхъ націй, каковъ былъ экипажъ корабля Геркулеса, надобно было управлять умно; съ такими людьми бываетъ нужно иногда уважать народные предрасудки и суевѣрія; слѣдующее происшествіе докажетъ истину сего мнѣнія примѣромъ.

Въ то время, когда буря свирѣпствовала съ величайшею жестокостью, большая часть служителей, а особливо ласкары, по капитанскому приказанію, работали внизу при помпахъ; тогда вышелъ на шкафутъ одинъ изъ ласкаровъ, держа платокъ въ рукахъ. На вопросъ, что ему надобно, отвѣчалъ онъ спокойно и голосомъ, означавшимъ полную довѣренность къ предпринимаемой имъ мѣрѣ, что вышелъ принести жертву Богамъ своимъ. «Въ этомъ платкѣ, сказалъ онъ капитану, завязано нѣсколько пшена и всѣ мои деньги; позвольте мнѣ, сударь, привязать его на крющъ-марсѣ, и будьте увѣрены, что мы спасемся.» Капитанъ сперва хотѣлъ его отослать къ помпамъ, но вспомнивъ, что такой поступокъ могъ повергнуть въ отчаяніе сего человѣка и его единоземцевъ, позволилъ ему сдѣлать по его желанію. Ласкаръ поблагодарилъ капитана, и не взирая на качавшуюся, ежеминутно готовую повалиться мачту, равнодушно и безъ страха полѣзъ на верхъ, привязалъ свою жертву на крющъ-салингѣ, и спустившись въ полной увѣренности, что успѣлъ умиловить Боговъ своихъ, поспѣшилъ съ спмъ радостнымъ извѣстіемъ въ низъ къ своимъ товарищамъ. Ласкары пришли въ восторгъ, узнавъ о совершеніи сего обряда ихъ вѣры, благодарили его, и принялись за помпы съ такою охотою и усиліемъ, какъ будто бы не

давать повода упорно и настоятельно предлагать свои мнѣнія. Законъ даетъ право каждому предложить почтительно мнѣніе свое начальнику; если онъ приметъ оное, хорошо, а нѣтъ, то исполнять, что велятъ; и потому капитанъ долженъ представленія своихъ офицеровъ принимать съ учтивостью и выслушивать терпѣливо; противное сему было бы противузаконно; но не позволять наставлять и шумѣть о исполненіи оныхъ, а и того менѣе не допускать ихъ, какъ иногда случается, чтобы они порицали его мѣры въ присутствіи нижнихъ чиновъ.

Прим. персв.

чувствовали ни какой усталости. Экипажъ наиболѣе имъ обязанъ своимъ спасеніемъ.

Коль скоро баркасъ и плотъ были приготовлены во всемъ по желанію капитана, онъ составилъ изъ офицеровъ совѣтъ, въ которомъ положено было, по совершенной невозможности удержать долго корабль на водѣ, править къ ближайшей землѣ, поставить его на мель, и перевезть людей на берегъ.

Служители, узнавъ о такомъ рѣшеніи совѣта, начали работать съ удвоенными силами. Офицеры старались ободрять ихъ, увѣряя, что они скоро увидятъ берегъ, и что дѣйствуя безпрестанно и прилежно помпами, они безъ всякаго сомнѣнія не допустить, чтобъ корабль потонулъ, и спасутъ жизнь свою.

Долго не могли они привести корабль на настоящій курсъ къ берегу; чего и не могли бы сдѣлать безъ пособія баркаса. Капитанъ успѣлъ кое-какъ наскоро изъ стѣнги сдѣлать руль, который очень худо соотвѣтствовалъ своей цѣли, но, по крайней мѣрѣ, посредствомъ онаго, было возможно держать корабль носомъ къ берегу; для сего можно было бы употребить бухту кабельтова, но на кораблѣ недоставало людей для дѣйствія талями, ибо всѣ они посмѣнно занимались отливаніемъ воды.

Вечеромъ 15-го числа увидѣли они землю въ разстояніи лигъ шести. Служители изъявили радость свою многократнымъ восклицаніемъ: ура! Корабль между тѣмъ продолжалъ приближаться къ берегу, имѣя въ трюмѣ пять футовъ воды.

16-го числа поутру, приблизившись къ берегу на разстояніе двухъ миль, при вѣтрѣ съ западной стороны, капитанъ приказалъ положить якорь, имѣя въ виду остановить течь, исправить поврежденія, и буде можно, спасти корабль. Но по освидѣтельствованію, корма была найдена въ такомъ положеніи, что въ совѣтѣ, въ другой разъ изъ офицеровъ составленномъ, опредѣлено немедленно поставить корабль на мель у ближайшаго берега, на который и свезти экипажъ. Къ сей мѣрѣ надлежало приступить немедленно, ибо признаки предвѣщали бурю.

Въ слѣдствіе сего рѣшенія, капитанъ приказалъ второму штурману, находившемуся тогда на баркасѣ, подъѣхать къ борду, вручилъ ему всѣ нужныя корабельныя и другія важныя бумаги; потомъ, снабдивъ его водой и съѣстными припасами, велѣлъ держаться вблизи берега съ тѣмъ, чтобъ когда корабль будетъ поставленъ на мель и экипажъ благополучно выйдетъ на берегъ, онъ искалъ какого нибудь залива или бухты, удобной для баркаса, гдѣ онъ могъ бы безопасно пристать; на сей конецъ будетъ дѣлать ему сигналы, въ которыхъ они тутъ же условились. Штурманъ, давъ обѣщаніе въ точности исполнить капитанское приказаніе, сѣлъ въ баркасъ и отвалилъ отъ корабля.

Въ это время они находились у береговъ Кафраріи, въ нѣсколькихъ лигахъ отъ того мѣста, гдѣ рѣка Инфанта впадаетъ въ Океанъ. Теперь наступила для нихъ опасная, критическая минута, и экипажъ рѣшился встрѣтить оную съ твердостью, достойною мореходцевъ. Капитанъ, поворотивъ корабль посредствомъ шпринга, носомъ къ берегу, и поставивъ передніе паруса, отрубилъ канатъ и шпрингъ, и пошелъ прямо на мель.

Приблизившись къ берегу на разстояніе около полумили, корабль сталъ на грядѣ каменьева, на коихъ большимъ прибрежнымъ волненіемъ било его съ такою силою, что люди едва могли держаться. Это продолжалось не болѣе трехъ или чатырехъ минутъ; потомъ перекинуло его чрезъ гряду, и въ разстояніи отъ оной сажень на сто ближе къ берегу, бросило на мель и продолжало бить ужаснымъ образомъ: бурунь почти въ каждую минуту одинъ разъ переливался чрезъ корабль.

Въ это время найтовы, державшіе плотъ, лопнули, отчего сбросило его съ корабля и отнесло. Обстоятельство это лишило многихъ изъ нихъ всякой надежды на спасеніе, и они не знали что имъ предпринять. Наконецъ одинъ изъ матросовъ, родомъ негръ, бросился въ море, и съ усиленіемъ, превосходящимъ всякое воображеніе, добился сквозь буруны до плота, и сѣлъ на него. Едва пробывъ онъ въ семъ положеніи десять минутъ, какъ плотъ пере-

вернулся верхомъ внизъ и погрузилъ негра въ воду; но онъ чрезъ нѣсколько секундъ опять появился, и взлѣзъ на плотъ. Вскорѣ послѣ того еще два раза онъ подвергался такой же опасности, и всегда съ неимовернымъ трудомъ избавлялся и садился на плотъ. На послѣдокъ, боровшись такимъ образомъ около двухъ часовъ съ волнами, достигъ онъ благополучно берега. Капитанъ говоритъ, что доселѣ онъ не воображалъ, чтобъ человѣкъ могъ преодолѣть препятствія, предстоявшія сему негру.

Между тѣмъ жители въ большомъ числѣ появились на берегу, и разложили огни. Почти всѣ они были въ звѣриныхъ кожахъ, и вооружены копьями. При нихъ находилось множество собакъ. Лишь только спасшійся съ корабля негръ ступилъ на берегъ, одинъ отрядъ дикихъ, подхвативъ его, увелъ за песчаные холмы, и экипажъ не могъ видѣть, что они съ нимъ тамъ дѣлали.

Послѣ сего двѣнадцать американскихъ матросовъ, привязавъ себя къ разнымъ деревьямъ, какія кому понались, пустились на нихъ къ берегу, и были столь счастливы, что послѣ неизяснимыхъ трудовъ, вышли на сушу благополучно; но и съ ними было поступлено такъ же, какъ съ негромъ: жители тотчасъ увлекли ихъ за холмы и скрыли отъ глазъ экипажа, который, замѣтивъ, что дикіе опять показались на берегу, но изъ товарищей ихъ ни одного съ ними не было, заключили, что жители ихъ убили, и что они сами должны ожидать той же участи. Въ это время одинъ только бакъ могъ служить убѣжищемъ для оставшихся на кораблѣ, потому что корабль стоялъ уже плотно на мели и кормовую частію опустился, волненіе ходило прямо чрезъ оную, и могло сорвать тѣхъ, которые вздумали бы на ней держаться.

Страхъ и сомнѣніе терзали ихъ во всю ночь; нѣкоторые думали, что дикіе лишили жизни товарищей ихъ мучительною смертію, изжаривъ на огнѣ, который они видѣли на берегу, и что для предупрежденія угрожающихъ имъ мукъ лучше будетъ самимъ себя утопить въ морѣ. Другіе, напротивъ, предлагали плыть на берегъ всѣмъ вмѣстѣ, и чтобъ тѣ, которые достигнутъ онаго, вдругъ и

единодушно напали на дикихъ съ камнями и съ чѣмъ кому уасться. Но эта мѣра тотчасъ была отвергнута, ибо невозможно было имъ всѣмъ вмѣстѣ выйти на берегъ, а если бѣ какимъ нибудь чудомъ это и случилось, то какъ противиться людямъ, вооруженнымъ копьями? Въ такихъ спорахъ и разсужденіяхъ несчастные провели всю ночь, и какъ съ восхожденіемъ солнца должны были подвергнуться неизвѣстной имъ участи, то появленія дневнаго свѣтила ожидали они въ уныніи и съ трепетомъ.

Едва насталъ разсвѣтъ, какъ всѣ устремили взоры свои къ берегу; но, къ крайнему удивленію, они не видали на немъ ни одного человѣка. Теперь отчаяніе живо изобразилось на лицѣ каждаго: имъ оставалось только разсуждать, какой родъ смерти выбрать. Долго оставались они въ такой мучительной, можно сказать, отчаянной неизвѣстности, доколѣ въ девять часовъ утра положеніе ихъ не приняло совершенно другаго вида. Непомѣрная радость и восторгъ мгновенно заступили мѣсто скорби и отчаянія; кто самъ не испыталъ подобныхъ сему приключеній, тотъ и вообразить неможетъ дѣйствія такой внезапной переменъ: вдругъ съ корабля усмотрѣли они всѣхъ своихъ товарищей, шедшихъ ко взморью и подававшихъ имъ знаки, чтобъ ониплыли на берегъ. Въ нѣсколько минутъ экипажъ расхваталъ всѣ доски, люки, столы, и проч., и каждый бросался съ чѣмъ ни попало въ воду и силился достигъ берега. «Я тотчасъ,» говоритъ капитанъ, сбросилъ съ себя все платье даже до рубашки, надѣлъ фуфайку, и завернувъ золотые мои часы въ шаль, повязалъ ее по поясу; потомъ схвативъ запасное рангоутное дерево, спустился съ корабля на воду. Около трехъ четвертей часа я крѣпко держался за дерево, на которомъ несло меня къ берегу; иногда бросало меня къ нему буруномъ такъ близко, что я ногами касался каменьевъ, но ту же минуту отраженнымъ валомъ опять удаляло. Наконецъ нечаянный толчокъ вала въ руки заставилъ меня выпустить дерево, и я уже не могъ за него ухватиться, но, къ счастью моему, въ самое это время, привалилъ къ отмели огромный валъ, который, приподнявъ меня на хребтѣ своемъ, принесъ на берегъ, разлился и

оставилъ безъ чувствъ на пескѣ. Матросы наши, бывшіе на берегу, примѣтивъ мое положеніе, стояли уже въ готовности схватить и вытащить меня изъ воды. Я имъ объяснѣлъ, что слѣдующею волною не унесло меня опять въ море, ибо въ это время я совершенно обезпамятѣлъ и не прежде пришелъ въ чувство какъ тогда, когда меня принесли къ огню, обогрѣли и оттираніемъ привели кровь въ движеніе. Пришедши въ себя, я спросилъ: всѣ ли мои товарищи живы? Съ неизвѣстными удовольствіемъ узналъ я, что всѣ они находились вокругъ меня, кромѣ бывшихъ на баркасѣ, и еще одного человѣка, утонувшаго на переправѣ съ корабля. Потомъ я сталъ представлять жителямъ о нашемъ положеніи и просить ихъ помощи; но они меня не понимали, ибо я изъяснялся съ ними знаками. Къ счастью, скоро сыскался между ими Готтентотъ, долго жившій у голландскихъ поселянъ, а у меня третій штурманъ былъ Голландецъ, и такъ эти два человѣка служили намъ переводчиками.

«Съ помощію переводчиковъ, я старался всѣми мѣрами приобрести дружбу жителей; благодарилъ ихъ за оказанную намъ помощь, просилъ впередъ ихъ пособія, и именемъ нашего отечества и своимъ щедро общалъ имъ награду за все, что они для насъ сдѣлаютъ.

«Полагая, что мы находимся недалеко отъ того мѣста, гдѣ въ 1782 году погибъ англійскій Остъ-Индскій корабль Гровеноръ, я спрашивалъ у нихъ, знаютъ ли они что нибудь о семъ приключеніи. Большая часть отвѣчала, что знаютъ, и одинъ, взойдя на высокій песчаный холмъ, показывалъ то мѣсто, гдѣ этотъ корабль сталъ на мель.

«Потомъ спрашивалъ я ихъ, неизвѣстно ли имъ чего объ участи начальника сего корабля, Капитана Коксона, который, спасшись при кораблекрушеніи, съ нѣкоторыми другими хотѣлъ сухимъ путемъ достичь Мыса Доброй Надежды. На сей вопросъ дикіе меня увѣдомили, что Капитанъ Коксонъ и бывшіе съ нимъ люди убиты жителями за то, что не хотѣли отдать одному изъ ихъ старшинъ двухъ бѣлыхъ женщинъ, которыхъ онъ просилъ у нихъ въ жены; а какъ бѣлые не имѣли при себѣ ни какого

оружія, то и не могли сопротивляться. Притомъ же Кафры находились тогда въ ссорѣ съ колонистами, а потому опасались, чтобъ эти люди, достигнувъ голландскихъ селеній, не соединились съ ними и не пошли на Кафровъ войною. Извѣстіе это по сходству положеній Англичанъ и нашего, было весьма для насъ непріятно; я спросилъ, въ какомъ отношеніи нынѣ находятся Кафры къ колонистамъ: «мы теперь друзья, отвѣчали жители, и будетъ ихъ випа, если мы поссоримся.»

«Отвѣтъ ихъ нѣсколько меня успокоилъ на счетъ собственной нашей безопасности; но участь двухъ бѣдныхъ Англичанокъ крайне меня тревожила. Я усердно просилъ жителей рассказать мнѣ все, что они объ нихъ знаютъ: живы ли онѣ или померли, и если живы, то гдѣ теперь находятся. Они отвѣчали, съ примѣтнымъ соболѣзнованіемъ, что одна изъ нихъ умерла вскорѣ по прибытіи въ домъ старшины, а другая долго послѣ того жила, и имѣла отъ него нѣсколько дѣтей, но гдѣ она теперь находится, они не знаютъ.

«Отобравъ всѣ свѣдѣнія, какія только было можно, о семъ плачевномъ происшествіи, остальное время дня мы помогали жителямъ вытаскивать на берегъ разныя вещи, приносимыя съ корабля волненіемъ. Мы замѣтили, что если имъ попадался какой либо корабельный членъ, они тотчасъ клали его въ огонь и сжигали, а потомъ съ неимовернымъ терпѣніемъ рылись въ золѣ и выбирали самаго мѣлчайшаго частицы желѣза.»

Когда настала ночь, жители немедленно удалились, и оставили несчастныхъ мореходцевъ у песчаныхъ холмовъ безъ пищи и покрова. Погода была бурная при холодномъ восточномъ вѣтрѣ. Американцы въ совѣтѣ положили, чтобъ одна половина ихъ оставалась на стражѣ, а другая легла спать у огня, и такимъ образомъ въ продолженіе ночи смѣнялись.

Но никто изъ нихъ во всю ночь не могъ закрыть глазъ, ибо съ одной стороны палящій жаръ отъ огня, а съ другой холодъ, безпрестанно заставляли ихъ ворочаться съ боку на бокъ; притомъ крѣпкій вѣтеръ, воздымая песокъ

облакомъ, наполнялъ имъ уши, глаза, ротъ. Сверхъ всего этого и жителямъ они не вовсе довѣряли.

Наконецъ настало утро, и Кафры явились во множествѣ. Старшина ихъ, зная, что бѣлые имѣли пужду въ пищѣ, привелъ имъ быка, котораго сами же Кафры тотчасъ убили и раздѣлили по долямъ. Каждый свою часть поджарилъ, или лучше сказать, только подпалилъ на огнѣ, и съѣлъ съ жадностью. Если бъ весь быкъ былъ отданъ Американцамъ, то его стало бы на нѣсколько дней; но Кафры были сами голодны, а потому хотя на словахъ подарили быка гостямъ своимъ, но на дѣлѣ сами воспользовались большею частию мяса.

Замѣчено, что Кафрамъ болѣе всего нравились внутренности животнаго: разрѣзавъ брюхо, они въ ту же минуту, вываливъ все, что въ немъ ни было, начали рвать по частямъ, и не разбирая, что имъ попадалось, пожирали съ жадностью мокрыя и еще дымящіяся отъ паровъ части.

Послѣ сего, такъ сказать, завтрака, нѣкоторые изъ Американцевъ пошли на берегъ, и увидѣли свой баркасъ довольно далеко подъ парусами. Корабль же между тѣмъ крѣпкимъ вѣтромъ часть отъ часа ломало болѣе, и безпрестанно что нибудь приносило съ него къ берегу. Кафры были неутомимы въ работѣ, вытаскивая все, что только имъ попадалось. Но въ это время досталась имъ находка, причинившая капитану не мало заботы: это была бочка, содержащая въ себѣ 60 галановъ (18 ведеръ) рому. Количества сего было достаточно, чтобъ перепить до безумія всѣхъ находившихся тутъ Кафровъ, около трехъ сотъ человекъ. Пристрастіе ихъ къ хмѣльнымъ напиткамъ было извѣстно капитану, и онъ страшился послѣдствій. Чтобъ избавиться отъ страха и безпокойства, Американцы имѣли одно средство: подкрасться къ бочкѣ такъ, чтобъ жители не примѣтили, и проломить въ ней одну доску. Предпріятіе это кончилось удачно. Кафры, не зная что было въ бочкѣ и куда дѣвалось, воспользовались только обручами.

Одинъ изъ Кафровъ нашелъ компасъ, который блескомъ своимъ до того ему понравился, что онъ подарилъ

его старшинѣ, а этотъ разобравъ его на части, мѣдныя изъ нихъ навѣсилъ себѣ на шею. Это обстоятельство доставило случай капитану отлично угодить старшинѣ: онъ снялъ съ башмаковъ большія свои томпаковыя пряжки, вычистилъ ихъ до блеска, и подарилъ ему, а старшина тотчасъ привѣсилъ ихъ къ ушамъ своимъ, и въ такомъ нарядѣ началъ выступать съ важностью. Казалось, что и подвластный ему народъ взиралъ на него съ большимъ противъ прежняго почтеніемъ, и удивлялся великолѣпнѣю убранныхъ.

Вечеромъ капитанъ напомнилъ старшинѣ, что имъ пора отправляться въ дорогу, и просилъ его дать имъ провожа- таго до ближнихъ христіанскихъ селеній, обѣщаясь сдѣ- лать ему всякое вознагражденіе за его пособіе. Кафръ, подумавъ, отвѣчалъ весьма холодно, что онъ удовлетворитъ желаніе капитана, а на вопросъ: скоро ли? съ важностью сказалъ: «когда я разберу это дѣло, то дамъ вамъ знать». При семъ отвѣтѣ наружность дикаго показывала какое-то тайное, непріязненное намѣреніе, но прежніе его миролю- бивые поступки не подавали ни малѣйшей причины къ подозрѣнію. Однако жъ Кафры, раздѣлившись на партіи, рассуждали съ такимъ видомъ и тѣлодвиженіями, что бѣдные наши странники начали сильно бояться какого либо съ ихъ стороны вѣроломнаго поступка. По наступле- ніи темноты, дикіе оставили ихъ проводить другую ночь у песчаныхъ холмовъ, какъ и первую.

Они усилили огни и нарядили караулъ, но холодъ и крѣпкій вѣтеръ, наносившій на нихъ песокъ, опять не дали имъ покоя. Къ несчастію, не было имъ ни какой возмож- ности переменить свое мѣсто, ибо нигдѣ поблизости нельзя было достать дровъ, а притомъ они боялись такимъ по- ступкомъ раздражить жителей. Всю ночь провели они въ совѣщаніяхъ о своемъ положеніи. Капитанъ уговаривалъ людей своихъ отнюдь не дѣлать ни какихъ оскорбленій дикимъ, и отдавать имъ все, чего они ни попросятъ, ибо жители здѣшнихъ степей тогда только опасны, когда раз- дражены. Но если, противъ всякаго чаянія, дикіе сдѣлаютъ на нихъ нападеніе, то онъ увѣщевалъ ихъ не выдавать

другъ друга, а обороняться соединенными силами, и стараться или силою пробраться сквозь степи, или мужественно пасть въ покушеніи.

По восхожденіи солнца они поднялись на самый высокій холмъ, и смотрѣли по горизонту своего баркаса, но нигдѣ не могли его увидѣть. Вскорѣ появились Кафры, вооруженные короткими копьями и дубинами; нѣкоторые изъ нихъ были украшены строусовыми перьями, въ волосахъ воткнутыми, а на старшинѣ была накинута леопардова кожа, и къ ушамъ привѣшены капитанскія пряжки. Они привѣтствовали Американцевъ по-дружески и вмѣстѣ съ ними пошли ко возморью. Въ продолженіе ночи усилившимся вѣтромъ оторвало и принесло на берегъ нѣсколько корабельныхъ членовъ и вещей, между прочими, одинъ изъ матросовъ нашель ручную пилу, и какъ онъ видѣлъ, что Кафры хватали всякое желѣзо съ жадностью, то и зарылъ ее въ песокъ. Пила эта была для нихъ драгоценною находкой; въ послѣдствіи принесла она имъ величайшую пользу.

Когда Кафры вытащили на безопасное мѣсто всѣ вещи, собранныя ими на берегу, капитанъ, желая узнать дѣйствіе ихъ оружія, просилъ старшину приказать, будто бы для забавы, своимъ людямъ показать искусство ихъ въ метаніи короткихъ копій, которыя недлиннѣе четырехъ съ половиною футовъ, сдѣланы изъ гибкаго дерева, и имѣютъ желѣзное остріе, намазываемое обыкновенно столь сильнымъ ядомъ, что самомалѣйшая рана, ими сдѣланная, какъ для чловѣка, такъ и для звѣря бываетъ смертельна.

Старшина тотчасъ удовлетворилъ желаніе капитана. Кафры, положивъ на возвышенномъ мѣстѣ кусокъ дерева, отошли отъ него на разстояніе около 70-ти ярдовъ (30-ти сажень). Тогда старшина сказалъ Американцамъ, что опъ имъ хочетъ показать, какимъ образомъ Кафры сражаются. Такое снисхожденіе было весьма пріятно нашимъ странникамъ: они находили въ немъ доказательство дружбы къ нимъ дикихъ. Кафры сначала отбѣжали отъ избраннаго ими мѣста на довольно значительное разстояніе, и легли на землю; пролежавъ нѣсколько времени безъ всякаго движенія, они вдругъ вскочили, и раздѣлясь на партіи, уда-

рились бѣжать, опять соединились и цѣлымъ баталіономъ прибѣжавъ на мѣсто, откуда сначала тронулись, въ минуту выравнялись и пустили тучу копій въ цѣль съ удивительною точностью; тѣмъ маневръ и кончился.

Сего числа во весь день ни слова не было сказано объ отправленіи въ путь. Вечеромъ жители, по обыкновенію, удалились, а мореходцы, набравъ достаточное количество дровъ, расклали огни, и растянувшихъ на песокъ, не взирая на вѣтеръ и холодъ, проспали до утра.

Лишь только насталъ день, опять всѣ бросились искать глазами баркаса, но его не было, да и послѣ не имѣли они объ немъ ни какихъ вѣстей.

Сего утра Кафры не прежде посѣтили ихъ, какъ часа чрезъ два по восхожденіи солнца. Капитанъ Стоутъ возобновилъ просьбу свою старшинѣ о назначеніи имъ провожатаго, сказавъ, что на другой день онъ намѣренъ пуститься въ дорогу. «Я дамъ вамъ не одного, а двухъ», отвѣчалъ старшина. Онъ сказалъ это съ такимъ видомъ удовольствія и чистосердечія, что совершенно успокоилъ капитана и весь экипажъ на счетъ ихъ безопасности.

Желая имѣть въ числѣ провожатыхъ Готтентота, служившаго имъ переводчикомъ, капитанъ далъ выразумѣть старшинѣ, сколь много этотъ человѣкъ можетъ способствовать не только къ ихъ удовольствію, но и къ безопасности. Но великодушный дикарь уже предупредилъ ихъ желаніе: онъ прежде еще назначилъ Готтентота въ провожатые. Товарищемъ ему согласился быть Кафръ, которому лучше были извѣстны мѣста, коими надлежало имъ проходить. Извѣстіе о семъ произвело между служителями чрезвычайную радость.

«Увѣривъ старшину и народъ его, повѣствуетъ Капитанъ Стоутъ, въ неизмѣнной нашей къ нимъ дружбѣ, и что провожатые его будутъ награждены отъ насъ по ихъ желанію, я просилъ его показать намъ, гдѣ можемъ мы запасаться хорошою водою, отъ недостатка которой мы много страдали. «Я покажу вамъ прекрасную воду, сказалъ онъ; если хотите, пойдемъ туда сейчасъ.» Мы тотчасъ поднялись въ дорогу. Кафры, окруживъ насъ, пѣли и пля-

сали, а мои люди, хотя не вполне доверяли ихъ дружбѣ, по вообщему были довольно веселы.»

Пройдя къ западу около четырехъ миль по прекраснымъ долинамъ, пришли они къ лѣсу, въ которомъ открылся имъ глубокий оврагъ. Кафры спустились въ него первые, и когда всѣ они сошли внизъ, старшина показалъ имъ ручей весьма хорошей воды. Окинувъ глазами страшное, уединенное положеніе сего мѣста, бѣлые снова стали подозрѣвать Кафровъ въ зломъ противъ нихъ умыслѣ. Большая часть полагала, что жители хотятъ всѣхъ ихъ вдругъ умертвить, и для того заманили въ такое глухое мѣсто, а потому и совѣтовались о лучшихъ способахъ защитить себя. Капитанъ успокоилъ ихъ съ большимъ трудомъ.

Кафры предложили переночевать здѣсь, и начали готовить дрова. Съ помощью пилы они скоро приготовили достаточный запасъ на всю ночь. Одинъ изъ Готтентотовъ былъ такъ богатъ, что имѣлъ при себѣ коробочку съ кремнемъ, огнивомъ и трупомъ, посредствомъ коихъ тотчасъ досталъ онъ огонь, и тѣмъ крайне удивилъ все общество, ни мало не ожидавшее такой нечаянности.

При наступленіи ночи, жители не оставили ихъ, какъ прежде обыкновенно дѣлали. Это обстоятельство породило новый страхъ въ путешественникахъ, и, какъ казалось не безъ причины; но въ ихъ положеніи оставалось одно средство спасти себя — быть во всегдашней готовности встрѣтить худшее, что могло случиться. Для предосторожности они поставили караулъ, но Кафры, свернувшись кое-какъ, улеглись въ кучки и вскорѣ захрапѣли. Ночлегъ ихъ, хотя по наружности имѣлъ самый ужасный видъ, но былъ очень покоенъ: пескомъ здѣсь ихъ не заносило, и густой лѣсъ доставлялъ имъ защиту отъ пронзительнаго холода.

«Дикіе разбудили насъ, повѣствуетъ Капитанъ Стоутъ, съ появленіемъ солнца, и мы отправились въ путь изъ этой мнимой нашей могилы, довольно веселы. Между тѣмъ, надобно сказать, что прежде еще отбытія нашего съ песчаныхъ бугровъ, мы уже съѣли послѣднее мясо, которое намъ дали Кафры, и теперь нѣкоторые изъ насъ начинали страшиться голода. Я объявилъ о недостаткѣ

въ прищѣ старшинѣ, и онъ общался пещись о нашемъ продовольствіи. Пройдя нѣсколько миль, Кафры сказали намъ, что мы должны остановиться тутъ ночевать, почему мы начали собирать дрова, и едва успѣли кончить эту работу, какъ старшина привелъ къ намъ другаго быка, котораго тогда же убили, разрѣзали и раздѣлили: каждому достался кусокъ около четырехъ фунтовъ вѣсомъ. Мясо мы поджарили въ запасъ на дорогу, и на приготовленіе его употребили большую часть дня. Эту ночь провели мы гораздо покойнѣе, нежели прежнюю, не имѣя столько опасеній со стороны дикихъ, а съ разсвѣтомъ стали собираться въ дорогу.

«Теперь настало время, когда дѣйствительное намѣреніе дикихъ въ разсужденіи насъ должно было обнаружиться. Они находились вокругъ насъ и помогали намъ дѣлать нашъ запасъ. Всякій долженъ былъ самъ нести свою долю, состоявшую въ трехъ съ половиною или четырехъ фунтахъ мяса, а у нѣкоторыхъ было еще понемногу сухарей, которые они успѣли спасти съ собою съ корабля. Симъ запасомъ надлежало имъ питаться до прибытія въ первое христіанское селеніе. Между тѣмъ, жители не только не показывали намъ ни малѣйшаго непріязненнаго расположенія, но напротивъ, прощались съ нами съ видомъ непритворнаго сожалѣнія. Я взялъ старшину за руку и благодарилъ за его дружеское къ намъ вниманіе и помощь, и увѣрялъ его, что если только достигну благополучно Мыса Доброй Надежды, то первую моею обязанностью поставлю оказать ему и его народу какую либо важную услугу. За это обѣщаніе старшина изъявлялъ мнѣ признательность, а потомъ сталъ просить, не сказывать колоністамъ, что корабль нашъ разбился подлѣ берега, но объявить, что онъ погибъ далеко въ открытомъ морѣ, и что ни одна изъ его вещей не могла быть принесена къ берегу. Наконецъ онъ увѣрялъ меня, что мы можемъ совершенно положиться на своихъ провожатыхъ, которые непременно будутъ стараться сдѣлать для насъ все къ лучшему; послѣ сего, простившись по-дружески, мы разстались.»

23-го числа поутру, когда уже солнце взошло довольно

высоко, путешественники наши отправились въ дорогу. Провожатые, люди въ своемъ ремеслѣ опытные, совѣтовали имъ отнюдь не подыматься рано, ибо хищные звѣри обыкновенно встаютъ съ солнцемъ, и пускаются на добычу; и какъ они не имѣютъ при себѣ ни какого оружія, то одинъ левъ или тигръ можетъ надѣлать имъ много бѣдъ, а потому нужно дать время симъ животнымъ насытиться и убраться въ лѣса на день.

Не взирая на этотъ благоразумный совѣтъ, данный отъ искренняго желанія добра несчастнымъ, многіе изъ нихъ были столь нетерпѣливы, что непремѣнно хотѣли ранѣе выступить въ путь, но вожатые не слушались ихъ, и не прежде согласились отправиться, какъ въ десятомъ часу.

Въ это время изъ всего экипажа только три или четыре человѣка имѣли башмаки, а у другихъ не было ни какой обуви, и они, будучи босы, должны были совершить путь въ нѣсколько сотъ миль, въ странахъ неизвѣстныхъ: проходить чрезъ горы непомѣрной высоты, пробираться сквозь густые лѣса, бродить по степямъ и переправляться въ бродъ чрезъ рѣки.

«Я шелъ босой, говоритъ капитанъ, такъ же какъ почти всѣ мои служители; одинъ изъ нихъ предлагалъ мнѣ старые свои башмаки, но я не хотѣлъ имѣть предъ другими ни какого преимущества, и не согласился ихъ взять. На мнѣ были четыре рубашки, короткая фуфайка, скатерть, найденная мною на берегу, вмѣсто кушака, сверхъ се шаль, матросскіе брюки и шляпа. Мы держались болѣе къ западу, для вѣрнѣйшаго полученія прѣсной воды. Вожатые наши утверждали, что по близости морскаго берега, вода вообще солона, и для того намъ надобно идти отъ него далѣе: опытъ совершенно оправдалъ ихъ слова.»

Американцы шли по прекраснымъ равнинамъ, пріятно испещреннымъ пригорками, холмами и долинами, съ небольшими рощами и обиліемъ водъ; трава росла на нихъ до чрезвычайной высоты. Но на пути ихъ не было ни одного слѣда человѣческаго, ниже признаковъ какого либо скота, или обрабатыванія земли. Даже ни одинъ хищный звѣрь не попадался имъ, хотя какъ оныхъ находили по-

всюду. Напоследокъ, пройдя около тридцати пяти миль, начали они чувствовать недостатокъ въ водѣ.

Цѣлый день искали они съ большимъ стараніемъ сей необходимой жизненной потребности, и были столь счастливы, что около захожденія солнца нашли небольшой ручей при рубежѣ обширнаго лѣса, гдѣ и расположились провести ночь. Вскорѣ наготовили они дровъ, разложили огни и хотѣли ложиться спать, по причинѣ весьма холодной погоды, вплоть одинъ къ другому. Но провожатые сказали имъ, что около этого мѣста всегда бываетъ множество леопардовъ, и что если хищные эти звѣри по духу нападутъ на ихъ слѣдъ, тогда, безъ всякаго сомнѣнія, истребить многихъ изъ нихъ. Извѣстіе это было не весьма пріятно нашимъ путешественникамъ; оно заставило ихъ умножить число огней, и придумывать разные способы для защищенія себя отъ опасныхъ непріятелей. Но удивительно, какъ сильно дѣйствуетъ сонъ надъ людьми, духомъ и тѣломъ утомленными: въ продолженіе самыхъ совѣщаній о своей безопасности, они одинъ послѣ другаго засыпали, и проспали до разсвѣта безъ всякаго непріятнаго приключенія.

Но едва показалось солнце на горизонтѣ, какъ страшный ревъ львовъ раздался по лѣсамъ вплоть подлѣ нихъ. Нѣсколько минутъ оставались они неподвижны, объятые ужасомъ и не зная что предпринять. Ревъ, постепенно исчезая, потерялся въ глуши лѣсовъ, а странники благодарили Бога, что львы не нашли ихъ ночью, тогда они все сдѣлались бы жертвою ихъ лютости; ибо на стражѣ не было ни одного человѣка. Тронувшись съ мѣста, они скорѣ пришли къ небольшой рѣкѣ, чрезъ которую безъ малѣйшаго затрудненія перешли въ бродъ, потомъ встрѣтили другую, гдѣ также переправа ни сколько ихъ не задержала. Наконецъ попались имъ высокіе бугры, съ вершины коихъ обозрѣли они прекрасныя окрестныя долины, покрытыя тучною травою и рощами, а мѣстами видны были обширныя лѣса, прилежащія къ подошвамъ горъ разной высоты. Во весь день они много терпѣли отъ недостатка воды, и потеряли не мало времени на отысканіе ея.

И когда къ вечеру они уже почти вовсе отчаялись въ средствахъ утолить жажду, ибо всѣ источники находили изсохшими, попался имъ на краю лѣса ручей, въ которомъ вода хотя была весьма не хороша, но доставила имъ большое облегченіе въ мучительномъ ихъ положеніи.

Пройдя сегодня около тридцати миль, они расположились ночевать при ручьѣ, и, по обыкновенію, припасли дровъ, и окружили себя огнями. Они не встрѣчали ни какихъ животныхъ, но видѣли на пути много кала слоновъ и носороговъ. Такъ какъ положеніе ихъ въ эту ночь было столь же опасно, какъ и въ прошедшую, и они находили одно свое спасеніе въ большихъ огняхъ, то и старались поддерживать ихъ, и ночь провели благополучно.

Путру пошли далѣе. Теперь надлежало имъ, идти лѣсомъ, а потому вожатые совѣтовали быть на семъ переходѣ крайне осторожными, ибо вѣроятно, что они встрѣтятъ хищныхъ звѣрей, которые водятся по здѣшнимъ лѣсамъ во множествѣ. Вожатые говорили правду: путешественники наши видѣли львовъ, барсовъ, носорога, слона, и ни одно изъ сихъ животныхъ не сдѣлало имъ ни какого вреда. Но, къ несчастію, около полудня встрѣтились они съ толпою Кафровъ, по словамъ вожатыхъ, самага варварскаго племени. Сначала сошлись они съ ихъ женщинами, которыя поступили съ ними дружески, и дали имъ двѣ корзинки молока: корзинки эти плетутся изъ мелкихъ прутьевъ, и такъ плотно, что могутъ держать въ себѣ жидкость.

Послѣ сего опыта женской щедрости они считали себя въ безопасности; но едва успѣли пройти нѣсколько сажень, какъ ихъ остановили двѣнадцать Кафровъ, вооруженныхъ копьями и одѣтыхъ леопардовыми кожами. Оба вожатые, испугавшись дикихъ, пустились бѣжать къ такъ называемой Большой Рыбной Рѣкѣ, которая въ это время находилась отъ нихъ не далѣе 200 ярдовъ (почти сто сажень); Американцы кричали имъ и просили, чтобъ они воротились, но тщетно: вожатые перешли рѣку въ бродѣ, и, поднявшись съ величайшею поспѣшностью на горы, скрылись. Между тѣмъ дикіе, махая своими копьями, казалось, угрожали истребленіемъ несчастныхъ стран-

никовъ, которые точно не понимали, что Кафры говорили, но думали, что варвары эти требовали у нихъ всего того, что они имѣли при себѣ; но какъ почти все ихъ имущество состояло въ большомъ количествѣ съѣстнаго запаса и въ платѣ, то они рѣшились не отдавать ничего, во что бы то ни стало.

У одного изъ матросовъ висѣлъ на ремнѣ чрезъ плечо большой ножъ; Кафръ хотѣлъ его взять и схватился за чепецъ, но матросъ вырвалъ ножъ у него изъ рукъ. Это до того раздражило дикаго, что онъ поднявъ свое копье, сдѣлалъ видъ, будто хочетъ убить матроса. Стоя въ этомъ положеніи, дикій представлялъ изъ себя такую картину злости и варварства, какую едвали вообразить можно: леопардова кожа, на плечахъ у него накинута, черное его лице, обезображенное охрою, сверкающіе отъ бѣшенства глаза, разинутый ротъ уподобляли варвара совершенному дьяволу. Ко всему этому должно присовокупить что отъ злости онъ весь дрожалъ и скрежеталъ зубами. Но, не взирая на бѣшенство и изступленіе его, онъ угрозы своихъ не исполнилъ, и скоро опустилъ копье.

Симъ кончилось приключеніе съ Кафрами; путешественники перешли рѣку, и поднялись на гору вслѣдъ за своими провожатыми, которыхъ нашли на вершинѣ. Вожатые были весьма обрадованы ихъ прибытіемъ; они увѣрили ихъ, что если бъ прочіе изъ этой орды Кафровъ не были въ отлучкѣ на охотѣ, то они не оставили бы изъ нихъ въ живыхъ ни одного человека, ибо это поколѣніе есть самое хищное, лютое и злодѣйское во всей Кафраріи.

Посоветовавшись между собою, рѣшились они спуститься съ горы и продолжать путь. Пройдя небольшое разстояніе, усмотрѣли обширную, плодоносную долину; когда они бѣжали отъ Кафровъ, страхъ препятствовалъ имъ замѣтить красоту паходившихся предъ ними мѣстъ. Но теперь, остановясь въ восторгѣ и удивленіи разсматривали прелести живописныхъ, великолѣпныхъ видовъ, являвшихся взору ихъ со всѣхъ сторонъ. Страна эта, почти совершенно ровная, усыяна въ пріятномъ безпорядкѣ холмами и возвышеніями; на вершинахъ росла отдѣльными рощи-

цами мимоза, а по отлогостямъ кусты разнаго рода. Тысячи рѣчекъ и ручьевъ извивались въ разныхъ направленіяхъ между возвышенными мѣстами, по низменностямъ; индѣ окружали они какую либо рощицу, и казалось служили рубежемъ знатнаго помѣстья; въ другомъ мѣстѣ скрывались въ лѣсъ или кусты, и опять изъ нихъ вытекали, а по холмамъ примѣтны даже были небольшіе водопады.

Восхищаясь картиною втораго Эдема, вдругъ усмотрѣли они новое зрѣлище: безчисленныя стада животныхъ, наиболѣе изъ роду серигъ, разсыпались по долинамъ; нѣкоторые паслись на лугахъ, а другія пили воду въ ручьяхъ, или лежали по берегамъ. Глазъ не находилъ предѣловъ великолѣпной картицѣ, и зрѣніе, перебѣгая отъ прекраснаго предмета еще къ прекраснѣйшему, терялось наконецъ въ горизонтѣ. Красота страны столь заняла ихъ, что они, пренебрегая опасностью, провели на мѣстѣ нѣсколько часовъ, любуясь прелестными видами; напоследокъ спустились съ горы, и пошли далѣе.

Вечеру выбрали они для ночлега мѣсто подлѣ небольшой рощи, и нарубили лѣсу на дрова и для ограды, которою окружали себя, чтобъ укрыться отъ хищныхъ звѣрей.

Не взирая, однако жъ, на принятые ими осторожности, они не могли спать покойно: слоны стадами во всю ночь ходили по рощѣ, и шорохомъ между деревъ содержали ихъ въ безпрестанномъ страхѣ. Если бъ не защитила ихъ ограда, сдѣланная съ вечера, то вѣроятно, что эти страшныя животныя передавили бы ихъ. Поутру они встали и вмѣстѣ съ обоими провожатыми пошли въ дорогу.

Весь день шли они по прекраснымъ долинамъ, коихъ почва мѣстами состояла изъ смѣси красной и желтой глины; долины были покрыты высокою травою разнородныхъ растений, но и слѣдовъ земледѣлія не было замѣтно, хотя изрѣдка и попадались хижины, въ одну изъ коихъ нѣкоторые изъ нихъ входили, и дорого заплатили за свое любопытство: блохи въ нѣсколько минутъ покрыли ихъ съ ногъ до головы.

Временно попадалась имъ вода, которая однако жъ была солоновата, не взирая на пятьдесятъ миль разстоянія отъ

морского берега: они держались большую часть своего пути въ этомъ разстояніи отъ моря.

Пройдя сего числа около тридцати пяти миль, путешественники наши расположились ночевать, и по обыкновенію, наготовивъ дровъ, оградили себя вѣтвями и бревнами. Между тѣмъ почти всѣ съѣстные ихъ припасы вышли, и они принуждены были терпѣть голодъ.

Въ осьмомъ часу опять поднялись они въ дорогу, но уже не всѣ могли итти равнымъ ходомъ: многіе отъ усталости начали отставать. Это заставило ихъ сдѣлать распоряженіе, чтобъ тѣ, кои были въ силахъ итти скоро, шли впередъ, и заблаговременно выбирали мѣста ночлеговъ и готовили все нужное. Капитанъ принадлежалъ къ авангарду; онъ приказалъ, для показанія своего пути заднимъ, мѣстами зажигать траву, но не взирая на эту предосторожность по наступленіи утра отставшіе не являлись.

Прождавъ ихъ до того времени, когда солнце поднялось уже довольно высоко, капитанъ съ товарищами пошелъ далѣе. Вожатые увѣряли, что сегодня они достигнутъ христіанскаго селенія, откуда можно получить помощь и сыскать отставшихъ. Это извѣстіе ободрило странниковъ и придало имъ новыя силы; они шли съ необыкновенною скоростью, доколѣ не приблизились къ небольшому сельскому домику. Здѣсь надѣялись они сыскать пособіе, но ошиблись. Жилище это давно было оставлено и запустѣло. И такъ они принуждены были провести эту ночь опять подъ открытымъ небомъ, безпокоясь объ участи оставленныхъ ими товарищей.

Въ продолженіе почти не имѣли они покоя ни на минуту. Сидя вокругъ огня, они разговаривали о вѣроятной участи своихъ товарищей, и о собственномъ своемъ плачевномъ состояніи. Не имѣя ни пищи, ни одежды, ни оружія, находились они въ странѣ, наполненной хищными звѣрями, и въ такое время, когда отъ усталости и ослабленія силъ едва могли стоять на ногахъ. Сверхъ того они пребывали въ ежечасномъ ожиданіи нападенія отъ Бошмановъ: дикари эти нападаютъ на всѣхъ, кто ихъ безсильнѣе и умерщвляютъ намазанными ядомъ стрѣлами.

Случай этотъ выказалъ въ полномъ блескѣ нравственныя черты мореходцевъ: люди, привыкшіе равнодушно взирать на всѣ ужасы, неразлучные съ служеніемъ на морѣ, и вмѣняющіе за стыдъ содрогнуться, стоя подъ градомъ пуль и ядеръ, не могли безъ слезъ говорить о жребіи своихъ однокорабельщиковъ, и позабывая свое собственное несчастіе, единственно помышляли о ихъ спасеніи. Изъ шестидесяти человѣкъ, вышедшихъ на берегъ при кораблекрушеніи, тридцать шесть за болѣзнями и усталостью не могли сопутствовать своимъ товарищамъ, и остались въ степяхъ. Избавленіе сихъ несчастныхъ, если они еще не погибли, зависѣло отъ дѣятельности капитанской партіи, которая была въ силахъ и скорѣй могла достигнуть голландскихъ селеній.

Провожатые смѣло утверждали, что селенія колонистовъ не могутъ быть отъ нихъ далеко, ибо они достигли уже тѣхъ мѣстъ, пограничныхъ съ Кабрами, которыя были истреблены ими въ послѣднюю войну. И потому снуя часть послѣ солнечнаго восхода, путешественники отправились въ дорогу, и понуждаемые сильнымъ желаніемъ спасти своихъ товарищей, шли такъ скоро, какъ силы ихъ позволяли.

Три часа сряду шли они не отдыхая. Наконецъ одинъ изъ вожатыхъ, находясь впереди, закричалъ во все горло: «я вижу Готтентота, пасущаго стадо овецъ.» Крикъ сего дикаго показался нашимъ путешественникамъ гласомъ съ небесъ; всѣ бросились къ тому мѣсту, гдѣ находился вожатый, и увидѣли вдали человѣка со стадомъ, но крайней мѣрѣ изъ четырехъ тысячъ овецъ. Они двинулись къ стаду, который сначала оробѣлъ, и хотѣлъ бѣжать, но увидѣвъ, что всѣ они были бѣлые и безоружны, остановился и дождался ихъ. Капитанъ сталъ просить его проводить ихъ къ ближайшему селенію; на это онъ охотно согласился, и увѣрялъ его, что хозяинъ владѣнія, куда они идутъ, человѣкъ весьма хорошій, и что на переходъ до его дома нужно не болѣе какъ три часа. Невозможно изобразить восторга, разливагося между ими при полу-

ченіи сего извѣстія. Капитанъ выступилъ и всѣ тронулись за нимъ, стараясь опередить другъ друга.

Вотъ показалось вдали давно желанное селеніе Христіанъ. «Прибавимъ парусовъ, ребята, сказалъ капитанъ, и пойдемъ поскорѣе въ безопасную гавань, откуда пошлемъ крейсеровъ для отысканія несчастныхъ нашихъ сослуживцевъ.» Всѣ спѣшили итти: одни шатались, другіе падали и опять вставали, но никто не отставалъ, и наконецъ прибыли въ домъ честнаго Голландца Яна Плессиса.

Онъ имѣлъ около шестидесяти лѣтъ отъ роду, родился въ Голландіи, но съ давнихъ временъ переселился въ Африку; былъ щедръ, человѣколюбивъ и сострадателенъ. Семейство его составляли шесть сыновей съ женами и дѣтьми, и дочь, всего около двадцати человѣкъ. Онъ владѣлъ большими стадами, состоявшими изъ двѣнадцати тысячъ овецъ и тысячи быковъ.

При первомъ свиданіи, капитанъ разсказалъ ему о плачевномъ своемъ приключеніи, и какъ оставилъ онъ товарищей своихъ въ степи, и просилъ его дать ему способъ отыскать ихъ. Добрый старикъ не могъ слышать повѣствованія капитанскаго безъ примѣтнаго внутренняго движенія, которымъ обнаруживалось чувствительное его сердце.

«Ненадобно терять времени, когда дѣло идетъ о спасеніи погибающихъ» сказалъ онъ, и тотчасъ велѣлъ двумъ изъ своихъ сыновей заложить фуру восемью волами. Онъ отправилъ ихъ навстрѣчу оставленнымъ въ степи путешественникамъ, и приказалъ ѣхать во всю ночь къ мѣсту, которое провожатые описали такъ хорошо и подробно, что посланные ни какъ не могли ошибиться. Велѣніе старика дѣти исполнили съ примѣтнымъ удовольствіемъ, и съ такою поспѣшностью, что фура скоро уѣхала изъ виду, а странники съ почтеннымъ своимъ хозяиномъ сѣли за столъ: онъ нарочно для нихъ убилъ барана, и угощалъ ихъ какъ лучшихъ друзей своихъ.

Послѣ обѣда добросердечные колонисты спрашивали странниковъ о подробностяхъ ихъ пути чрезъ Кафрарію. Старикъ удивлялся, какимъ образомъ Тамбуши согласились отпустить ихъ. Люди этого племени люты и жестокосер-

ды, и ничто столько не приписитъ имъ удовольствія, какъ кровопролитіе. Бошманы также, по его замѣчанію, народъ многочисленный, безпрестанно на стражѣ и кочуетъ въ большомъ пространствѣ, по коему они проходили, и если взять еще въ разсужденіе то, что въ странахъ, ими пройденныхъ, обитаетъ безчисленное множество хищныхъ звѣрей, то благополучное прибытіе ихъ въ его жилище онъ почитаетъ истиннымъ чудомъ Провидѣнія,

Капитанъ, при семъ случаѣ, сообщилъ доброму своему хозяину, настоящее понятіе о Тамбушахъ. Старикъ этотъ, судя по своимъ сосѣдямъ, былъ непримиримый врагъ всѣхъ поколѣній, обитающихъ въ Кафраріи, и какъ онъ никогда не путешествовалъ далеко отъ своего жилища, то и не могъ самъ лично узнать свойства разныхъ народовъ, населяющихъ южный край Африки. Но услышавъ отъ капитана о поступкахъ съ нимъ и съ его людьми Тамбушей, и объ услугахъ, ему оказанныхъ, весьма былъ радъ и успокоился.

Уединенное его жилище окружено деревьями, на которыхъ сушились кожи львовъ, тигровъ, барсовъ и другихъ хищныхъ звѣрей, убитыхъ въ окружающихъ долинахъ. Почти у самыхъ дверей дома, лежали два огромныя животныя, съ которыхъ недавно содраны были кожи. Это были два носорога, за день предъ симъ застрѣленные дѣтьми хозяина, подлѣ самого жилья ихъ. Это дало ему поводъ разсказать гостямъ своимъ съ большою подробностью о нѣкоторыхъ чудныхъ свойствахъ сего животнаго.

«Эти звѣри, говорилъ Янъ Плессисъ, гораздо лютѣе и несравненно опаснѣе всѣхъ прочихъ хищныхъ животныхъ. Самые львы, усмотрѣвъ носорога, бѣгутъ отъ него съ ужасомъ. Два года тому назадъ я видѣлъ это на опытѣ: идучи чрезъ свое поле рано поутру, усмотрѣлъ я, что одинъ левъ вбѣжалъ въ кусты, въ разстояніи отъ меня около полумили; чрезъ нѣсколько минутъ за нимъ послѣдовалъ другой, потомъ третій, четвертый и далѣе, такъ что въ продолженіе около часа девять львовъ вбѣжало въ тотъ же кустарникъ. Не видавъ никогда такого числа сихъ животныхъ вмѣстѣ, я хотѣлъ знать, что было при-

чиною сего собранія, и скрылся между деревьями. Пробывъ въ засадѣ болѣе часа, я ничего не видалъ и не слыхалъ, и отчаясь въ удовлетвореніи моего любопытства, хотѣлъ итти домой; вдругъ показался носорогъ необыкновенной величины; онъ прямо шелъ къ тому кустарнику, гдѣ скрылись львы. Приблизившись вплоть къ оному, онъ остановился, поднялъ голову, и поворачивая ее во всѣ стороны, казалось, кругомъ себя обнюхивалъ. Потомъ вдругъ съ чрезвычайнымъ стремленіемъ ударилъ на кусты, и чрезъ нѣсколько минутъ я увидѣлъ, что всѣ львы, видѣнные мною прежде, бѣжали изъ кустарника съ поджатыми хвостами, и по-видимому въ чрезвычайномъ страхѣ озирались во всѣ стороны. Носорогъ же въ это время бѣгалъ по кустамъ и ломалъ ихъ съ страшнымъ шумомъ. Но не найдя тамъ непріятеля, выбѣжалъ на долину, осмотрѣлся, и началъ съ величайшимъ бѣшенствомъ рвать рогомъ землю, которую цѣлыми глыбами бросалъ на воздухъ. Я не смѣлъ пошевелиться, доколѣ разъяренное животное не скрылось у меня изъ вида; тогда я возвратился домой.»

Путешественники провели ночь весьма покойно; добрый хозяинъ приготовилъ для нихъ постели изъ мѣшковъ, а поутру за завтракомъ доставилъ имъ удовольствіе сообщивъ нѣкоторыя любопытныя замѣчанія о странѣ, имъ обитаемой. Онъ наиболѣе жаловался на притѣсненія, которыя поселяне должны терпѣть отъ колоніальнаго правительства Мыса Доброй Надежды. «Я имѣю свинцовую руду на моей собственной землѣ, говорилъ онъ, такъ близко къ поверхности, что можно было бы выкопать ее руками, но мы не смѣемъ ея тронуть. Если бъ дошло до свѣдѣнія правительства, что я употребилъ, хотя одинъ фунтъ вытопленного изъ нея свинца для моей домашней нужды, меня со всѣмъ семействомъ сослали бы на всю жизнь въ Батавію.»

Они не успѣли еще позавтракать, какъ великодушный Янъ отправилъ гонцовъ къ своимъ сосѣдямъ, просить ихъ помощи и содѣйствія къ доставленію путешественниковъ въ Капштадтъ. Многіе изъ колонистовъ сами навѣстили ихъ и предлагали свои услуги. Они были столь добры, что вызывались содержать въ своихъ домахъ до совершен-

наго выздоровленія тѣхъ изъ мореходцевъ, которые чѣмъ нибудь хворали, и потомъ при ежегодныхъ своихъ посѣщеніяхъ Капштата, хотѣли ихъ туда доставить. Но капитанъ, нетерпѣливо желая скорѣе возвратиться въ свое отечество, отклонилъ это предложеніе и просилъ, если можно, отправить ихъ немедленно.

Въ продолженіе сего разговора вбѣжалъ Готтентотъ (*) съ радостнымъ извѣстіемъ, что хозяйская фура возвращается и находится уже въ виду. Все общество бросилось къ ней навстрѣчу, и капитанъ съ неописаннымъ удовольствіемъ увидѣлъ двадцать три человѣка изъ своего экипажа, болѣе ласкаровъ, прибывшихъ на ней. Посланные за ними объявили, что они нашли сихъ несчастныхъ по близости одной роци въ совершенномъ отчаяніи, ибо они, не имѣя ни малѣйшей надежды ни на какую постороннюю помощь, и не будучи въ состояніи сами итти далѣе, рѣшились предать судьбу свою въ руки Провидѣнія. За день предъ тѣмъ отдѣлились отъ нихъ тринадцать человѣкъ, а куда они побрели, имъ неизвѣстно. Въ послѣдствіи, бѣдныя эти люди, претерпѣвъ неслыханныя бѣдствія, достигли Мыса Доброй Надежды благополучно.

Теперь всѣхъ ихъ собралось сорокъ семь человѣкъ, и какъ они должны были въ Капштатъ ѣхать на фурахъ, то и больные не хотѣли остаться.

Поутру 2-го Іюля путешественники простились съ своими хозяевами, и отправились въ дорогу. Добродушный Янъ Плессисъ снабдилъ ихъ фурами, быками, и съѣстными припасами до ближайшаго селенія, и послалъ провожатымъ одного изъ своихъ сыновей, который былъ хорошо вооруженъ, и трехъ Готтентотовъ. Провожатый безпрестанно находился на стражѣ, въ готовности отразить Бошмановъ или хищныхъ звѣрей, если бъ они нечаянно напали на его копвой: однако жъ, проѣхавъ около тридцати пяти миль, въ восемь часовъ вечера прибыли они въ слѣдующее селеніе безъ всякаго непріятнаго приключенія.

(*) Многіе изъ сего народа мужчины и женщины находятся въ работахъ и въ домашней прислугѣ у колонистовъ Мыса Доброй Надежды.

Хозяинъ второго ихъ ночлега, Корнилій Энгельброксъ, былъ также человѣкъ добрый. Правда, онъ жилъ въ бѣдной хижинѣ, но все, что имѣлъ, предложилъ къ услугамъ странниковъ. Прочитавъ письмо Япа, сказалъ онъ: «Сосѣдъ мой добрый человѣкъ, и я всегда почиталъ его; но письмо его объ васъ лишнее; несчастье ваше и теперешнее положеніе совершенно достаточны, чтобы расположить меня сдѣлать все для васъ, что могу.»

На другой день послѣ завтрака они отправились далѣе; честный Энгельброксъ далъ имъ на дорогу девять барановъ, извиняясь, что не можетъ снабдить хлѣбомъ: «Мы здѣсь, сказалъ онъ, весь годъ питаемся бараниною и дичиною; рѣдко удается намъ отвѣдать хлѣба.»

Потомъ, въ продолженіе пяти дней сряду ѣхали они отъ одного жилья до другаго, кои находятся между собою побольшей части на разстояніи пятнадцати или шестнадцати часовъ ѣзды, и вездѣ принимали ихъ самымъ человѣколюбивымъ образомъ. Во все это время очень рѣдко удавалось имъ сыскать кусокъ хлѣба, да и въ водѣ нерѣдко имѣли они недостатокъ. Дорога ихъ лежала индѣ по гористымъ мѣстамъ, а индѣ по ровнымъ долинамъ. На пути встрѣчали они множество волковъ, и часто видали превеликія стада оленей того рода, который здѣшнимъ колонистамъ извѣстенъ подъ именемъ шпрингъ-бокъ; нѣкоторыя стада ихъ были столь многочисленны, что состояли, по-видимому, не менѣе какъ изъ двѣнадцати или четырнадцати тысячъ головъ. Многіе изъ колонистовъ увѣряли, что они видали стада вдвое того многочисленнѣе, и часто убивали по два и по три оленя однимъ выстрѣломъ. Путешественники также видѣли много, такъ называемыхъ, гвинейскихъ (цесарскихъ) куръ, которыхъ послѣ дождя, поселяне ловятъ собаками.

Въ этой части колоніи Мыса Доброй Надежды водятся во множествѣ зебры, или дикіе ослы, и строусы. Путешественники наши во всѣхъ домахъ, гдѣ они останавливались, находили такое количество оленьяго мяса, что изъ девяти барановъ, подаренныхъ имъ Энгельброксомъ, въ шесть дней употребили въ пищу только трехъ.

Отъ 8-го до 16-го Іюня путешествовали они довольно спокойно, встрѣчая на каждой милѣ новыя красоты природы. Горы мѣстами возвышались до облаковъ, а раздѣлявшія ихъ долины были покрыты разными произрастеніями. На переходъ одной изъ сихъ обширныхъ долинъ употребили они три дня съ половиною. Колонисты называютъ ее Long cluff.

Здѣсь два кряжа горъ идутъ параллельно одинъ другому на разстояніи 70-ти или 80-ти миль. Земля между ими чрезвычайно плодородна, и изобилуетъ тучными паствами благовонныхъ растеній, на которыхъ пасутся безчисленные стада овецъ и коровъ. Здѣшняя баранина, отъ особеннаго свойства душистыхъ травъ, имѣетъ такое сходство съ оленьимъ мясомъ, что всякій англійскій Эпикуръ (*) могъ бы обмануться во вкусѣ. Долины между горными хребтами въ ширину простираются отъ осьми до четырехъ миль, и обильно орошаются небольшими рѣками, по берегамъ коихъ растутъ цѣлыя рощи дерева алоэ.

14-го числа путешественники прибыли въ жилище одного слѣпаго старика, который имѣлъ большое семейство, и, по-видимому, достаточное состояніе. Онъ со слезами слушалъ повѣсть странниковъ, подчивалъ всѣхъ ихъ водою, и угостилъ сытнымъ обѣдомъ. Не вкушавъ долго крѣпкихъ напитковъ, мореходцы наши не находили словъ, какъ благодарить достойнаго старика за его къ нимъ вниманіе. За ужиномъ онъ особенно развеселился, и сказалъ капитану, что съ радости о ихъ избавленіи отъ морскихъ волнъ, Кафровъ и звѣрей, онъ споетъ пѣсню, и сдержалъ свое слово, а потомъ просилъ капитана сдѣлать ему одолженіе приказать всему своему экипажу спѣть что нибудь. Сколь ни была странна эта просьба, но въ этомъ случаѣ надобно было удовлетворить причудѣ добраго старца. Одинъ американскій матросъ запѣлъ любимую свою національную пѣсню; земляки его стали ему помогать;

(*) Въ Англіи жареное оленье мясо почитается однимъ изъ самыхъ щегольскихъ блюдъ: на богатыхъ праздничныхъ столахъ за стыдъ почитается не имѣть его. *Прим. перев.*

ласкары подхватили свою; Шведы и Датчане, не желая отстать отъ другихъ, также запѣли; тогда Португальцы и Голландцы, считая себя не хуже другихъ, возвысили голосъ: такимъ образомъ, составивъ на многихъ языкахъ никогда еще и нигдѣ неслыханный концертъ, гости доставили хозяину неизъяснимое удовольствіе.

Поутру 17-го числа путешественники разлучились: капитанъ, взявъ съ собою старшаго офицера, третьяго штурмана и двухъ матросовъ, поѣхалъ впередъ. По мѣрѣ приближенія ихъ къ Капштату, число жителей увеличивалось, и селенія въ разныхъ мѣстахъ отстояли одно отъ другаго не далѣе двухъ часовъ ѣзды. Многія изъ нихъ имѣли прекраснѣйшія мѣстоположенія и плодоносныя земли, на которыхъ въ изобиліи родились пшеница, апельсинны, лимоны, фиги, и проч., а мѣстами ростъ въ большомъ количествѣ винограда, изъ котораго колонисты дѣлаютъ вино и водку и отвозятъ на продажу въ Капштатъ. Часто видѣли они большія стада оленей, а куропатки попадались повсюду въ безчисленномъ множествѣ.

Отъ 17-го до 21-го числа ѣхали они по гористымъ мѣстамъ, но въ долинахъ безпрестанно находили селенія, обработанныя поля и чрезвычайное множество овецъ; рогатаго скота было менѣе, и не въ такомъ хорошемъ состояніи, какъ въ отдаленныхъ мѣстахъ колоніи.

22-го числа прибыли они въ мѣстечко Свеллендамъ, и остановились въ домѣ ландроста, то есть начальника селенія, которое состоитъ изъ 16-ти или 18-ти домовъ, и находится въ прекраснѣйшей долинѣ, изобильной всякаго рода хлѣбомъ, плодами, виноградомъ и огородною зеленью.

Ландростъ принялъ ихъ весьма хорошо, и на другой день далъ капитану верховую лошадь и проводника, чтобъ ѣхать къ его зятю, который долженъ былъ уже доставить его въ Капштатъ. Сверхъ того этотъ почтенный челоѣкъ снабдилъ капитана рекомендательнымъ письмомъ въ Главнокомандующему войскамъ (*). Генералу Крейгу.

(*) Англійскихъ войскъ, ибо тогда Мысль Доброй Надежды былъ въ рукахъ Англичанъ.

Прим. перев.

На третій день они приѣхали въ селеніе Стелленбушъ, которое по мѣстному своему положенію и плодородію земли, есть одно изъ лучшихъ во всей колоніи. Здѣшніе жители богаты и гостепріимны; старшина ихъ, Г. Бринчъ, принялъ путешественниковъ дружески. «Два дня, пробылъ я, говоритъ капитанъ, въ домѣ сего почтеннаго и добродѣтельнаго человѣка; онъ желалъ, чтобъ я погостилъ у него подольше, но мнѣ хотѣлось скорѣе приѣхать въ Капштатъ, а потому 30-го числа поутру я выѣхалъ изъ Стелленбуша, и вечеромъ того же дня прибылъ въ городъ. Несчастія, мною претерпѣнныя хотя имѣли нѣкоторое вліяніе на мое здоровье, но благодаря Бога, совершенно разстроить онаго не могли.

Бѣдствія, претерпѣнныя шестью артиллерійскими солдатами, бѣжавшими съ Острова Св. Елены на суднѣ въ Бразилію.

Повѣствованіе о семъ необыкновенномъ и жалостномъ происшествіи составлено съ показанія рядоваго Джона Броуна, одного изъ шести артиллерійскихъ солдатъ, бѣжавшихъ съ Острова Св. Елены, даннаго имъ 12-го Декабря 1799 года, подъ присягою въ слѣдственной комиссіи, нарочно по случаю сего побѣга паряженной.

«Въ Іюнѣ 1799 года, я находился въ первой артиллерійской ротѣ, бывшей тогда на службѣ въ здѣшней крѣпости (Св. Елены). 10-го числа того мѣсяца, за полчаса предъ разводомъ, канониръ Маккинонъ спросилъ меня, не хочу ли я съ нимъ бѣжать на американскій корабль Колумбію, подъ начальствомъ Капитана Лелара: другихъ кораблей тогда на рейдѣ не было. На это предложеніе я скоро согласился, и около семи часовъ вечера сошлись мы въ театрѣ, гдѣ нашелъ я еще рядовыхъ Макквипа, Бригоуза, Парра и Конвея.

«Парръ служилъ долго на морѣ, и слылъ хорошимъ мореходцемъ; онъ хотѣлъ ѣхать съ нами на Островъ Вознесенія, или держаться поблизости острова, доколѣ Колумбія не выйдетъ въ море. Около осьми часовъ мы от-

правились къ Западнымъ Камнямъ, гдѣ дожидался насъ американскій ботъ съ тремя матросами, которые тотчасъ перевезли насъ на свой корабль. Парръ ходилъ въ каюту къ капитану, а когда онъ вышелъ, то не прошло четверти часа, какъ мы всѣ переодѣлись въ матросское платье.

«Бригоусъ и Конвей предложили выѣхать въ море на китоловномъ ботѣ, чтобъ отвратить подозрѣніе отъ корабля, и на сей конецъ они положили въ него пять веселъ, трость и большой камень, служившій боту вмѣсто дрека. Это происходило часу въ двѣнадцатомъ ночи.

«Между тѣмъ, усмотрѣли мы нѣсколько человѣкъ съ фонарями, которые громко разговаривали о чемъ-то, и бѣжали по берегу у крѣпостныхъ строеній подлѣ воротъ съ морской стороны. Мы заключили, что насъ ищутъ, и потому не медля ни минуты, спустились въ китоловный ботъ. Капитанъ корабля далъ намъ около двадцати пяти фунтовъ сухарей, боченокъ въ тринадцать галоновъ (около четырехъ ведеръ) воды, компасъ и октантъ; но послѣдній или мы позабыли взять въ-торопяхъ, или уронили въ воду.

«Мы старались со всевозможною поспѣшностью удалиться отъ острова, но ботъ нашъ былъ вполонину наполненъ водою, а намъ печѣмъ было отливать ее; не взирая на то, мы въ ночь отѣхали далеко, и потомъ остановились въ ожиданіи американскаго корабля.

«Мы ждали его почти двое сутокъ, но тщетно; тогда Парръ присовѣтовалъ спуститься къ Острову Вознесенія; мы правили сначала на NtW, а потомъ на NNW, употребляя платки вмѣсто парусовъ. Вскорѣ поднялся крѣпкій вѣтеръ, продолжавшійся двое сутокъ, а потомъ опять наступила хорошая погода. Мы полагали, что въ свѣжій вѣтеръ ходъ нашъ былъ не менѣе десяти миль въ часъ (*). Маккинопъ записывалъ счисленіе черпилами на бумагѣ, которыми, равно какъ и морскою картою, снабдили насъ на кораблѣ Колумбін.

(*) Правда, что китоловные гребные суда ходятъ чрезвычайно скоро, но безъ настоящихъ парусовъ они не могутъ идти такъ скоро; это должна быть ошибка. *Прим. перев.*

«Въ семь направленіи плаваніе наше продолжалось до утра 18-го числа; тогда показалось множество морскихъ птицъ, но берега мы не видали. Въ тотъ день около полудня Парръ сказалъ намъ, что мы непременно должны были пройти Островъ Вознесенія, до котораго отъ Острова Св. Елены считалъ онъ только восемьсотъ миль. Тогда мы, по его совѣту, спустились на WtN, въ намѣреніи плыть къ Рио-Жанейро. Изъ рубашекъ мы сшили паруса, а фуфайки пришили къ брюкамъ, чтобъ не такъ было холодно. По недостатку съѣстныхъ припасовъ, мы положили каждому человѣку выдавать въ сутки по одной унціи (шесть золотниковъ) сухарей и по два глотка воды.

«26-го числа запасъ нашъ вышелъ, а на другой день Макквинъ, для утоленія голода, сталъ жевать кусокъ дерева бамбу, и мы ему послѣдовали. Въ эту ночь была моя очередь править рулемъ, и я не спалъ; тогда вспомнивъ, что гдѣ-то мнѣ удалось слышать, какъ люди въ крайности питались сапожными подошвами, я снялъ съ себя башмакъ, и откусилъ кусокъ подошвы, но она снаружи столько была напитана морскою водою, что я никакъ не могъ проглотить ни одного куска, а потому мы, вырѣзавъ средину подошвы, раздѣлили ее; но пища эта не принесла намъ ни какой пользы.

«1-го Юля Парръ поймалъ багромъ дельфина; въ ту же минуту мы упавъ на колѣни, со слезами благодарили Бога, за его къ намъ милосердіе. Дельфина мы тотчасъ разодрали по частямъ и повѣсили на солнцѣ просушить; но едва онъ успѣлъ пагрѣться, какъ мы, не имѣя терпѣнія дожидаться, начали утолять имъ свой голодъ. Этой рыбы намъ стало до 4-го числа, а тогда мы опять начали мучиться отъ недостатка пищи. Въ это время Парръ, Бригоусъ, Конвей и я предложили проломить дно у шлюпки, чтобъ тотчасъ потонуть, и тѣмъ положить конецъ несносному нашему бѣдствію; но другіе два наши товарища на это не согласились, сказавъ, что Богъ не съ тѣмъ далъ человѣку жизнь, чтобъ онъ самъ себя могъ лишить оной, и что Тотъ, Кто создалъ человѣка, не допустить его умереть съ голоду.

«5-го числа около полудня, Маккинонъ предложилъ бросить жребій, кого изъ насъ убить для спасенія прочихъ. Мы тотчасъ согласились; но какъ Парръ за два дня предъ симъ занемогъ гнилою горячкою съ пятнами, то мы его исключили изъ жребія. Онъ написалъ пять нумеровъ и положилъ ихъ въ шляпу, откуда мы вынимали ихъ съ звязанными глазами, и клали въ карманы, не зная, у кого какой нумеръ. Послѣ того Парръ спросилъ насъ: который нумеръ долженъ быть принесенъ въ жертву? Мы изначили № 5-й. Тогда всѣ мы стали усердно молиться Богу, и помолясь, вынулъ номера: жребій палъ на Маккинона!

«Мы еще прежде положили, что тотъ, кому достанется умереть, долженъ самъ себѣ открыть кровь, для чего заблаговременно приготовили наостренныя гвозди, и потому теперь однимъ изъ сихъ гвоздей Маккинонъ пустилъ себѣ кровь въ трехъ мѣстахъ: изъ ноги, изъ руки, около локтя и подлѣ кисти; сдѣлавъ это, онъ сталъ просить Бога объ отпущеніи грѣховъ его, и чрезъ четверть часа испустилъ духъ.

«Тѣло не успѣло еще совершенно простыть, какъ Бригоусъ отрѣзалъ отъ лядвеи большой кусокъ мяса и вывѣсилъ сушить на солнцѣ. Чрезъ три часа послѣ того мы всѣ поѣли по немногу. Этого куска стало намъ до 7-го числа; между тѣмъ тѣло мы не бросали въ море, а только для предохраненія онаго, чрезъ каждые два часа погружали въ воду. Послѣ отрѣзали другой кусокъ и также съѣли.

«8-го числа предъ самымъ разсвѣтомъ, будучи на рулѣ, замѣтилъ я, что вода перемѣнила цвѣтъ; полагая, что мы находимся близъ берега, я разбудилъ своихъ товарищей, но мы не могли усмотрѣть ни какой земли.

«Наконецъ по совершенномъ разсвѣтѣ, увидѣли берегъ, прямо впереди насъ; мы такъ держали, доколѣ въ восемь часовъ утра не подошли къ нему вплотъ. Тогда открылся намъ страшный бурунъ; мы хотѣли отворотить и удалиться, по слабость нашихъ силъ не позволила сего сдѣлать; а потому боть нашъ занесло въ бурупы и опрокинуло; причеъ Макквинъ и Бригоусъ потонули, а Парръ, Конвей и я вышли на берегъ.

«На берегу нашли мы небольшую хижину, въ которой жилъ Индѣецъ съ матерью; они знали португальскій языкъ, который и я нѣсколько разумѣлъ. Женщина сказала намъ, что мы находимся только въ трехъ миляхъ отъ селенія, называемаго Бельмонтъ. Сынъ ея тотчасъ туда отправился и сказалъ тамъ, что Французы сдѣлали высадку. Въ слѣдствіе сего начальникъ селенія, священникъ и нѣсколько гражданъ, въ полномъ вооруженіи, часа чрезъ два явились предъ нами. Парри и Конвею связали руки и ноги, и повѣсивъ ихъ на шесты, понесли въ селеніе, а меня, за болѣзнію, оставили въ хижинѣ, и уже послѣ привели туда же.

«Услышавъ отъ насъ, что мы Англичане, они насъ тотчасъ развязали, и положивъ въ койки, принесли въ домъ начальника, который далъ намъ пищу и постели. Сначала мы едва могли разжимать ротъ, и то съ большею болью; это продолжалось до 23-го числа. О прибытіи нашемъ начальникъ отнесся къ Сантъ-Салвадорскому Губернатору, который немедленно прислалъ за нами небольшую шкуну въ портъ Сегуро. До порта ѣхали мы верхомъ; на пути останавливались въ городѣ Санта-Крусъ, гдѣ пробыли десять дней. По прибытіи въ Сантъ-Салвадоръ, мы были допрошены губернаторомъ: Парръ объявилъ, что корабль нашъ потонулъ въ море, а мы спаслись на гребномъ суднѣ; что имя корабля Салли изъ Ливерпуля; что корабль принадлежалъ отцу его, и шелъ съ африканскаго берега въ Ямайку. О себѣ Парръ сказалъ, что онъ былъ капитаномъ корабля.

«Мы находились въ Сантъ-Салвадорѣ дней тринадцать; въ теченіе сего времени жители сдѣлали въ пользу нашу подписку: намъ досталось на каждого по двѣсти фунтовъ стерлинговъ (около пяти тысячъ рублей асс.) Потомъ отправили насъ на португальскомъ бригѣ Маріи въ Лиссабонъ. Парръ вступилъ въ должность штурмана, Конвей, какъ ботсманматъ, а я, по болѣзни, пассажиромъ. Чрезъ двѣ недѣли мы пришли въ Ріо-Жанейро: Парръ и Конвей ушли на бригъ въ Лиссабонъ, а я былъ оставленъ въ госпиталѣ.

«Чрезъ три мѣсяца послѣ сего, Капитанъ Эльфинстонъ, линійнаго корабля *Диомеда*, захватилъ меня въ службу

Его Величества, и предоставилъ моему выбору: остаться у него на кораблѣ, или ѣхать къ Главнокомандующему Адмиралу на Мысъ Доброй Надежды. Я избралъ послѣднее, и былъ отосланъ съ семью другими подозрѣваемыми въ дезертированіи на преступничій корабль Анну, гдѣ насъ вмѣстѣ съ ссыльными (*) заковали въ желѣзы. На мысъ назначили меня на 64-хъ-пушечный корабль Лапкастеръ. Я никогда добровольно не вступалъ въ службу, а потому въ послѣдствіи и былъ освобожденъ отъ оной; тогда нанялся я въ званіе матроса на купеческое судно Герцогъ Кларенскій. Послѣ сего я имѣлъ намѣреніе, при первомъ случаѣ, объявить о себѣ и рассказать о несчастныхъ нашихъ заключеніяхъ, чтобы чрезъ то отвлечь другихъ отъ подобныхъ сему безразсудныхъ поступковъ.»

Вотъ разительный примѣръ грознаго небеснаго правосудія! Пренебрегшій свою обязанность къ Государю и отечеству, нарушитель присяги и соблазнитель другихъ несчастныхъ на подобное преступленіе, Маккинонтъ, ужаснымъ образомъ наказывается: онъ самъ себя лишаетъ жизни, и что жъ..? Служить свѣдѣю своимъ товарищамъ! Да отвратить примѣръ сей навсегда отъ побѣговъ нижнихъ воинскихъ чиновъ морской и сухопутной службы! -

Гибель англійскаго линейнаго корабля Резистанса, подѣ начальствомъ Капитана Пакенгама, взорваннаго на воздухъ въ проливѣ Банки, 24-го Іюля 1798 года.

Капитанъ Шепердсонъ, начальникъ фрегата Венуса, привезъ къ Малакку извѣстіе, что нѣсколько Англичанъ находятся въ рабствѣ на островѣ Лингантъ, и что слухъ носится, будто эти люди принадлежали экипажу корабля

(*) Botany-bay-ship, корабль Ботаническаго Залива: такъ Англичане называютъ суда, на которыхъ отправляютъ въ Новый Южный Валлисъ преступниковъ, осужденныхъ туда на ссылку.

Резистанса, взорваннаго на воздухъ въ заливѣ Банки, гдѣ они попались въ руки морскихъ разбойниковъ, которые ихъ продали на этотъ островъ. По сему извѣстію, Маіоръ Тейлоръ, начальникъ гарнизона въ Малаккѣ, немедленно послалъ *проу* на Линганъ съ приказаніемъ, стараться объ освобожденіи несчастныхъ.

Въ этой *проу* отправленъ былъ одинъ сепой (*), знавшій малайскій языкъ. Маіоръ далъ ему письмо къ Султану (**) Линганскому, котораго просилъ содѣйствовать Англичанамъ въ освобожденіи своихъ соотечественниковъ, находящихся въ рабствѣ у его подданныхъ.

5-го Декабря *проу* возвратилась въ Малакку, и привезла одного изъ матросовъ, спасшихся при взорваніи корабля Резистанса. Матросъ этотъ, по имени Томасъ Скотъ, двадцати двухъ лѣтъ отъ роду, уроженецъ города Вексфорда, что въ Ирландіи, 8-го Декабря 1798 года, подъ присягою показалъ слѣдующее:

Прежде онъ служилъ на китоловномъ кораблѣ Южнаго Моря *Честерфильдъ*; потомъ три года находился въ Тиморѣ-Бесарѣ, въ службѣ Голландской Остъ-Индской Компаніи. Когда же мѣсто это было взято Англичанами, онъ поступилъ на корабль Резистансъ.

Въ Декабрѣ 1797 года, корабль Резистансъ, на пути своемъ Южнымъ Океаномъ въ Китай, терпѣлъ жестокую бурю, продолжавшуюся непрерывно четверо сутокъ. Отъ сего слѣлалась въ немъ такая течь, что кетеньсъ-помпы день и ночь были въ дѣйствиіи, а наконецъ капитанъ принужденъ былъ бросить въ море нѣсколько пушекъ верхняго дека, и спуститься къ Филиппинскимъ Островамъ. Не имѣя стѣстныхъ припасовъ, воды и дровъ, Капитанъ Пакенгамъ плылъ вдоль береговъ подъ испанскимъ флагомъ, и пришедши почти на пушечный выстрѣлъ въ крѣпости

(*) Сямъ именемъ называются Индѣйцы, состоящіе въ сухопутной воинской службѣ Англійской Остъ-Индской Компаніи.

Прим. перев.

(**) Титло султана Европейцы даютъ всѣмъ какъ сильнымъ, такъ и мелкопомѣстнымъ владѣльцамъ Малайскихъ Острововъ.

Прим. перев.

Антего, положилъ якорь. Вице-губернаторъ сего мѣста и начальникъ стоявшаго въ портѣ брига, тотчасъ поѣхали на корабль, и увидѣвъ свою ошибку, хотѣли удалиться, но уже было поздно: ихъ догнали и привезли на Резистансъ. Капитанъ, обязавъ сихъ чиновниковъ честнымъ словомъ, прислать ему достаточное количество всего нужнаго, отпустилъ ихъ на берегъ въ тотъ же вечеръ; но какъ они не исполнили ни одной статьи даннаго ими обѣщанія, то онъ въ пять часовъ слѣдующаго утра отправилъ третьяго лейтенанта Кутберта съ отрядомъ гребныхъ судовъ, чтобъ *вырваться* стоявшій подъ батареями испанскій бригъ; предпріятіе это удалось совершенно; оно случилось въ самый день Рождества.

Резистансъ, съ своимъ призомъ, тотчасъ отправился въ Баламбанганъ, куда и прибылъ чрезъ четыре дня. Получивъ здѣсь нѣсколько дровъ, воды, пшена и живности, капитанъ рѣшился плыть къ острову Селебесу; между тѣмъ корабль все еще имѣлъ течь, и погоды стояли бурныя. Дней чрезъ осьмнадцать пришелъ онъ въ портъ Лимби, по близости Мунаду; капитанъ въ тотъ же вечеръ отправилъ бригъ къ острову Амбойну съ извѣстіемъ о своемъ бѣдственномъ положеніи. Въ слѣдствіе сего извѣщенія фрегатъ Бомбей немедленно отправился къ нему на помощь. Между тѣмъ Резистансъ, простоявъ съ недѣлю въ Лимби, и собравъ столько съѣстныхъ припасовъ, сколько нужно ему было на переходъ къ Амбойну, пошелъ въ путь, и чрезъ нѣсколько дней встрѣтился у острова Буру съ фрегатомъ Бомбеемъ, на которомъ отправлены были къ нему запасы.

Достигнувъ острова Амбойны, корабль, для починки и исправленія простоялъ тамъ около двухъ мѣсяцевъ, а потомъ пришелъ къ острову Буру, гдѣ, по мѣстнымъ удобствамъ, запасся съѣстными припасами, водою и дровами. Изъ сего мѣста отправился онъ къ острову Бандѣ, но на пути открылась въ немъ снова большая течь, принудившая его опять зайти къ острову Амбойну.

Въ началѣ Іюля корабль опять вышелъ въ море, и идучи вдоль берега Явы, взялъ подлѣ города Серраби,

голландскій бригъ съ балластомъ; бригъ ничего не стоилъ, а потому капитанъ въ ту же ночь отпустилъ его. Послѣ сего пошелъ онъ въ проливъ Банду, и достигъ онаго чрезъ пять дней. Тамъ, подлѣ самаго берега острова Банды, нашелъ онъ около четырнадцати разбойничьихъ судовъ (проу), изъ коихъ каждое вмѣщало отъ пятидесяти до шестидесяти человѣкъ. Капитанъ желалъ осмотрѣть ихъ, а потому и отправилъ три вооруженныя гребныя судна, подъ начальствомъ Лейтенантовъ Кутберта и Макея. Но Малайцы не позволяли имъ взойти на свои суда; однако жъ офицеры, исполняя въ точности капитанское приказаніе, настояли въ своемъ, и вошли на суда, чтобъ осмотрѣть, нѣтъ ли въ нихъ грузу, принадлежащаго Голландцамъ. Этотъ поступокъ до крайности раздражилъ Малайцевъ, и они принялись было за оружіе, такъ, что Англичане едва могли спастись поспѣшнымъ бѣгствомъ. За эту дерзость капитанъ скоро наказалъ разбойниковъ: пушечными выстрѣлами онъ тотчасъ разогналъ ихъ, и заставилъ многія изъ ихъ судовъ броситься на мель.

Въ девять часовъ слѣдующаго утра Капитанъ Пакенгамъ снялся съ якоря, и вырѣзалъ гребными судами Малайскій шлюпъ, взятый разбойниками на пути его въ Батавію; потомъ пошелъ внизъ по проливу. Капитанъ подозрѣвалъ, что шлюпъ сей принадлежалъ Голландцамъ, и что корабельщикъ истребилъ всѣ бумаги, касавшіяся до груза и принадлежности онаго; а потому онъ задержалъ его до вечера слѣдующаго дня: если бъ шлюпъ оказался законнымъ призомъ, онъ доставилъ бы кораблю значительную выгоду; ибо грузъ его состоялъ въ сукнахъ, соли и разныхъ другихъ товарахъ. Но вечеромъ рѣшено было его отпустить, и капитанъ хотѣлъ тотчасъ отправить на него корабельщика. На сей конецъ 23-го Іюля предъ вечеромъ заблаговременно сталъ на якорь въ проливъ Банки, ибо шлюпъ въ это время отсталъ такъ далеко, что скрылся изъ виду. Въ первомъ часу приблизился онъ къ кораблю, и положилъ якорь прямо у него за кормою.

Вахтенный офицеръ, Лейтенантъ Кутбертъ, хотѣлъ сначала тотчасъ отправить корабельщика на его шлюпъ, но

послѣ перемѣнилъ свое намѣреніе, сказавъ ему, что отошлетъ его на разсвѣтъ — на разсвѣтъ, котораго, по опредѣленію судебъ, несчастному экипажу не суждено было видѣть! Въ эту ночь Скотъ, показатель сего, спалъ на лѣвой сторонѣ шканцевъ: ночь была столь прекрасна, что ему не хотѣлось сойти внизъ. Онъ проснулся отъ пламени, опалившего ему платье и волосы, и ужаснаго удара, послѣдовавшаго мгновенно за пламенемъ; отъ сего страшнаго удара потерялъ онъ чувства, и не прежде пришелъ въ себя, какъ по его догадкѣ, минутъ чрезъ пять.

Онъ полагаетъ, что несчастіе это случилось около пятого часа 24-го Іюля, ибо почти чрезъ часъ послѣ взрыва стало уже разсвѣтать; но отъ чего оно произошло, того онъ совсѣмъ не знаетъ, и даже, при обстоятельствахъ, въ коихъ корабль тогда находился, и догадки ни какой сдѣлать не можетъ.

Пришедъ въ чувство, онъ увидѣлъ себя плавающего на водѣ, которою пачиналъ уже захлебываться, и въ то же время усмотрѣлъ человѣкъ двѣнадцать въ подобномъ же положеніи. Съ превеликимъ усиленіемъ всѣ они доплыли до корабельнаго обломка, едва возвышавшагося надъ поверхностью моря. Эти люди составляли весь остатокъ экипажа 74-хъ-пушечнаго корабля!

На разсвѣтъ люди, бывшіе на шлюпѣ, видѣли обломокъ и могли слышать голоса несчастныхъ мореходцевъ, просившихъ о помощи; но, чуждые всякой жалости и человѣколюбія, они снялись съ якоря, сдѣлали ружейный выстрѣлъ и пошли къ берегу острова Банды.

Погода стояла теплая, ясная, и на водѣ не было ни малѣйшаго волненія. Около одиннадцати часовъ утра бѣдные мореходцы принялись за работу: они вздумали составить плотъ изъ плававшихъ вокругъ нихъ корабельныхъ частей. Къ счастью ихъ, грота-рей упалъ прямо подлѣ обломка, на которомъ они находились. Отъ него нарѣзали они веревокъ для укрѣпленія плота, а отъ грота кусокъ парусины, изъ котораго кое-какъ сдѣлали парусъ; плотъ же составили изъ марса-рея и досокъ, поставивъ на немъ шлюпочную мачту для паруса.

Всѣ они были болѣе или менѣе ушибены и огалены, и изъ нихъ только пятеро могли заниматься работою, а потому плотъ ихъ не прежде былъ приведенъ къ концу, какъ во второмъ часу пополудни, и при всемъ томъ, они не въ силахъ были связать его такъ крѣпко, чтобъ онъ могъ противостать волненію. Сверхъ того они спѣшили кончить его скорѣе, чтобъ до ночи пріѣхать на берегъ. Надобно знать и то еще, что обломокъ корабля, къ которому они приплыли, не могъ поднять болѣе двухъ человѣкъ, и потому изъ жалости, они положили на него только тѣхъ, которые были ушибены опаснѣе (Джемсъ Сулливанъ и Робертъ Пуллоинъ), а сами держались на грота-реѣ. Сѣбѣстной же ихъ запасъ весь состоялъ въ одной тыквѣ, пойманной на водѣ.

Препоручивъ себя Провидѣнію, они пустились подъ парусомъ на плоту къ ближайшему берегу; это была низменная часть острова Суматры, отстоявшая отъ нихъ въ разстояніи трехъ, а отъ голландскаго селенія Паламбангъ шесть лигъ. Около семи часовъ вечера вѣтеръ сталъ свѣжѣть и волненіе подниматься, а также и теченіе сдѣлалось имъ противнымъ. Когда они находились еще довольно далеко отъ берега, найтовы, которыми связанъ былъ плотъ, стали слабнуть и скоро совсѣмъ развязались, и плотъ распался на части. Несчастные находились уже въ челюстяхъ смерти, но мореходцы рѣдко приходятъ въ отчаяніе: въ твердомъ упованіи на Бога, они изыскиваютъ средствъ къ своему спасенію до послѣдней невозможности. Четверо изъ сихъ несчастныхъ (*), разсудивъ, что якорный штокъ, составлявшій часть плота, могъ поддерживать ихъ на водѣ лучше, нежели прочія деревья, приплыли къ нему и за него ухватились.

Это случилось часу во второмъ пополудни; тогда свѣтила луна, и они могли видѣть на дальное разстояніе вокругъ себя. Изъ семи человѣкъ, оставшихся на разрушившемся плоту, одинъ (Пуллоинъ) умеръ, а прочіе, ко-

(*) Томасъ Скотъ, Юсіфъ Скотъ, Джонъ Гаттонъ и Александръ Макарти.

торыхъ спасеніе зависѣло отъ четырехъ ихъ товарищей, оставшись одни, начали горько плакать, и упрашивали Скота и другихъ не оставлять ихъ безъ помощи; но они требовали невозможнаго. Чрезъ часъ или два послѣ того, искавшіе спасенія на якорномъ штокѣ потеряли изъ виду несчастныхъ своихъ товарищей, о которыхъ они никогда уже болѣе не слыхали.

Посредствомъ двухъ небольшихъ деревъ, привязанныхъ поперекъ штока для того, чтобъ онъ не вертѣлся, могли они хорошо держаться на ономъ, и ихъ весьма тихо несло по волневію до девяти часовъ утра, а потомъ подхватило теченіе и быстро понесло къ берегу: однако жъ они помощью одного весла могли кое-какъ миновать его, и пристать къ нему съ подвѣтра въ десятомъ часу того же вечера (25 го числа). У берега ходилъ большой бурунь, и они, по причинѣ ушибовъ и усталости, не безъ труда и опасности могли выйти на сушу.

Избѣжавъ угрожавшей имъ гибели на морѣ, они начали страшиться другихъ бѣдъ, не менѣе опасныхъ, какъ тѣ, которыхъ лишь избавились: они вышли на берегъ, обитаемый народомъ варварскимъ, народомъ едва ли не превосходящимъ лютостью хищныхъ звѣрей, коими наполнены здѣшніе лѣса. Первою заботою ихъ на берегу было подкрѣпить себя сномъ; на сей конецъ сдѣлали они постель изъ листьевъ и сухой травы, и проспали до утра очень покойно. Вставши, они скоро нашли ручей прѣсной воды и утолили жажду; но пищи ни какой сыскать не могли: даже не попалось имъ ни одной ракушки.

Находясь въ такомъ бѣдственномъ положеніи безъ пищи, безъ одежды, безъ покрова, они шли въ отчаяніи вдоль берега, какъ говорится, куда глаза глядятъ, и въ четвертомъ часу пополудни усмотрѣли въ одномъ небольшомъ заливѣ стоявшую на якорѣ малайскую проу, въ разстояніи отъ нихъ не далѣе четверти мили; тогда они остановились, и посовѣтовавшись другъ съ другомъ, положили, чтобъ Томасъ Скотъ, знавшій хорошо голландскій и малайскій языки, одинъ приблизился къ проу, а прочіе должны были спрятаться и ожидать послѣдствія. Самъ Богъ со-

хранилъ ихъ, внушивъ имъ эту мысль; ибо если бѣ они рѣшились итти къ Малайцамъ всѣ вмѣстѣ, то безъ всякаго сомнѣнія ни одинъ изъ нихъ не остался бы въ живыхъ. Подойдя ближе, Скотъ увидѣлъ еще нѣсколько разбойничьихъ судовъ, стоявшихъ по близости перваго, съ которыхъ нѣсколько человѣкъ находилось на берегу: они починивали лодку. Старшина ихъ первый увидѣлъ Скота, и поднявъ вверхъ топоръ, пошелъ къ нему, а въ то же время что-то громко закричалъ своимъ товарищамъ, которые, схвативъ оружіе, также бросились къ нему: казалось что они рѣшились немедленно умертвить его. Но Скотъ отъ сихъ угрозъ не потерялся: ставъ на колѣни, онъ просилъ у варваровъ на собственномъ ихъ языкѣ пощады. Старшина въ ту же минуту запретилъ своей шайкѣ дѣлать ему какой-либо вредъ и началъ его спрашивать: какой онъ націи, какъ прибылъ на ихъ берега, откуда и зачѣмъ. Скотъ разсказалъ ему всю правду и что съ нимъ есть еще товарищи. Тогда старшина или Рая, какъ ихъ здѣсь называютъ, сказалъ ему, что если въ числѣ ихъ есть Голландцы, то онъ долженъ непременно объявить, иначе за укрытіе будетъ отвѣчать головою; и когда Скотъ увѣрилъ его, что они всѣ Англичане, то старшина сказалъ, что это ихъ счастье; въ противномъ случаѣ ни одинъ бы изъ нихъ не остался въ живыхъ, ибо они закономъ себѣ поставили убивать всѣхъ Голландцевъ, попадающихся въ ихъ руки; потомъ спрашивалъ онъ у Скота не спасся ли капитанъ, ибо въ такомъ случаѣ онъ самъ доставилъ бы ихъ въ Малакку.

Послѣ сихъ распросовъ, Рая послалъ отрядъ за укрывавшимися Англичанами, которыхъ Малайцы скоро сыскали. Несчастные думали, что ихъ ведутъ на вѣрную смерть, ибо они видѣли съ какимъ звѣрствомъ разбойники бросились къ Скоту и окружили его.

Малайцы посадили всѣхъ четверыхъ и начали снова спрашивать, дѣлая имъ тысячу вопросовъ о кораблѣ: гдѣ онъ былъ, куда шелъ, съ какимъ намѣреніемъ, отъ чего погибъ, какъ они спаслись, и проч. и проч. Удовольствовавъ свое любопытство, старшины приступали къ дѣ-

лежу; одинъ взялъ себѣ квартирмейстера и Гаттона, а другой двухъ Скотовъ, которыхъ тотчасъ отправили по своимъ судамъ.

Между тѣмъ бѣдные, почти умиравшіе съ голода Англичане оставались безъ пищи; не прежде седьмого часа Малайцы, сжалившись надъ ними, дали имъ нѣсколько сарачинской каши и рыбы.

Въ тотъ же вечеръ эти пять разбойничьихъ судовъ отправились къ тому мѣсту, гдѣ погибъ Резистансъ; тамъ плавали они взадъ и впередъ двое сутокъ, но ничего не могли сыскать, только въ продолженіе времени выкинуло на берегъ нѣсколько мертвыхъ тѣлъ и матросскихъ сундуковъ, изъ коихъ въ нѣкоторыхъ нашлось по небольшому числу талеровъ.

Эти пять проу составляли отрядъ большого разбойничьяго флота, расположеннаго вдоль здѣшнихъ береговъ; онѣ крейсеровали порознь для наблюденія судовъ, идущихъ изъ Китая или изъ Явы, о которыхъ немедленно сообщали въ главный свой станъ. Доколѣ находились они въ семъ крейсерствѣ, продолжавшемся около трехъ недѣль, Малайцы обходились съ Англичанами довольно хорошо, и не давали имъ повода къ жалобамъ.

Около 25-го Августа проу старшины, на которой находился повѣствователь сего описанія, встрѣтила одномачтовый шлюпъ (*), шедшій съ острова Явы. Экипажъ шлюпа, подъ прикрытіемъ ночи, уѣхалъ на гребныхъ судахъ въ ближайшій городъ на островѣ Банкѣ, куда онъ,

(*) Шлюпъ, Sloop, названіе Англійское, недавно у насъ принятое. Оно означаетъ военное трехъ-мачтовое судно менѣе фрегата, и такого рода суда Англичане называютъ Sloop of war, военный шлюпъ; еще есть у нихъ frigate-built sloop, шлюпъ фрегатской постройки, т. е. маленькій фрегатъ. Собственно же шлюпами называются малыя одномачтовые суда, отличныя отъ катеровъ тѣмъ, что не вооружены пушками, и имѣютъ мачту на половинѣ длины своей; между тѣмъ, какъ на катерахъ она стоитъ на одной трети длины отъ носа, и катеръ въ грузу болѣе сидитъ на корму.

Прим. перев.

повидимому, долженъ былъ итти со шлюпомъ. Прежде нежели разбойники овладѣли симъ судномъ, они обѣщали дать Англичанамъ частицу добычи, какъ-то платья, денегъ, и проч. Но какъ на немъ ничего не было кромѣ соли, оливковаго масла, пшена, птицъ и кокосовыхъ орѣховъ, то изъ этой добычи разбойники дали и Англичанамъ равную часть съ собою. Послѣ того чрезъ три дня проу съ своимъ призомъ прибыла въ городъ Пенобангъ, на островѣ Липгангъ, гдѣ Малайцы продали шлюпъ за 1,500 талеровъ. Здѣсь Англичанъ разлучили: Юсифъ Скотъ отправился на продажномъ призѣ въ Липгангъ, а Томасъ остался съ начальникомъ проу въ Пенобангъ, гдѣ онъ жилъ у своего хозяина въ качествѣ невольника или раба около пяти недѣль. Въ это время узналъ онъ, что Маккарти и Гаттанъ прибыли на небольшой проу въ Липгангъ, и что молодой рая, начальникъ проу, былъ столько благодаренъ и щедръ, что представивъ ихъ султану, не хотѣлъ взять за нихъ никакой платы.

Чрезъ нѣсколько дней дошелъ до него также слухъ, что Юсифъ Скотъ былъ выкупленъ съ призоваго судна, на которомъ онъ находился невольникомъ: судьбѣ угодно было, чтобъ его продали на оное за пятнадцать талеровъ, и что Султанъ Липганскій, движимый сроднымъ ему великодушіемъ и уваженіемъ къ Британскому пароду, велѣлъ всѣхъ Англичанъ, находившихся въ рабствѣ на его островѣ, помѣстить въ одну проу и отправить въ Пипангъ.

Спустя девять дней по отбытіи Англичанъ изъ Липгана, пріѣхалъ туда Томасъ Скотъ съ своимъ хозяиномъ, который продалъ его на рынкѣ за тридцать пять талеровъ. Новый его господинъ, также старшина или рая, былъ гораздо снисходительнѣе и человеколюбивѣе перваго: онъ хорошо одѣлъ его, лучше кормилъ и давалъ болѣе свободы; когда же замѣтилъ, что Скотъ грустилъ и плакалъ, оставшись одинъ изъ всѣхъ своихъ товарищей въ неволѣ, то сказалъ ему, что если онъ выработаетъ сумму, за него заплаченную, и возвратитъ ему, то получить свободу немедленно.

Однако жъ освобожденіе его послѣдовало скорѣе, и

съ той стороны, откуда онъ вовсе не ожидалъ того. Его выкупилъ султанъ и, призвавъ къ себѣ, объявилъ, что въ слѣдствіе письма Маіора Тейлора объ освобожденіи всѣхъ Англичанъ, онъ даетъ ему свободу и вскорѣ отправить въ Малакку, гдѣ маіоръ начальствуетъ.

Въ десятый день послѣ сего объявленія, султанъ отпустилъ Скота на проу, присланную Маіоромъ Тейлоромъ, которая чрезъ двѣ недѣли весьма скучнаго и продолжительнаго плаванія, пришла наконецъ 5-го Декабря въ Малакку, гдѣ онъ, Томасъ Скотъ, въ присутствіи командующаго и другихъ чиновниковъ, сдѣлалъ это показаніе и утвердилъ присягою.

При описанномъ здѣсь несчастномъ случаѣ, экипажъ корабля Резистанса состоялъ изъ слѣдующаго числа офицеровъ: капитанъ 1, лейтенантовъ 3, штурманъ 1, солдатскій офицеръ 1, экономическихъ офицеровъ 5, штурманскихъ помощниковъ и мичмановъ 8, а нижнихъ чиновъ былъ почти полный комплектъ.

Крушеніе англійскаго 44-хъ-пушечнаго фрегата Феникса, въ 1780 году, у береговъ острова Кубы.

Описано Лейтенантомъ Арчеромъ.

Фрегатъ Фениксъ, подъ начальствомъ Капитана Сира Гейда Паркера (*), погибъ въ 1780 году во время урагана, на берегахъ острова Кубы, въ Западной Индіи. Отъ сего безпримѣрно ужаснаго вѣтра въ одно время съ Фениксомъ погибло много другихъ судовъ (**). Арчеръ былъ первымъ лейтенантомъ Феникса, и описалъ гибель этого корабля

(*) Тетъ самый Паркеръ, который послѣ былъ адмираломъ и предводительствовалъ флотомъ, коего эскадра, подъ начальствомъ Лорда Нельсона, разбила датскій флотъ въ 1801 году на Копенгагенскомъ Рейдѣ.

Прим. перев.

(**) Два линійные корабли, четыре фрегата и шесть малыхъ военныхъ судовъ.

Прим. перев.

превосходнымъ образомъ въ письмѣ къ своей матери. Письмо его написано такъ просто, ясно и естественно, что читатель воображаетъ себя на погибающемъ фрегатѣ. Важнѣйшія обстоятельства изложены съ чувствами, проникающими въ сердце каждаго. Нельзя также безъ особеннаго удовольствія читать тѣхъ мѣстъ письма, гдѣ набожный мореходецъ, въ твердомъ упованіи на Промыслъ Вышняго, обращается къ Провидѣнію, и вызываетъ о помощи или предастъ судьбу свою путямъ Его. Мы помѣщаемъ здѣсь письмо это отъ слова до слова (*).

Въ морѣ, 30-го Іюня 1781.

Л. М. Вотъ вамъ описаніе послѣдняго плаванія фрегата Феникса; но если кому нибудь, кромѣ васъ, случится чи-

(*) Незнающихъ англійскаго языка должно предупредить, что письма сего никакъ невозможно было передать въ переводѣ равнозначашемъ подлиннику; во-первыхъ потому, что у насъ нѣтъ многихъ краткихъ и приличныхъ морскихъ выраженій, коими изобилуетъ языкъ англійскій, а во-вторыхъ, что и тѣ, которые есть, не употребляются въ обществѣ, и кромѣ морскихъ, никому неизвѣстны. Напротивъ того, въ Англіи всѣ люди грамотные знаютъ морской языкъ своего отечества, изъ котораго выраженія сръдко весьма кстати и красиво употребляютъ лучшіе проповѣдники на каюдрахъ и ораторы въ Парламентѣ; приведу примѣры. Г. Виндгамъ, одинъ изъ краснорѣчивѣйшихъ членомъ Парламента, говоря въ Нижней Палатѣ о Франціи, что она во время самой революціи, при внутреннихъ раздорахъ, побѣждала враговъ своихъ и дѣлала завоеванія, сказалъ: «Францію можно было уподобить кораблю, на которомъ экипажъ находился въ возмущеніи: партіи спорятъ и сражаются на бакъ, на тѣль, въ палубѣ; но рулевые стоятъ покойно на руль и направляютъ корабль къ желаемой пристани.» Въ другой разъ онъ же сказалъ въ Парламентѣ: «Бонапартъ дѣйствуетъ и побѣждаетъ политикою и оружіемъ; переговорами и войною онъ какъ кннпель, который однимъ ядромъ потрясаетъ мачты, а другимъ ихъ валитъ.» Шериданъ, острый и насмѣшливый ораторъ, хотѣлъ подшутить, въ Нижней Палатѣ, надъ однимъ адмираломъ, членомъ

татъ мое письмо, тотъ не долженъ упустить изъ виду, что оно писано для матери, и потому-то въ немъ обнаружены мысли и чувства, которыхъ я не открылъ бы другому. Хорошо будетъ, если вы поймете хотя половину письма моего; но что жъ дѣлать? Тутъ не моя вина: о морскомъ дѣлѣ иначе писать не могу, какъ въ морскихъ выраженіяхъ.

Позвольте начать. 2-го Августа 1780 года пошли мы изъ Портъ-Рояля въ Пенсаколу, имѣя повелѣніе отвести туда подъ нашимъ охраненіемъ два транспорта, и потомъ крейсировать у порта Гаваны, въ Мексиканскомъ Заливѣ, шесть недѣль. Черезъ нѣсколько дней увидѣли мы два низкіе, маленькіе, песчаные острова; казалось, что они лишь вышли изъ воды, или только упали съ неба; но совсѣмъ тѣмъ они обитаемы: болѣе трехъ сотъ Англичанъ снискиваютъ на нихъ хлѣбъ насущный ловлею черепахъ, попугаевъ и возвращеніемъ зелени, и мѣняють свои произведенія проходящимъ мимо ихъ кораблямъ на разные вещи, для нихъ необходимыя, или къ роскоши служащія, какъ, напримѣръ, на ромъ, и проч.

12-го числа прибыли мы въ Пенсаколу, безъ всякаго примѣчательнаго случая, кромѣ того, что на пути ловили много рыбы: морскихъ прожоръ, дельфиновъ и бонитъ. 13-го Августа фрегатъ пошелъ въ море уже одинъ. Четырнадцатаго настала буря отъ сѣвера, прямо съ берега, и скоро насъ удалила отъ прекрасной Пенсаколы. Заглянувъ

Парламента, который льстил и угождалъ министру, доколѣ посредствомъ его не получилъ значащаго мѣста, а потомъ сталъ порицать его управленіе; на сей конецъ, избравъ случай, сказалъ: «Почтенный адмиралъ, какъ искусный мореплаватель, постоянно шелъ въ *кильватеръ* своего благодѣтеля, и безпрестанно повторялъ *рулевымъ: такъ держи! держи такъ: (Steady!)* но лишь только увидѣлъ давно желанный портъ, въ который онъ могъ уже войти и безъ путеводителя, вдругъ, перемѣнивъ тонъ, вскричалъ: *держи дальше! не близко! (No near) (*)*.»

(*) Симъ словомъ повелѣвается рулевымъ не слишкомъ круто править, не восходить близко къ вѣтру.

издали въ Гавану, мы увидѣли тамъ множество судовъ, и узнали, что нѣкоторые изъ нихъ скоро должны выйти въ море; мы расположились крейсировать на пути ихъ; но прошло двѣ недѣли, и ни одно судно не порадовало насъ своимъ появленіемъ. Тогда капитанъ рѣшился обойти разъ или два весь заливъ (Мексиканскій) не приближаясь однако жъ на видъ береговъ. Мы надѣялись, что Вера-Крусъ обогатитъ насъ; но не тутъ-то было: время шло день за день, а суда не показывались; мѣшокъ съ талерами сдѣлался уже довольно полновѣсенъ, и никому не доставался: всякъ изъ насъ вѣскольکو разъ проигралъ, и никто ни однажды не выигралъ. Это игра, выдуманная нашимъ капитаномъ, въ которой онъ самъ принималъ участіе: по воскресеньямъ всѣ офицеры клали въ мѣшокъ по талеру, и каждый назначалъ день на недѣлю впередъ, когда увидимъ мы чужое судно; угадавшій получалъ весь мѣшокъ.

Наконецъ крейсерство наше крайне намъ наскучило, и мы желали, чтобъ оно кончилось скорѣе, ибо плаваніе въ здѣшнемъ морѣ, по причинѣ сильныхъ неправильныхъ теченій, чрезвычайно опасно, а пользы было мало, и потому мы направили путь къ Мысу Антовія. На другой день около втораго часа пополудни съ салюнга закричали: «видно судно!» — Гдѣ? — «На навѣтренный крамболъ! — А! а! Вотъ и Испанецъ наконецъ попался! Людей наверхъ чинить погоню!» И съ снмъ словомъ раздался свистъ дудокъ и ревъ ботсмана: «Пошелъ всѣ наверхъ прибавлять парусовъ!» Но сей вызовъ былъ уже ненуженъ, ибо по первому извѣстію, что видно судно, всѣ служители, съ быстротою молніи, бросились и заняли свои мѣста! «Послать лейтенанта съ трубою на салюнгъ.» Но онъ уже предупредилъ капитанское приказаніе. «Какое судно?» — «Большой корабль держитъ поперекъ насъ прямо на фордевинтъ!» — «Лѣво! больше лѣво! Лисели поднимай!» Вотъ и маленький нашъ докторъ выскочилъ наверхъ, потирая руки: «А! а! мѣшокъ не миновалъ моихъ рукъ!» — «Пу, къ чорту и съ твоимъ мѣшкомъ; ты смотри что впереди тамъ: мы скоро наполнимъ талерами всѣ свои мѣшки и сундуки.» Между тѣмъ съ салюнга опять закричали: «Два судна еще

видны на лѣвомъ траверзѣ!»—«Арчеръ! сходи самъ наверхъ и посмотри, что это за суда?»—Стрѣлою взбѣжалъ я на салингъ, и тотчасъ закричалъ: «На шканцахъ! я вижу цѣлый флотъ: судовъ двадцать идутъ прямо на фордевиндъ!»—«Вотъ тебѣ па! Это какой нибудь сильный конвой! Посмотримъ, пельзя ли будетъ чѣмъ нибудь въ немъ поживиться. Лисели долой! право! приводи опять къ вѣтру! на салингѣ! Смотрѣть хорошенько чужихъ судовъ!»

Около пяти часовъ вечера мы подошли довольно близко къ флоту, который состоялъ изъ двадцати шести испанскихъ кунеческихъ судовъ, подъ конвоемъ трехъ линійныхъ кораблей; одинъ изъ нихъ пустился было за нами, но примѣтивъ, что мы съ нимъ шутили, вскорѣ оставилъ бесполезную погоню, и соединился съ своимъ конвоемъ, который между тѣмъ плотно сомкнулся между конвоирами. Однако жъ мы не переставали итти по его слѣдамъ, въ надеждѣ улучшить благоприятный часъ, чтобъ выхватить изъ него какое нибудь судышко. Ахъ! если бъ въ это время съ нами были Гекторъ, Албюнъ, и хоть одинъ еще фрегатъ—весь конвой, стоящій многихъ миллионовъ, не миновалъ бы нашихъ рукъ! Въ восемь часовъ вечера усмотрѣли мы три судна въ нѣкоторомъ разстояніи отъ флота; въ минуту поставили всѣ паруса, и пустились въ средину къ нимъ, радуясь, что они далеко отстали отъ своего конвоя. Около полуночи подошли мы вплотъ къ самому большому изъ нихъ о двадцати шести пушкахъ. «Арчеръ! всѣмъ стоять по мѣстамъ! пушки выдвинуть! снимай съ огней покрывки!—Покажемъ этому молодцу нашу силу; это, можетъ быть, воздержитъ его отъ стрѣльбы, и тѣмъ нѣсколько человекъ будутъ избавлены отъ смерти (*).» Капитанское повелѣніе

(*) Лордъ Колингвудъ, командуя Британскимъ Флотомъ въ Средиземномъ Морѣ, далъ приказаніе, чтобъ всѣ суда его флота скрывали сколько возможно свою силу, подходя къ непріятелю; но приблизившись къ нему, должны тотчасъ показать ее и дѣйствовать всею. Поводомъ къ сему было слѣдующее происшествіе: въ 1805 году англійскій 84-хъ-пушечный корабль Донегалъ напалъ, въ Атлантическомъ Океанѣ, на испанскій фрегатъ Амфиграту, шедшій съ депешами изъ Европы

со словомъ было исполнено, и голосъ мой раздался: «На корабль ало! убирай паруса и положи гротъ-марсель на стеньгу; иначе тотчасъ пушу на дно.» Въ ту же минуту блоки на немъ закрипѣли, паруса захлопали и полетѣли на низъ! «Какое это судно?»—«Полли.»—«Откуда?»—«Изъ Ямайки.»—«Куда?»—«Въ Нью-Йоркъ»—«А это какое судно?»—«Фрегатъ Фениксъ?» Съ симъ словомъ на Полли отъ всего экипажа раздалось громогласное ура! По осмотрѣ сего корабля нашлось, что сказанное имъ было справедливо. Суда эти встрѣтились съ конвоемъ поутру, и Испанцы гвалась за ними цѣлый день, доколѣ не увидѣли нашего Феникса, который сочли ихъ спутникомъ, а корабль Полли принялъ его за испанскій фрегатъ, и не прежде увѣрился въ противномъ, какъ въ то самое время, когда мы стали окликать его. Другія суда, бывшія вмѣстѣ съ Полли, шли въ Нью-Йоркъ. Такимъ образомъ покорный вашъ сынъ изъ миллионщика опять вступилъ на прежніе четыре шилинга съ пенсами въ сутки. При семъ случаѣ одинъ только маленькій докторъ взялъ призъ, получивъ въ добычу *лоттерейный* мѣшокъ съ 30 или 40 талерами. Но такія неудачи ничего еще не значать въ сравненіи съ другими приключеніями, которыми мы, бѣдные моряки, часто подвергаемся.

Отпустивъ эти суда, мы стали держать на SSO, въ намѣреніи обогнуть Мысъ Антонія и идти въ Ямайку, ибо время нашего крейсера уже кончилось, и хотя мы все

въ Америку. Капитанъ Донегала (Sir Richard Strachan) изъ хвастовства не хотѣлъ дѣйствовать по немъ баттареею пикаяго дека, и даже люди не были на ней поставлены по пушкамъ. Отъ сего фрегата, не получивъ отъ непріятельскаго огня такого вреда, какого надлежало бы ожидать, защищался болѣе получаса, и не прежде сдался, когда убили капитана; между тѣмъ онъ нѣсколько человѣкъ на кораблѣ убилъ и ранилъ. Послѣ сего англійскіе морскіе офицеры говорили, что Капитана Страгана надлежало бы судить, ибо онъ, не употребивъ всей своей силы противъ непріятеля, сдѣлался самъ смертоубійцей, или, по крайней мѣрѣ, участникомъ въ убійствѣ своихъ людей.

Прим. персв.

были съ голыми руками и пустыми карманами, но дѣлать нечего: надобно было возвратиться. Съ полуночи я стоялъ на вахтѣ, и вдругъ слышу въ третьемъ часу страшный голосъ съ бака, какъ громомъ всѣхъ насъ поразившій: «Бурунь передъ носомъ! Берегъ видѣнъ на подвѣтренный крамболъ.» Я взглянулъ, и вижу—точно такъ! Нельзя было терять ни минуты: «По мѣстамъ! лѣво на бордъ! кливеръ долой.» Вдругъ бѣжитъ на верхъ Капитанъ Паркеръ: «Арчеръ! что это значить? Ты поворачиваешь безъ моего приказанія.»—«Да ужъ давно бы, сударь, пора поворачивать: фрегатъ почти на берегу; извольте посмотрѣть!»—«Боже милосердый! Такъ точно, это берегъ; но поворотить ли фрегатъ?»—«Я думаю, что поворотить, если мы не будемъ суетиться и не сдѣлаемъ ни какого замѣшательства: паруса уже легли на стеньгу.»—«Хорошо! поворачивай, я не буду говорить ни слова.» Слава Богу, фрегатъ поворотилъ, и главная опасность миновалась; надлежало только убраться отъ нее далѣе: «На русленяхъ! бросай лотъ и сказывай глубину.» Вдругъ заплѣлъ (*) голосъ, подобный фаготу, способный въ лучшемъ положеніи размѣштить мертвого: «По ма-ркѣ три са-же-ни.»—«Держи полнѣе на WNW!»—«Ниже трехъ са-женъ!»—«А! это не годится, Арчеръ!»—«Очень плохо, сударь; идучи къ берегу мы правили на SSO, такъ не лучше ли держать на NNW, чтобъ отъ него удалиться?»—«Правда! приводи на NNW—держи такъ!»—«По лоту больше трехъ саженъ.»—«Хорошо! бросай чаще лотъ!»—«Четыре сажени!»—«Очень хорошо! бросай еще!»—«Пять саженъ!»—«Прекрасно!»—«Восемь саженъ!»—«Вотъ славно! идетъ дѣло наладъ! Брось еще разъ, да и полно.»—«По ло-ту пять са-же-нъ!»—«Это что значитъ! людей наверхъ! готовить якоря! канаты очищай! бросай скорѣе лотъ!»—«Восемь саженъ!»—«По ло-ту девять са-женъ!»—«Якоря готовы!»—«Хорошо! стоять на пертуленяхъ и рустовахъ! смотрѣть, чтобъ обѣ бухты были чисты!»—«Лотъ проносить!»—«Дипъ-лотъ-линъ, об-

(*) На англійскихъ корабляхъ лотовые объявляютъ нара-
спѣвъ глубину.

Прим. перев.

нести!—Готово ли?»—«Готово!»—«Бросай! травы травы!»—
«Сто сажень пронесло!»—«Хорошо! убирай все по мѣ-
стамъ! Подвахтенные внизъ! Ну, слава Богу, все хорошо
кончилось, а на волосокъ были отъ гибели! Приводи къ
вѣтру; Арчеръ, положи гротъ-марсель на стеньгу.»

Если вы, любезнѣйшая матушка, поняли хотя поло-
вину описанія, то и этого уже очень довольно. Впрочемъ
вы видѣли только одно начало; посмотрите что будетъ
далѣе, когда дѣло дойдетъ до урагана! Коль скоро, послѣ
такой ужасной тревоги, мы успокоились, и все у насъ было
приведено въ обыкновенный порядокъ, Спръ Гейдъ Паркеръ
подошелъ ко мнѣ съ выступившими на глазахъ слезами, и
сказалъ самымъ дружескимъ образомъ: «Мы всѣ должны
благодарить тебя, Арчеръ, за спасеніе фрегата, а можетъ
быть и насъ самихъ, и особенно я много тебѣ обязанъ;
одна только твоя рѣшительность и присутствіе духа спасли
насъ; если бѣ фрегатъ подался впередъ еще на кабельтовъ,
или если бѣ ты встревожилъ экипажъ, и тѣмъ произвелъ
въ немъ страхъ и замѣшательство, мы погибли бы непре-
мѣнно.» — «Благодарю васъ за хорошее мнѣніе обо мнѣ,
сказалъ я, но я не болѣе сдѣлалъ, какъ и всякій другой,
кто былъ бы на моемъ мѣстѣ; я былъ увѣренъ, что могъ
одною вахтою поворотить фрегатъ, а потому и не хотѣлъ
вызывать наверхъ всѣхъ людей. Если бѣ экипажъ узналъ,
что мы находимся въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ опаснаго
берега, то непременно произошли бы смятеніе и безпоря-
докъ.» — «Правда! совершенная правда!»

На разсвѣтѣ мы увидѣли, что теченіемъ занесло насъ
между камней Коллядорскихъ и Мысомъ Антонія, и что
мы не могли выйти ни какимъ другимъ проходомъ, ибо
съ эти сутки теченіе произвело разности въ нашемъ счи-
сленіи двадцать лигъ къ SO; и такъ Провидѣніе есть на
морѣ лучший путеводитель.

Мы виѣ себя были отъ радости, что избавились бѣды,
и тотчасъ направили путь къ Ямаикѣ; но несчастіе, какъ
говорится, одно никогда не приходитъ; въ слѣдующую
ночь, также во время моей вахты, нашелъ ужасный
шквалъ, подобный урагану. Хотя мы видѣли приближеніе

непріятнаго гостя и приготовились встрѣтить и проводить его, однако жъ онъ до такой степени накренилъ фрегатъ и положилъ его на бокъ, что мы думали, онъ опять уже не встанетъ и послужитъ всѣмъ намъ гробомъ! Но, къ счастью, онъ такъ хорошо слушался руля, что и на боку лежа, нѣсколько уклонялся подъ вѣтеръ и выдержалъ самый сильный напоръ этого шквала. Въ продолженіе мучительной ночи еще набѣгали довольно крѣпкіе порывы; а поутру мы увидѣли, что гротъ-мачта дала трещину. Каково было наше положеніе? Во 123 лигахъ подъ вѣтромъ отъ Ямайки; время урагановъ наступаетъ; съ поврежденною мачтой и на половинной порціи пищи и питья! Изволь тутъ придумывать средства, какъ поступить лучше. Мачту мы кое-какъ укрѣпили шкалами, но все надлежало нести на ней паруса съ большою осторожностью.

Цѣлые десять дней послѣ сего ничего новаго, любопытнаго у насъ не случилось; а потомъ гнались мы шесть часовъ за военнымъ судномъ дорогихъ нашихъ пріятелей Яньи (*), но не могли засвѣтло на столько къ нему приблизиться, чтобъ въ продолженіе ночи держать его въ виду, и мы его потеряли; а всему причиною проклятая гротъ-мачта! Чрезъ двѣнадцать дней послѣ сего происшествія, встрѣтивъ множество непріятностей отъ теченій и порывовъ вѣтра, увидѣли мы наконецъ благословенную Ямайку и вошли въ заливъ Монтего за прѣсною водою. Тутъ нашли мы три военные корабля, и наша молодежь развеселилась: всякій день въ городѣ пиры да танцы до разсвѣта! Всѣ предчувствія были заглушены громомъ музыки, и шкому изъ насъ ангель-хранитель не шепнулъ объ участи, которую Провидѣніе готовило намъ въ то время; чрезъ три дня послѣ сего, изъ четырехъ военныхъ судовъ, здѣсь стоявшихъ, ни одно не уцѣлѣло и погибли всѣ экипажи ихъ, кромѣ тѣхъ людей, которымъ удалось спастись

(*) Такъ Англичане, по имени одного дикаго народа, въ на-смѣшку называютъ Соединенные Штаты Сѣверной Америки, которые тогда только объявили свою независимость и вели войну съ Англією.

съ нашего фрегата! Многіе изъ домовъ, гдѣ мы проводили время въ пляскахъ и удовольствіяхъ, совершенно разрушились и даже слѣдовъ существованія ихъ не осталось! Пути Твои, Всевышній, непостижимы, но праведны; да будетъ Имя Твое благословенно отъ нынѣ и до вѣка!

30-го Сентября, мы отправились изъ Монтего, чтобъ идти въ Портъ-Рояль по восточную сторону острова. Барбадосъ и Викторъ вышли за сутки прежде насъ, а Скарборо долженъ былъ отправиться чрезъ день. Мы имѣли умѣренные вѣтры до 2-го Октября, но въ тотъ день къ вечеру носившіяся на восточномъ горизонтѣ тучи приняли страшный видъ; мы тотчасъ взяли всѣ рифы у марселей. Около полуночи позвалъ меня капитанъ: «Какова погода, Арчеръ?» спросилъ онъ. — «Начинаетъ подувать, сударь, и видъ облаковъ не хорошъ; если бъ мы были не въ Вестъ-Индіи, то я подумалъ бы, что наступаетъ буря.» — «Правда! Здѣсь тучи грознымъ своимъ видомъ часто страшатъ нашу братью понапрасну; но совсѣмъ тѣмъ не подымай марса-фаловъ пока не выяснитъ; осторожность во всѣхъ моряхъ есть первое дѣло для мореходцевъ!» Въ полночь я смѣнился; небо имѣло прежній грозный видъ, однако жъ капитанъ велѣлъ прибавить парусовъ. Въ восемь часовъ утра я опять вышелъ на вахту; тогда уже вѣтеръ крѣпко дулъ порывами отъ ОНО; мы несли одни совсѣмъ рифленные марсели. За мною показался на шканцахъ и капитанъ: «Что, Арчеръ, каково идутъ дѣла у тебя наверху?» — «По временамъ очень плохо, сударь; но я думаю, что это скоро пройдетъ; тучи начали расходиться, и, можетъ быть, въ полдень намъ удастся взять обсервацію, а если къ полудню не выяснитъ, намъ, я думаю, безъ урагана не обойтись.» — «Очень желаю, чтобъ выяснѣло, только едвали это будетъ. Мнѣ случилось однажды видѣть ураганъ въ Остъ-Индіи: онъ начинался точно такимъ образомъ, какъ теперь; и такъ лучше посылай людей крѣпить марсели; здѣсь намъ довольно мѣста дрейфовать.»

Въ полдень вѣтеръ усиллся; тогда мы повернули чрезъ Фордевиндъ, чтобъ сколько возможно держать фре-

гать посрединѣ пролива между Кубою и Ямайкой. Во второмъ часу буря сдѣлалась свирѣпѣе; въ третьемъ и того больше; въ четвертомъ еще ужаснѣе; дѣло шло не на шутку: взяли рифы у нижнихъ парусовъ, закрѣпили ихъ и привели фрегатъ къ вѣтру на N подъ однимъ бизань-стакселемъ. Вотъ наступилъ и вечеръ, но и признаковъ не было, чтобъ буря укротилась, напротивъ, все показывало приближеніе урагана, къ которому мы тогда же начали готовиться: закрѣпили всѣ паруса запасными обносными сезнями (*); на рей положили новыя штормъ-тали; привязали вновь всѣ гребныя суда; перекрѣпили пушки, и положили на нихъ въ декъ двойные брюки; спустили брамъ-стенги и лисель-спирты внизъ, убрали на расторы утлегарь и блинда-рей, и велѣли плотникамъ приготовить брезенты для люковъ и планки съ гвоздями для наколачивания ихъ.

И бѣдныя птицы предчувствовали наступленіе урагана; страшась его, онѣ укрывались куда ни попало. Множество изъ нихъ, морскихъ и береговыхъ, прилетѣло на фрегатъ. Я замѣтилъ, что находившіяся у насъ подъ вѣтромъ не въ силахъ были достигнуть фрегата прямымъ полетомъ, а принуждены были, такъ сказать, лавировать къ нему, поворачивая изъ стороны въ сторону; когда же долетали до него, то падали на палубу, и если мы ихъ брали въ руки и опять пускали на волю, онѣ не хотѣли летѣть прочь.

Вотъ и ураганъ наступилъ въ восемь часовъ вечера! Слово не могу набрать для изображенія всѣхъ его ужасовъ! Вой и свистъ бури по мачтамъ и снастямъ, ревъ холмообразныхъ горъ; скрипъ и трескъ фрегата — вотъ явленія, насъ тогда занимавшія! Мы наколотили на люки брезенты и поставили къ гротъ-мачтѣ плотниковъ съ топорами, на случай внезапной переменъ вѣтра; потомъ я пошелъ внизъ ужинать: сухари, сыръ и портеръ — тутъ и все.

(*) Описаніе сего кораблекрушенія можетъ служить для молодыхъ офицеровъ практическимъ наставленіемъ, какъ поступать во время жестокихъ вѣтровъ. *Прим. пер.*

Внизу представлялись мнѣ другія сцены. Коммиссаръ находился въ ужасномъ испугѣ; только не ураганъ и не смерть его устрашали: онъ боялся, чтобъ не подмочило у него мѣшковъ съ сухарями. Два армейскіе офицера, не понимая, отъ чего происходитъ трескъ и скрипъ корабельныхъ членовъ и движеніе пушекъ, поблѣднѣли, какъ смерть, и принесли покаяніе Богу, сядѣли въ молчаніи, будучи готовы опуститься съ фрегатомъ въ морскую бездну. Между тѣмъ штурманъ пилъ грогъ, курилъ табакъ и смѣялся надъ докторомъ; второй лейтенантъ находился на вахтѣ, а третій покойно спалъ въ своей каютѣ.

Въ десять часовъ я хотѣлъ немного уснуть, но нашелъ, что койка моя была полна воды: отъ качки всѣ назы въ палубѣ раздались, и вода сквозь пелес текла, какъ изъ рѣшета. Я легъ на полу между двумя сундуками, приказавъ разбудить меня тотчасъ при первой тревогѣ; и вдругъ сквозь сонъ въ полночь слышу тонскій мичманскій (*) голосокъ: «Господинъ Арчеръ! Капитанъ приказалъ повернуть на другой галсъ.» — «Очень хорошо! ссейчасъ иду; а какова погода?» — «Ураганъ, сударь, настоящій ураганъ!» На шканцахъ нашелъ я капитана; увидѣвъ меня онъ сказалъ: «какова буря, Арчеръ! ужасно!» — «Да, сударь, порядочно дуетъ.» — «Я не помню, чтобъ мнѣ случалось видѣть такой ужасный вѣтеръ; но фрегатъ нашъ, кажется, хорошо выдерживаетъ бурю на этотъ галсъ, лежа противъ волненія; каково-то будетъ, когда поверотимъ, а поверотить непремѣнно надобно: вѣтеръ отошелъ къ SO и пасть прямо несетъ на Кубу. Сходи-ка на бакъ и прикажи отдать фокъ на подвѣтряной сторонѣ только, и шхотъ пятапуть; а когда фрегатъ прійдетъ на фордевиндъ, то мы его опять уберемъ.» — «Не думаю, сударь, чтобъ теперь какой либо парусъ могъ выдержать такую ужасную силу вѣтра: лишь мы отдадимъ фокъ, то его въ одну секунду изорветъ въ лоскутья,

(*) Въ Англійскомъ Флотѣ мичманы не имѣютъ офицерскихъ чиновъ; они обыкновенно говорятъ лейтенантамъ, когда ихъ вахта наступитъ, и вызываютъ наверхъ, когда присутствіе ихъ тамъ нужно.

Прим. перев.

а можетъ быть еще и нѣсколько человѣкъ сбросить съ рея; мнѣ кажется, что можно будетъ поворотить, поставивъ людей по фокъ-вантамъ.»—«Нѣтъ! я не думаю!»—«Я отвѣчаю за это, сударь; мнѣ нѣсколько разъ случалось такъ поворачивать, крейсера у американскихъ береговъ.» — «Хорошо, попробуй! а если не поворотитъ, тогда уже фокъ отдадимъ.» — Это было великое снисхожденіе отъ такой особы, каковъ Сиръ Гейдъ Паркеръ (*). Около двухъ сотъ человѣкъ послали мы на фокъ-ванты и, къ счастью, съ большимъ трудомъ поворотили. Но на другомъ галѣ намъ не было такъ покойно: фрегатъ лежалъ поперекъ волненія, отчего качало его страшнымъ образомъ, и мы ежеминутно ожидали, что мачты полетятъ за бортъ. Бизань-стаксель разщипало въ куски; даже отъ реевъ между обносными сезнями вырывало лоскутья парусовъ! Милосердый Богъ! Можно ли вообразить, чтобъ сила вѣтра простиралась до такой степени?

Вскорѣ послѣ поворота, капитанъ послалъ меня на нижнюю палубу узнать что было причиною происходившаго оттуда необыкновеннаго шума. Едва успѣлъ я спуститься, какъ одинъ изъ армейскихъ офицеровъ, увидѣвъ меня, вскричалъ: «Господи Боже мой! спаси насъ! Г. Арчеръ! мы тонемъ; моя койка уже почти вся въ водѣ:

(*) Сиръ Гейдъ Паркеръ (Sir Hyde Parker) происходилъ отъ знатной фамиліи въ Англіи; онъ имѣлъ уже чинъ полнаго морскаго капитана, когда ему не было еще двадцати лѣтъ отъ роду. Но онъ чины получалъ не по одному домогательству своихъ родственниковъ, а находясь въ прямой и дѣятельной службѣ; словомъ такъ какъ у насъ въ сухопутныхъ войскахъ есть много людей знатныхъ, которымъ родственники ихъ, своимъ покровительствомъ, доставили только случай показать достоинства и таланты свои въ полномъ блескѣ, а чины и отличія приобрѣли они уже собственными своими подвигами въ настоящей службѣ, въ полѣ, а не пронырствомъ сидя дома. Адмиралъ Паркеръ былъ въ своемъ дѣлѣ офицеръ чрезвычайно искусный и храбрый; но гордый; отъ того-то, я думаю, согласіе его принять совѣтъ подчиненнаго ему офицера, Г. Арчеръ называетъ *великимъ снисхожденіемъ*. Прим. перев.

посмотрите.» — «Ай! ай! ай! какъ нестыдно такъ трусить и шумѣть! Пока мы въ водѣ будемъ только по горло, бояться не чего; молись, сударь, Богу, и ложись спать.» Я нашелъ, что на палубу пошло сверху весьма большое количество воды, но опасности ни какой не было: прорубивъ декъ, мы тотчасъ спустили воду въ трюмъ. Между тѣмъ я замѣтилъ, что мѣстами вода пробиралась сквозь борды, и что течь скоро должна была увеличиться. Я тотчасъ приказалъ вызвать другую вахту къ помпамъ, хотя воды во фрегатѣ было только два фута; но мы ожидали, что намъ будетъ пужно дѣйствовать ими безпрестанно: весь верхній декъ былъ покрытъ водою.

Въ два часа почи засорилась кетеньсъ-помпа; послали тимермана съ плотниками исправлять ее, а дѣйствовали только двумя гандсъ-помпами, но онѣ не успѣвали отливать воду. Течь увеличивалась, пока не начали опять работать кетеньсъ-помпы. Когда я стоялъ у помпъ и ободрялъ людей, приближалъ ко мнѣ, выпучивъ глаза, одинъ изъ тимерманскихъ помощниковъ: «Ахъ, Господинъ Арчеръ, въ констапельской показалась сильная течь!» — «Молчать! Бѣги и пошли ко мнѣ скорѣе тимермана, но смотри, о течи никому ни слова! Г. тимерманъ! говорятъ, что въ констапельской открылась течь; потрудись сходить туда и посмотри что такое тамъ сдѣлалось; только не пугай никого, а донеси мнѣ потихоньку.» Чрезъ нѣсколько минутъ опъ возвратился и сказалъ: — «Въ констапельской все хорошо, сударь, только вода между обшивными досками попадаетъ въ палубу, а этотъ дуракъ думалъ, что течь сдѣлалась.» — «Очень хорошо! теперь ступай на верхній декъ, и постарайся, чтобъ въ палубу попадало люками какъ можно менѣе воды.» — «У меня, сударь, люди стоятъ у люковъ безпрестанно; но на декъ такое количество воды, что при качкѣ фрегата ни какою силою нельзя удержать люковъ плотно на мѣстѣ.» Наконецъ явился артиллерійскій офицеръ: «Я желалъ бы, Г. Арчеръ, чтобъ вы заглянули на минуту въ крютъ-камеру.» Полагая, что тамъ случилось что нибудь важное, я тотчасъ бросился туда: «Ну, что такое у васъ тутъ сдѣлалось?» — «Вотъ извольте смот-

рѣтъ, нижній рядъ пороху весь подмокъ, а это не отъ моей оплошности; невозможно лучше уложить пороховыхъ бочекъ; если вы не оправдаете меня предъ капитаномъ, онъ всю бѣду взвалитъ на меня.» Нельзя было не смѣяться, какъ этотъ человѣкъ, не заботясь ни мало о крайней опасности, въ коей находился фрегатъ, и о томъ, что мы были, такъ сказать, на волосъ отъ смерти, хлопоталъ только о своемъ порохѣ: «Дай намъ сперва ураганъ съ плечъ долой свалить, а потомъ станемъ говорить о твоёмъ порохѣ.»

Въ четыре часа ночи мы нѣсколько уменьшили воды въ трюмѣ, и я тогда вышелъ на вахту, а второй лейтенантъ заступилъ мое мѣсто у помпъ. Кто въ состояніи описать зрѣлище, поразившее меня на шканцахъ? Если бы я цѣлый вѣкъ могъ писать, и тогда не былъ бы въ силахъ сообщить вамъ достаточнаго понятія объ ономъ: мы были покрыты непроницаемою тмою, которую только разверзали молніеносные огни страшнаго красно-синяго цвѣта; пѣна въ морѣ ярко свѣтилась и представляла оное въ огнѣ; вѣтеръ ревѣлъ, говоря безъ всякаго преувеличенія, страшнѣе самаго сильнаго грома, и волны, подымаясь на подобіе высокихъ горъ, низвергались ужаснымъ образомъ и давили бѣдный нашъ фрегатъ, который трещалъ во всемъ своемъ составѣ, но силился сколько возможно противустать имъ и удержаться на водѣ. Я нашелъ капитана на шканцахъ; онъ стоялъ у пушки, привязавшись къ навѣтренной сторонѣ; я привязалъ себя къ борту подлѣ него, донесъ ему о состояніи фрегата внизу и сказалъ, что течъ наша не болѣе, какую и ожидать должно было въ такой вѣтеръ; но что я опасаясь, чтобъ пушекъ отъ борта не оторвало.—«Я совѣтъ не боюсь этого; вотъ уже шесть лѣтъ, какъ я команду фрегатомъ, и много, слѣдовательно, испыталъ на немъ бурь, имѣлъ случай увѣриться въ добротѣ желѣзныхъ его крѣпленій, которыя обыкновенно, первыя начинаютъ сдавать и ломаться.» «Держись! Ужасная волна! Я думаю, Арчеръ, мы должны спустить нижніе реи; напоръ вѣтра дѣйствуетъ на нихъ слишкомъ сильно и много вредитъ мачтамъ и самому фрегату.» — «Если мы только

примемся за это, то, я думаю, тотчас их потеряем; теперь нѣтъ возможности ни одному человѣку работать наверху; притомъ мнѣ кажется, сударь, это весьма мало облегчить фрегатъ, а я желалъ бы, чтобъ гротъ-мачта упала за бортъ, если бъ только другихъ за собою не утащила, она уже повреждена и ни къ чему не годится; притомъ не вѣчно же будетъ штормъ; вотъ ужъ скоро станетъ и разсвѣтать.» По часамъ штурмана было уже близъ пяти часовъ, а по нашимъ съ небольшимъ четыре: мы радовались, что скоро будетъ разсвѣтъ и ожидали его съ крайнимъ нетерпѣніемъ. «О Куба, Куба! стоя на дорогѣ, ты много намъ мѣшаешь! Вотъ другой страшный валъ! Держись! Послать мичмана внизъ узнать что дѣлается въ трюмѣ!» Мичманъ возтрагилъ съ извѣстіемъ, что помпы не успѣваютъ отливать воды, и что у одной изъ нихъ порвалась цѣпь! Опять извѣстіе отъ помпъ, что цѣпь порвали, но течь прибавляется. Нашелъ ужасный валъ, залилъ шканцы и, ударивъ въ большой катеръ на росторахъ, разбилъ его въ дребезги, а фрегатъ легъ на бокъ и не вставалъ; въ то время снизу многіе голоса: «Течь увеличивается и качать помпы нельзя; фрегатъ совсемъ на боку.» — «Теперь кажется, сударь, сказалъ я капитану, не время ужъ думать о спасеніи мачтъ; не прикажете ли рубить гротъ-мачту?» — «Хорошо, съ Богомъ начинай!» Я тотчасъ вскочилъ на навѣтренные руслени, чтобъ рубить талрепы; ботсманъ послѣдовалъ за мною, а тимерманъ и плотники стояли у мачты съ топорами. Мы уже были готовы начинать, какъ вдругъ огромный валъ весь вкатился на фрегатъ, все переломалъ и унесъ со шканцевъ, сломилъ гротъ и бизань мачты, и наполнилъ палубу водою; фрегатъ сталъ почти прямо, но ужъ готовъ былъ опуститься на дно.

Едва успѣли мы высунуть головы изъ воды, какъ Капитанъ Паркеръ вскричалъ: «Мы погибаемъ, Арчеръ! Фрегатъ тонетъ.» — «Погибаемъ сударь! прощайте! Да будетъ надъ нами милость Божія.» Тутъ взглянулъ я впередъ, въ ожиданіи еще увидѣть, что вода съ палубы слилась и фрегатъ поднимается; но надежда моя была напрасна;

декъ былъ почти полонъ воды, и смерть неизбежна: «Всемогущій Боже! предаю въ руки твоя духъ мой; я умираю въ твердомъ упованіи на твою благодать и милосердіе, и ожидаю отпущенія грѣховъ моихъ предстательствомъ Спасителя нашего Иисуса Христа!»

Теперь я сожалѣлъ, что умѣлъ плавать; искусство это было мнѣ уже бесполезно, но могло только продлить какіе нибудь полчаса мучительную жизнь мою: любовь къ жизни столь сильно вкоренена въ человѣка природою, что онъ и не-хотя старается сохранить ее, и борется со смертью до послѣдней невозможности! Но въ минуту сихъ горестныхъ размышленій внезапно послышалось мнѣ, что фрегатъ ударился двомъ объ мель; чрезъ нѣсколько секундъ ударъ повторился чувствительнѣе, и я вскричалъ: фрегатъ на мели!»—«Что ты говоришь?»—«Фрегатъ сталъ на мель, сударь, и мы можемъ еще спастись.» Въ это время люди со всѣхъ сторонъ опрометью бѣжали на шканцы. Удары фрегата на каменьяхъ, между тѣмъ, сдѣлались уже чувствительны для каждого, и наконецъ столь сильны, что мы ожидали тотчасъ увидѣть его развалившимся въ куски. Тогда капитанъ закричалъ: «Держитесь, друзья, на шканцахъ, отсюда можно спастись, когда фрегатъ развалится.» Фрегатъ бился кормою на мели, будучи носомъ обращенъ къ волненію, отчего вода переливалась чрезъ него при каждомъ валѣ. Къ счастью, удалось намъ срубить фокъ-мачту, иначе она могла бы заворотить насъ бордомъ къ волненію. При паденіи мачты, пять человѣкъ лишились жизни; но это ничего тогда не значило: мы всѣ ежеминутно готовились съ нею разстаться. Вы можете себѣ представить, съ какимъ нетерпѣніемъ ожидали мы разсвѣта: заря занялась, нетерпѣніе наше стократно увеличилось; стало свѣтать, и мы устремили взоры въ ту сторону, гдѣ предполагали берегъ; разсвѣло, и что жъ намъ открылось? Фрегатъ находился на каменномъ рифѣ; вблизи его съ одной стороны стояли ужасной высоты утесы, а съ другой ходили горамъ подобныя волны. Онъ бился и трещалъ безпрестанно и при каждомъ ударѣ, казалось, должно было послѣдовать его разрушеніе. Сколь часто мы

обманиваемся въ путяхъ Провидѣнія, и считаемъ то величайшимъ зломъ, что въ послѣдствіи бываетъ настоящимъ благомъ! Немилосердыя волны, угрожавшія намъ гибелью, били фрегатъ и несли далѣе на каменья, на которыхъ онъ сталъ напослѣдокъ почти неподвижно. Фрегатъ нашъ былъ чрезвычайно крѣпокъ; съ первымъ ударомъ палубы провалились, но онъ уцѣлѣлъ. Послѣ мы уже увидѣли, что волненіемъ его перенесло чрезъ гряду каменьевъ почти на четверть мили разстоянія: если бъ онъ при началѣ сталъ на эту гряду, тогда поминай какъ звали: ни одинъ человѣкъ не могъ бы спастись.

Теперь я началъ думать, какъ бы попасть на берегъ, и для того, сбросивъ съ себя мундиръ и сапоги, сталъ искать тоненькой веревки, чтобъ взявъ съ собою конецъ ея, пуститься вплавъ; но счастливъ я былъ, что не могъ скоро найти веревки: я имѣлъ время помыслить: «Какъ? будучи первымъ лейтенантомъ на фрегатѣ, я первый оставляю его во время бѣдствія! Нѣтъ! нѣтъ! это не годится; мы можемъ еще спастись и возвратиться въ Англію; что тамъ скажутъ объ этомъ поступкѣ? Вѣчное пятно и безславіе! Прежде я долженъ отправить всѣхъ до одного человѣка на берегъ, и оставить фрегатъ вмѣстѣ съ капитаномъ.»

Фрегатъ стоялъ на каменьяхъ такъ плотно, что мы не имѣли причины опасаться скорого его разрушенія; тогда и смерть перестала глядѣть намъ въ глаза и позволила съ покойнымъ духомъ осмотрѣть окружавшіе насъ предметы. Болѣе всего поразило меня положеніе нѣкоторыхъ изъ нашихъ молодыхъ людей, у которыхъ въ тихую погоду безбожіе не сходило съ языка, а теперь съ лицомъ, покрытымъ смертною блѣдностью, со взорами, возведенными къ небу, сидѣли они смиренно по угламъ, читая молитвы, и боясь взглянуть на своихъ товарищей. Двое изъ нихъ однако жъ выплыли на берегъ съ линемъ въ рукахъ, посредствомъ коего взяли туда кабельтовъ и закрѣпили за каменья. Многіе тотчасъ воспользовались симъ случаемъ и оставили фрегатъ; но у насъ было нѣсколько человѣкъ больныхъ и раненыхъ, которые не могли перебраться по

кабельтову. Этому горю однако жъ мы умѣли пособить: взявъ съ русленей запасный марса-рей, положили одинъ конецъ его на камень, а другой въ каютныя окна, и сямъ способомъ переправили на берегъ большую часть нашихъ хворыхъ.

Какъ сказалъ, такъ и сдѣлалъ: въ десять часовъ утра я послѣдній оставилъ фрегатъ; въ то же время и вѣтеръ началъ утихать. Сиръ Гейдъ Паркеръ, взявъ меня за руку, съ чувствами, едва позволявшими ему говорить, сказалъ: «Я чрезвычайно радъ, Арчеръ, что вижу тебя здороваго на берегу, въ безопасности; но посмотри, бѣдный нашъ Фениксъ....» Я взглянулъ, но ни слова не могъ сказать; сердце мое слишкомъ было стѣснено. Послѣ того положеніе наше живо мнѣ представилось во всемъ своемъ ужасѣ: твердость мореходца уступила слабости человѣка, и я съ четверть часа плакалъ (*).

Около полудня вѣтеръ былъ уже умѣренный; мы достали нѣсколько гвоздей съ фрегата и сдѣлали шалаши; а между тѣмъ въ ямахъ по камнямъ наловили множество прекрасной рыбы, разложили огни и приготовили сытный обѣдъ. Послѣ полудня положили сходни съ каменьевъ въ каютныя окна и перетасили по нимъ нѣсколько съѣстныхъ припасовъ и прѣсной воды. Мы боялись, чтобъ фрегатъ не развалился; въ такомъ случаѣ должно было бы намъ умереть съ голоду и отъ жажды, потому что кораблекрушеніе наше случилось при подошвѣ бесплодныхъ камен-

(*) Налобно знать, что англійскіе офицеры, во время войны, а особенно съ Испанією, за первое счастье почитаютъ служить на хорошемъ фрегатѣ, подъ начальствомъ храбраго и дѣятельнаго капитана; ибо они увѣрены, что посредствомъ богатыхъ призовъ могутъ составить на всю свою жизнь хорошес, независимое состояніе. Лейтенантъ Арчеръ питался такою же надеждою; но вдругъ претерпѣваетъ кораблекрушеніе на непріятельскихъ берегахъ, и подвергается неизбѣжности во всю войну просидѣть въ плѣну. Мудреноли, что сравнивъ лстныя ожиданія съ настоящимъ своимъ положеніемъ, онъ не могъ, при всей своей твердости, удержаться отъ слезъ.

Прим. перев.

ныхъ горъ, гдѣ нельзя было сыскать ни капли прѣсной воды.

Первую ночь мы спали довольно покойно; но днемъ, когда уже боязнь смерти миновалась и помышленія о ней постепенно стали исчезать, живо представились нашему воображенію бѣдствія другаго рода: для спасенія своей жизни мы должны были около трехъ сотъ миль пробираться едва проходимыми лѣсами, чтобъ прійти въ Гавапу, и зачѣмъ? — Отдаться въ плѣнъ Испанцамъ и во все время войны остаться у нихъ въ заключеніи! Мысль ужасная! Въ теченіе дня мы старались свезти на берегъ сколько возможно болѣе съѣстныхъ запасовъ и прѣсной воды; работа эта стоила намъ превсликихъ трудовъ, потому что всѣ припасы и бочки съ водою были завалены разрушившимися палубами, пушками и всякою всячиною, и покрыты водою на десять футовъ глубины. Вечеромъ предложилъ я капитану починить послѣднее оставшееся на фрегатѣ гребное судно, которое еще не вовсе было изломано, и отправить на немъ нѣсколько охотниковъ въ Ямайку за помощью; начальствовать надъ ними вызвался я самъ: предложеніе это стоило вниманія, и на другой день было утверждено. Тотчасъ перетасили мы катеръ на берегъ; тимерманъ съ плотниками работалъ неутомимо, и чрезъ два дня около полудни катеръ былъ готовъ къ отправленію, а въ пятомъ часу того же вечера, взявъ съ собою чстырехъ матросовъ-охотниковъ, двухъ-недѣльный запасъ провизіи, и поднявъ англійскій гюйсъ, отвалилъ я отъ берега, и поставивъ паруса, пошелъ въ путь. Экинажъ съ берегу проводилъ насъ троекратнымъ ура, возсылая теплыя молибы ко Всевышнему объ успѣшномъ окончаніи нашего плаванія. Въ продолженіе ночи вѣтеръ дулъ порывами, а катеръ имѣлъ такую большую течь, что люди должны были безпрестанно выливать изъ него воду двумя ведрами. Я находился на рулѣ всю ночь, и правилъ по звѣздамъ. Поутру увидѣли мы ямайскій берегъ не ближе отъ насъ двѣнадцати лигъ, а въ девятомъ часу вечера пришли въ заливъ Монтего, откуда немедленно отправилъ я нарочнаго въ Портъ-Рояль съ донесеніемъ къ адмиралу; другаго къ командиру фре-

гата Прокупина, а самъ поѣхалъ въ Заливъ Маробы, чтобъ поискать тамъ судовъ, ибо суда, принадлежавшія здѣшнему порту, всѣ погибли во время урагана. Я нашелъ три судна, и тотчасъ отправился съ ними къ острову Кубѣ, куда прибылъ спустя четверо сутокъ по отбытіи. Лишь ступилъ я на берегъ, служители тотчасъ подхватили меня и на рукахъ принесли къ капитанскую палатку.

Я нашелъ, что фрегатъ Прокупинъ прибылъ сюда въ одинъ день съ нами, и что молодцы наши успѣли уже построить новый ботъ, способный вмѣстить пятьдесятъ человѣкъ, который капитанъ хотѣлъ отправить въ Ямайку, если бъ я погибъ въ морѣ. На другой день мы вступили на суда въ числѣ двухъ сотъ пятидесяти человѣкъ: нѣкоторые изъ нижнихъ чиновъ померли отъ ушибовъ и ранъ, полученныхъ при переправѣ съ фрегата; другіе отъ излишняго употребленія рома, а многіе удалились внутрь острова, съ намѣреніемъ достичь испанскихъ селеній. Мы такъ затѣснили суда сіи, что не могли даже взять нашихъ вещей, спасенныхъ съ фрегата; но это была такая бездѣлица въ сравненіи съ жизнію и свободою, что и упоминать бы о ней не надлежало.

Чтобъ скорѣе кончить мою повѣсть, заключу ее немногими словами: мы всѣ благополучно прибыли въ заливъ Монтего, откуда вскорѣ отправились въ Портъ-Рояль на фрегатѣ Янусѣ, нарочно за нами присланномъ. Тамъ былъ произведенъ надъ нами военный судъ, въ которомъ всѣхъ насъ оправдали съ честію. Меня назначилъ адмиралъ своимъ адъютантомъ, а вскорѣ потомъ командиромъ шлюпа Тобаго, на которомъ я и теперь служу и есмь Его Величества усердный вѣрнопопданный, а дражайшей моей родительницы почтительный и послушный сынъ

Арчеръ.

*Гибель англійскаго остъ-индскаго корабля
Додингтона, разбившагося на неизвѣстномъ
каменистомъ острову, въ открытомъ мо-
рь, 17-го Іюля 1755 года.*

Англійскій остъ-индскій корабль Додингтонъ, подъ начальствомъ Капитана Сампсона, отправился изъ Дили 25-го Апрѣля 1755 года, вмѣстѣ съ остъ-индскими же кораблями: Пельгамъ, Говтонъ, Стритамъ и Геджкортъ. Черезъ недѣлю вышли они изъ Англійскаго Канала; тогда Капитанъ Сампсонъ, замѣтивъ, что корабль его шелъ гораздо лучше другихъ, не хотѣлъ терять сей выгоды и, поставивъ всѣ паруса, скоро оставилъ своихъ товарищей назадъ. 20-го Мая увидѣлъ онъ Острова Зеленаго Мыса, а на другой день вошелъ въ портъ Праю. Тутъ открылось, что онъ ошибся въ расчетѣ, положась на хорошій ходъ корабля своего, ибо Пельгамъ и Стритамъ вошли въ тотъ же портъ спустя только два часа послѣ него (*), Говтонъ прибылъ вскорѣ послѣ ихъ; но Геджкортъ пришелъ не прежде 26-го числа.

27-го числа вся эскадра, кромѣ корабля Геджкорта, исправивъ свои надобности, пошла въ путь. Она шла вмѣстѣ, держа на $SO\frac{1}{4}O$, одни сутки; но Капитанъ Сампсонъ, заключивъ, что они правятъ слишкомъ много къ О, перемѣнилъ курсъ на S, и отъ сего опять разлучился съ про-

(*) Этотъ примѣръ и множество другихъ свидѣтельствуютъ, что для скорого и успѣшнаго окончанія отдаленнаго плаванія, недостаточно одной легкости въ ходу корабля; для сего потребно еще совершенное знаніе морей, коими плыть надлежитъ, и умѣнье дѣлать разныя другія соображенія. Слѣдовательно весьма много ошибаются тѣ, которые думаютъ, что кто можетъ плыть, напримѣръ, изъ Англіи въ Средиземное Море. Тотъ въ состояніи съ такимъ же успѣхомъ совершить путешествіе въ Индію. Если дѣло идетъ только о томъ, чтобъ отправиться въ дальній путь и сыскать назадъ дорогу, то можно согласиться, что для этого особой опытности не нужно; но чтобъ совершить какое либо отдаленное плаваніе съ возможною скоростью, для сего мало еще, чтобъ глядя на карту, править по тракту Кука.

Прим. перев.

чими. Черезъ семь недѣль послѣ того, увидѣлъ онъ Мысъ Доброй Надежды и обогнулъ его, а 8-го Юля сошелъ съ банки Агвилъасъ, и держалъ прямо на О ровно сутки; потомъ сталъ править на ОНО.

Корабль шелъ симъ курсомъ до втораго часа ночи 17-го числа, а тогда случилось съ нимъ несчастіе, которое описано въ журналѣ одного офицера, сообщившаго матеріалы для сего повѣствованія, такимъ образомъ:

«Спавъ покойно въ моей каютѣ, вдругъ проснулся я отъ чрезвычайнаго потрясенія корабля; тотчасъ выскочилъ изъ койки и побѣжалъ наверхъ. Здѣсь представилось мнѣ во всемъ ужасѣ отчаянное наше положеніе; волненіе ходило чрезъ корабль, и людей и всѣ вещи, находившіяся на шканцахъ и на верхней палубѣ, бросало изъ стороны въ сторону; корабль, при ударѣ каждаго вала, трещалъ и постепенно разрушался. Съ большимъ трудомъ и опасностью доползъ я до лѣвой стороны шканцовъ, которая находилась выше прочихъ частей корабля отъ поверхности моря. Тутъ нашелъ я капитана: онъ мнѣ только сказалъ: «мы всѣ погибнемъ.» А вскорѣ потомъ разлучило насъ нашедшимъ валомъ, и болѣе я уже его не видалъ. Я старался перебраться на другую сторону шканцовъ, но, будучи больно избитъ волненіемъ и повредивъ опасно руки выше локтя, ни какъ не въ силахъ былъ уснѣть въ моемъ намѣреніи. Между тѣмъ корабль сталъ раздѣляться на части, и весь покрылся водою.

«Въ семь гибельномъ положеніи, когда море готовилось поглотить насъ, услышалъ я голоса, кричавшіе: «Берегъ! берегъ!» Я тотчасъ окинулъ глазами вокругъ себя, и увидѣлъ что-то показавшееся мнѣ буруномъ, ходившимъ по камнямъ. Въ это время нашелъ на насъ огромный валъ; сорвавъ меня съ корабельнаго обломка, за который я держался, онъ ударилъ о другой съ такою силою, что я лишился чувствъ, и не прежде пришелъ въ себя, какъ уже по совершенномъ разсвѣтѣ. Тогда я находился на большомъ голомъ камнѣ и лежалъ на одномъ корабельномъ членѣ, отъ котораго двойной гвоздь прошелъ мнѣ въ плечо и такъ крѣпко держалъ меня, что я никакъ не

могъ самъ собою освободиться; между тѣмъ чувствовалъ нестерпимую боль; при всемъ томъ отъ ушибовъ и холода всѣ члены у меня окостенѣли, и я едва могъ шевелить ими. Я сталъ громко кричать, и скоро обратилъ на себя вниманіе нѣкоторыхъ изъ моихъ товарищей, сидѣвшихъ вдали на камняхъ; но они не были въ состояніи помочь мнѣ. Спустя уже не мало времени, я успѣлъ съ превеликою болью вырвать изъ плеча гвоздь, и выползть выше на камень. Мы претерпѣли кораблекрушеніе на безплодномъ, пустомъ, каменномъ островѣ, находящемся въ широтѣ 33° 43' S, въ разстояніи отъ Мыса Доброй Надежды 250 лигъ къ востоку.

«Здѣсь нашелъ я перваго, втораго, третьяго и пятаго офицеровъ, тимермана, подлекаря, двухъ квартирмейстеровъ, эконома и тринадцать матросовъ и слугъ; и такъ всего спаслось изъ двухъ сотъ семидесяти, только двадцать три человѣка.

«Принеся благодареніе Богу за свое спасеніе, приступили мы къ собиранію нужныхъ намъ вещей, прибитыхъ волнами къ берегу съ корабельными обломками. На первый случай всего пужнѣе для насъ былъ огонь, но мы не имѣли средствъ достать его; одни пытались получить оный треніемъ двухъ сухихъ дощечекъ, а другіе искали на островѣ кремнистой породы камней, но безъ успѣха. Наконецъ одному матросу удалось найти коробочку съ ружейными кремнями, а другому кусокъ изломашпой пилы. Только эти вещи, за неимѣніемъ трута, были для насъ бесполезны, доколѣ мы не сыскали боченка съ порохомъ; хотя онъ былъ подмоченъ, но внутри нашлось нѣсколько и сухаго пороха, который, будучи превращенъ въ мякоть и насыпанъ на тряпицу, доставилъ намъ очень хорошій трутъ, и мы тотъ же часъ добыли огонь. На раненыхъ было возложено смотрѣніе за огнемъ, а всѣ прочіе пошли искать по берегу запасовъ, безъ коихъ невозможно было жить на голомъ островѣ.

«Послѣ полудня мы вытащили изъ воды ящикъ со свѣчами и боченокъ водки. Находка эта была весьма къ стати, а особливо водка: мы могли ею подкрѣплять свои силы.

Вскорѣ потомъ найдена была бочка прѣсной воды, еще пужнѣе водки. Г. Джонсъ (первый офицеръ) сыскалъ нѣсколько кусковъ солонины, а матросы поймали семь свиней, выплывшихъ съ корабля; вдали же видѣли мы пѣсколько бочекъ съ пивомъ, водою и мукою, но не имѣли способовъ поймать ихъ.

«Къ ночи поставили мы палатку, которая однако жъ, по причинѣ малаго количества парусины, не могла вмѣстить всѣхъ насъ, а потому положили въ нее только однихъ раненыхъ. На островѣ привитало множество морскихъ птицъ, отъ коихъ вся вершина его была покрыта каломъ; а какъ мы опасались, чтобъ во время бури не достало до насъ волненіе, то и поставили на оной свою палатку и развели подлѣ нее огонь. Однако жъ покойнаго сна мы не имѣли, какъ отъ того, что были голодны, такъ и отъ великаго количества птичьяго кала, въ которомъ утопали на цѣлый футъ. Сверхъ того ночь была самая бурная съ проливнымъ дождемъ, безпрестанно гасившимъ огонь нашъ.

«18-го Іюля, тѣ изъ насъ, которые были здоровы, пошли опять къ берегу искать добычи; но, къ величайшему нашему огорченію увидѣли, что всѣ бочки, видѣнныя нами вчера, были разбиты о каменя, кромѣ одной съ пивомъ и другой съ мукою, которыя лишь успѣли они вытащить, какъ начался приливъ и прекратилъ работу. Тогда всѣ мы собрались къ обѣду, который былъ еще первый послѣ нашего кораблекрушенія: онъ состоялъ изъ нѣсколькихъ кусковъ свинины, на огнѣ поджаренной. Когда мы сѣли въ кружокъ, взглянули другъ на друга и вспомнили прежнее наше благоденствіе и изобиліе, и сравнили оное съ настоящимъ горькимъ нашимъ положеніемъ, всѣ въ одинъ голосъ зарыдали, а послѣ сего перваго движенія сердецъ нашихъ, нѣкоторые, повергшись на землю, возсылали усердныя мольбы къ небу; другіе ломали себѣ руки, а нѣкоторые, пребывая въ молчаніи со взорами на одинъ предметъ устремленными, казалось, совсѣмъ не помнили гдѣ они находятся и что съ ними дѣлается.»

Мѣры, предпринятыя несчастными мореходцами для своего избавленія, столь необыкновенны, и исполненіе ихъ до такой степени неимоვნѣно, что мы здѣсь прерываемъ на нѣсколько минутъ наше повѣствованіе, въ намѣреніи обратить вниманіе читателя на чрезвычайныя свойства ума человѣческаго, который чѣмъ болѣе находитъ недостатковъ въ способахъ, тѣмъ обширнѣе становится изобрѣтательная его сила. Человѣкъ, внезапно пораженный великимъ и непредвидимымъ несчастіемъ, сначала вдругъ впадаетъ въ нѣкоторый родъ безчувственности; потомъ, пришедъ въ себя, погружается въ глубокую печаль, за которою слѣдуетъ сильное движеніе въ чувствахъ, быстро направляющее воображеніе его отъ одного предмета къ другому, которыя всѣ остаются безъ изслѣдованія, доколѣ воображеніе не возвратится къ предмету, отъ котораго начало полетъ свой. Тогда уже оно разсматриваетъ и разбираетъ предметы, и останавливается на томъ, который сильнѣе его поражаетъ, хотя и не ведетъ ближе къ желаемой цѣли. Воображеніе, избравъ предметъ и утвердившись на немъ, даетъ мѣсто надеждѣ, которая, доколѣ бывъ какъ бы умершею, возраждается въ сердцѣ несчастнаго, утѣшаетъ его, невозможныя средства, изобрѣтенныя воображеніемъ, не только представляетъ возможными, но и удобоисполнимыми; тогда умъ сравниваетъ, соображаетъ и совокупляетъ ихъ. Сей-то счастливый союзъ воображенія, надежды и ума производитъ тѣ чудесныя дѣянія, плодъ нужды и необходимости, которыя извлекаютъ человѣка изъ положеній самыхъ отчаянныхъ, и намъ кажутся сверхъестественными. Впрочемъ, во всѣхъ отважныхъ изобрѣтеніяхъ ума человѣческаго, нельзя не признать всемогущаго содѣйствія Провидѣнія. Доказательство сему мы увидимъ въ счастливомъ исполненіи почти, можно сказать, смѣшнаго предначертанія нашихъ мореходцевъ для освобожденія своего съ пустаго острова. Предначертаніе это состояло не менѣе какъ въ томъ, чтобъ, не имѣя ни лѣсу, ни инструментовъ, построить боть и переѣхать на немъ на тверлую землю. Возблагодаримъ вмѣстѣ съ ними Вышній Промыслъ, неожиданно доставившій имъ средства исполнить это намѣреніе.

«Одинъ изъ матросовъ, взглянувъ на тимермана, замѣтилъ, что спасеніе его при кораблекрушеніи мы должны почитать великимъ для себя счастіемъ, ибо онъ можетъ построить ботъ изъ корабельныхъ обломковъ. Это замѣчаніе въ мгновеніе ока возвратило намъ надежду, и мы всѣ устремили взоры на тимермана, который увѣрялъ насъ, что безъ всякаго сомнѣнія онъ въ состояніи построить ботъ, способный всѣхъ насъ перевезти въ какой либо удобный портъ сосѣдственнаго материка; но для сего нужно имѣть лѣсъ и инструменты. Сколько мы ни разсуждали, но не находили средствъ къ построенію бота, а если бъ и была къ сему возможность, то не знали гдѣ взять сѣстныхъ припасовъ. Однако жъ съ той самой минуты, въ которую мы вообразили, что спасеніе наше не есть вещь невозможная, мы сдѣлались не столь печальны, ѣли съ охотою, и только разговоры у насъ и было, что о построеніи бота; воображеніе такъ далеко завело насъ, что мы уже начали спорить куда идти на ботѣ: къ Мысу ли Доброй Надежды, или въ заливъ Делаго.

«Тотчасъ послѣ обѣда одна половина изъ насъ разсыпалась по берегу искать инструментовъ, а другая доканчивала палатку; но въ тотъ день мы не могли сыскать ничего пригоднаго.

«19-го Іюля поймали мы у берега четыре бочки воды, бочку съ мукою и боченокъ водки, да еще небольшой ялъ, нѣсколько изломанный. Слѣдующій день былъ воскресный, и по счастливому событію, сдѣлался для насъ днемъ торжества и радости. Въ малую воду поутру нашли мы корзину, въ которой находились нѣсколько пилъ, парусныхъ иглъ, буравовъ и морская карта; а потомъ попались намъ два шпажные клинка, шляхта, долото, окшантъ и ящикъ съ талерами. Послѣ сего великаго успѣха, мы тотчасъ собрались, и принесли благодареніе Богу за его къ намъ милосердіе, потомъ пообѣдали и опять пошли на берегъ, гдѣ сыскали нѣсколько пакетовъ съ бумагами, приважданными правительству и компаніи; мы ихъ просушили и сложили какъ должно.

«Вечеру волненіемъ прибило къ берегу тѣло женщины,

которое, по осмотру, нашлось супруги второго офицера, Г. Кольета; онъ въ это время самъ находился недалеко отъ того мѣста; по какъ намъ извѣстна была чрезвычайная ихъ взаимная привязанность, то мы не хотѣли повергнуть его въ горестъ зрѣлищемъ трупастрастно любимой имъ особы: это могло даже быть ему пагубно. На сей конецъ Г. Джонсъ отвлекъ его подъ благовиднымъ предлогомъ на сторону, а мы тотчасъ вырыли могилу и предали тѣло землѣ, прочитавъ надъ онымъ погребальныя молитвы изъ Французскаго молитвенника, найденнаго на берегу. Черезъ нѣсколько дней мы открыли ему постепенно о семъ случаѣ, показали могилу и отдали кольцо, снятое съ пальца его супруги. Это его растрогало до чрезвычайности. Послѣ того онъ употребилъ нѣсколько дней на сооруженіе памятника, который сложилъ изъ четвероугольныхъ камней, собранныхъ имъ со всего острова. На вершинѣ памятника утвердилъ онъ ильмовую доску, на коей вырѣзалъ имя несчастной своей супруги, съ краткимъ означеніемъ причины ея смерти.

«21-го числа нашли мы небольшое количество прѣсной воды, свинины, дровъ, нѣсколько досокъ, снастей и парусины; всѣ эти вещи съ величайшею осторожностью прибрали мы въ сохранное мѣсто и назначили для сооруженія бота и для путешествія; но тимерманъ, по неимѣнію инструментовъ, ни какъ не могъ еще приступить къ работѣ. Онъ приготовилъ только пилы, но у него не было ни гвоздей, ни молота. Между прочимъ нашли мы кузнечные мѣхи, тогда матросъ Генрихъ Шантсъ, родомъ Шведъ, объявилъ, что онъ прежде былъ кузнецомъ и хорошо разумѣетъ это искусство, а потому съ помощію мѣховъ и наковальни, которую подъ его руководствомъ можно устроить, онъ въ состояніи будетъ сдѣлать всѣ нужные тимерману инструменты и гвозди; къ сему присовокупилъ онъ, что потребное количество желѣза можемъ мы набрать изъ членовъ корабля, разбросанныхъ по всему берегу. Вызовъ этого человѣка и предложеніе его отъ всѣхъ были приняты съ восторгомъ. Кузнецъ немедленно приступилъ къ исправленію мѣховъ, а три слѣдующіе дня были посвящены на

устройство кузницы и наковальни. Всѣ же прочіе изъ насъ занимались собираніемъ корабельныхъ частей и обломковъ, кои могли быть полезны тимерману, который также съ своей стороны началъ готовить все, что могъ при настоящихъ средствахъ.

«24-го Іюля тимерманъ, съ помощію квартирмейстера Чизголма, заложилъ киль бота, долженствовавшего имѣть тридцать футовъ длины и двѣнадцать ширины; и въ тотъ же день кузнецъ оковчилъ наковальню, и собралъ довольно количество деревянныхъ обломковъ для употребленія вмѣсто угля. Тимерманъ и кузнецъ продолжали свою работу съ чрезвычайнымъ прилежаніемъ. Мы были столь счастливы, что нашли верхнюю часть якорнаго пера съ рымомъ, изъ которыхъ кузнецъ сдѣлалъ наковальню и нужное число топоровъ, долотъ, молотовъ и гвоздей. Тимерманъ оказался въ своемъ дѣлѣ человѣкомъ весьма искуснымъ, и работа его шла очень успѣшно, доколѣ, 31-го числа, онъ не занемогъ.

«Жизнь и благоденствіе наше зависѣли отъ жизни сего человѣка, и потому мы съ крайнимъ нетерпѣніемъ и безпокойствомъ ожидали его выздоровленія. Нельзя изобразить радости, которую мы почувствовали, когда, 2-го Августа, онъ началъ продолжать свою работу.

«Но ласкаясь надеждою спасти себя посредствомъ строившагося бота, мы крайне были озабочены недостаткомъ пищи. Выкинутые съ корабля на берегъ съѣстные припасы и собранные нами не могли продовольствовать насъ долго. Изыскивая средства пропитанія, мы опредѣлили выдавать сухарей только по осьмушкѣ на каждого человѣка въ сутки; соленую свинину всю оставить для похода, а недостатокъ въ мясѣ положили вознаграждать морскими птицами, которыхъ на островѣ водилось чрезвычайно много. Мы ловили ихъ безъ большаго труда, но мясо ихъ было столь жестко и черно, и такъ дурно пахло морскими растеніями и рыбой, что безъ величайшаго отвращенія ни какъ нельзя было ѣсть его. Мы также прибѣгли къ способу ловить рыбу удами съ плота, нарочно для сего нами сдѣланнаго; и иногда удавалось намъ убивать тюленей; но

все тѣ, которые ѣли мясо сихъ животныхъ, почувствовали разные болѣзненные припадки, и потому мы перестали употреблять его въ пищу. Сверхъ того ужасалъ насъ недостатокъ въ прѣсной водѣ; ибо гдѣ мы ни рыли колодцы для полученія ея, вездѣ находили воду соленую.

«Рыбная ловля на плоту сначала была столь изобильна, что захотела насъ сдѣлать другой такой же плотъ, на которомъ однако жъ Гг. Кольетъ и Этсъ были отнесены далеко въ море и едва не погибли. 20-го Августа они занимались на плоту ловлею цѣлый день; но когда въ пятомъ часу по полудни хотѣли возвратиться къ острову, вдругъ подулъ крѣпкій вѣтеръ отъ запада, и повнесъ плотъ въ море. Мы видѣли опасное ихъ положеніе, но не знали какъ имъ помочь. Наконецъ рѣшились послать къ нимъ другой плотъ, на которомъ закрѣпили конецъ веревки съ острова, чтобъ помощію сего завоза притянуть оба плота къ берегу; но волненіе при берегѣ было столь уже велико, что опрокинуло послѣдній плотъ, и бывшіе на немъ люди едва могли спастись вплавъ. Теперь мы съ крайнею горестію видѣли какъ несчастныхъ товарищей нашихъ постепенно отдавало отъ берега, и не находили ни какихъ средствъ спасти ихъ, доколѣ тимерманъ не вызвался въ полчаса починить ялъ и привести его въ такое положеніе, что одинъ человекъ будетъ въ состояніи отливать изъ него воду. Тимерманъ исполнилъ свое обѣщаніе только не вполне, ибо коль скоро ялъ взялъ Кольета и Этса, и поѣхалъ обратно къ берегу, течъ въ немъ до такой степени увеличилась, что они съ величайшимъ усиліемъ могли сохранить оный отъ потопленія, и когда пристали къ берегу, тогда ялъ вполонину уже былъ наполненъ водою. Это провѣшество отняло у насъ охоту ловить рыбу на плотѣхъ; но искусный нашъ тимерманъ, исправивъ ялъ надлежащимъ образомъ, доставилъ намъ безопасное средство замѣнить имъ плоты.

«Рыбная наша ловля не всегда однако жъ была удачна; часто, по вѣскольку дней сряду, мы ничего не могли поймать. Равнымъ образомъ и птицы, ознакомясь съ хищническими свойствами людей, стали насъ дичиться, и иногда

показывались превеликими стадами, но чаще не было видно ни одной. Мы желали бы въ удачные дни наловить ихъ столько, чтобъ избытокъ оставлять въ запасъ; но не знали какъ сохранять мясо отъ порчи: пытались коптить ихъ, но успѣхъ не соотвѣтствовалъ трудамъ. Напослѣдокъ вздумали солить, и на сей конецъ хотѣли вываривать соль изъ морской воды; только опытъ сей едва было не стоилъ всѣмъ намъ жизни. Мы стали варить морскую воду въ мѣдномъ котлѣ, не помысливъ что мѣдянка, смѣшавшись съ солью, сдѣлаетъ ее настоящимъ ядомъ. Къ счастью, вываренная нами соль имѣла такой горькій вкусъ и отвратительный запахъ, что весьма немногіе изъ насъ рѣшились ее отвѣдать; за то получили при холодномъ потѣ ужасныя внутреннія боли и судороги, и едва, едва могли въ нѣсколько времени оправиться.

«Пребываніе наше продолжалось на пустомъ островѣ семь недѣль; въ теченіе сего времени мы часто видали по направленію къ твердой землѣ довольно большой дымъ, который возбуждалъ въ насъ чрезвычайное любопытство. Наконецъ рѣшились, для изслѣдованія сего явленія, послать ялѣ; три матроса, Ботвель, Розенбери и Тейлоръ, вызвались ѣхать добровольно. Они отправились ночью 3-го Сентября, а мы на вершинѣ острова развели большой огонь, долженствовавшій имъ служить путеводителемъ.

«Въ отсутствіе яла случилось у насъ горестное и несчастное приключеніе: тимерманъ порубилъ себѣ нечаянно ногу опаснымъ образомъ; кровь лилась изъ него ручьемъ, а по неимѣнію между нами лекаря, мы не знали что дѣлать; кровь удалось намъ остановить, но неизвѣстно было, какія отъ сего могли произойти слѣдствія. Происшествіе это напугало насъ до крайности; рана однако жъ скоро зажила.

«5-го и 6-го чиселъ погода стояла прекраснѣйшая; мы съ нетерпѣніемъ ожидали возвращенія яла, но не видавъ его до полудня 6-го числа, начали бояться, не случилось ли съ нимъ какого несчастія. Когда же мы стали обѣдать, то увидѣли двоихъ изъ нашихъ людей, которые опрометью бѣжали съ вершины острова, и кричали во все горло: «ялѣ

видѣнь, ялъ видѣть.» При сей новости мы и обѣдъ оставили, а бросились всѣ къ берегу встрѣчать его. Мы скоро увидѣли, что на ялѣ находился только одинъ человѣкъ, и съ великимъ усиленіемъ дѣйствовалъ двумя веслами. Тутъ начались догадки и заключенія, что могло бы случиться съ двумя нашими товарищами; но среди сихъ разсужденій, увидѣли мы, что другой человѣкъ поднялся изъ-подъ банокъ; тогда начались новые толки и предположенія. Наконецъ, пробывъ въ крайнемъ нетерпѣніи на берегу около часа, дождались прибытія яла. Два человѣка, на немъ возвратившіеся, были Розенбери и Тейлоръ. Вступивъ на берегъ они тотчасъ пали на колѣни и принесли Богу благодареніе за спасеніе свое. Сколь ни было бѣдственно положеніе наше на голомъ, уединенномъ, бесплодномъ камнѣ, но сравнивъ оное съ опасностями, кои испытали эти два человѣка, и оно казалось имъ завиднымъ. Таковъ-то міръ сей! Нѣтъ въ немъ ничего существеннаго: добро и зло мы познаемъ только по сравненію! Они были доведены до такой слабости, что сами идти не могли: мы должны были ихъ поддерживать.

«Коль скоро привели ихъ въ палатку, дали имъ свѣжей рыбы и воды, ибо они весьма долго терпѣли голодъ; а потомъ уложили ихъ спать. При семъ случаѣ сколь велико ни было наше любопытство и нетерпѣніе, но мы ни однимъ словомъ не хотѣли ихъ беспокоить. Когда же пища, питье и сонъ возвратили имъ силы, они подробно разсказали намъ обо всемъ съ ними случившемся.

«Въ третьемъ часу по полудни того самаго дня, когда они отправились съ острова, проѣхавъ на востокъ около шести лигъ, приблизились они къ мысу, выдававшемуся довольно далеко въ море, который казался имъ раздѣленнымъ надвое. Они надѣялись въ промежуткѣ сыскать удобную пристань, но вскорѣ увидѣли прямой сплошной берегъ, устѣянный подводными камнями, по коимъ ходилъ бурунъ. Когда приблизились они вплотъ къ берегу, то не примѣтивъ жигелей, рѣшились пристать къ нему; но лишь только ялъ успѣлъ войти между камней, какъ его опрокинуло сильнымъ буруномъ. При семъ случаѣ Ботвелъ уто-

нулъ, а прочіе два достигли берега съ большимъ трудомъ. Отдохнувъ нѣсколько времени, пошли они искать своего яла, который наконецъ удалось имъ найти; но онъ былъ опрокинутъ, и они ни какъ не могли поставить его прямо. Между тѣмъ наступила ночь, которую они принуждены были провести на пескѣ, накрывшись древесными вѣтвями, и находясь въ безпрестанномъ страхѣ, чтобъ не растерзали ихъ дикіе звѣри; притомъ и голодъ не мало ихъ беспокоилъ; ибо, кромѣ небольшого количества водки, они ничего съ яла не спасли. На разсвѣтѣ несчастные опять пошли къ своему ялу, но уже не могли найти его на прежнемъ мѣстѣ: его унесло волненіемъ.

«Идучи вдоль берега, увидѣли они человѣка и хотѣли съ нимъ объясниться, но онъ бросился отъ нихъ бѣжать и тотчасъ скрылся въ густомъ лѣсу, находившемся неподалеку отъ берега. Вскорѣ послѣ того нашли они тѣло товарища своего Ботвеля, которое было вытащено на берегъ и растерзано на части, повидимому хищными звѣрями. Зрѣлище это объяло ихъ чрезвычайнымъ ужасомъ. Наконецъ нашли они свой ялъ, и къ счастью, неповрежденнымъ. Боясь провести другую ночь на берегу, они вздумали тотчасъ отправиться въ обратный путь; но свѣжій западный вѣтеръ, при поворотѣ яла, бросилъ оный въ бурю и опрокинулъ, такъ, что они съ чрезвычайнымъ усиліемъ едва могли выйти на берегъ. Отъ голода и большихъ трудовъ они чувствовали непомѣрную слабость, и находясь въ семъ положеніи, увидѣли на одномъ деревѣ плоды, похожіе на яблоки; не зная ни свойства, ниже названія оныхъ, они утолили ими свой голодъ и такъ счастливо, что не имѣли отъ сего ни какихъ дурныхъ послѣдствій.

«Вытащивъ ялъ далѣе на берегъ, они легли подъ нимъ спать: онъ былъ обращенъ вверхъ дномъ и доставлялъ имъ безопасное убѣжище отъ хищныхъ звѣрей; но при всемъ томъ страхъ ихъ былъ столь великъ, что не смотря на чрезвычайную усталость, они не могли уснуть покойно, а за нѣсколько часовъ до разсвѣта сонъ оставилъ ихъ вовсе. Въ это время, выглядывая изъ-подъ борда, увидѣли они лапы животныхъ, ходившихъ подлѣ яла, и скоро раз-

смотрѣли, что около ихъ было нѣсколько тигровъ. Легко можно догадаться, что это посѣщеніе бѣднымъ странникамъ очень не понравилось: они притаили дыханіе и не смѣли пошевелиться, доколѣ звѣри не удалились. Когда же совсѣмъ разсвѣло, тогда увидѣли они человѣческія поги; это заставило ихъ выползти изъ-подъ яла, отъ котораго въ недалекомъ разстояніи стояли три мужчины и одинъ мальчикъ. Примѣтно было, что дикіе чрезвычайно перепугались увидѣвъ странниковъ; а когда, послѣ перваго удивленія пришли въ себя, то сдѣлали имъ знакъ, чтобъ они удалились. Наши хотѣли исполнить ихъ желаніе, но отъ усталости и боли во всѣхъ членахъ ни какъ не могли идти скоро.

«Отойдя нѣсколько сажень отъ яла, увидѣли они множество дикарей вооруженныхъ копьями, и шедшихъ прямо на нихъ. Тогда Розенбери сдѣлали весьма неблагоприятный поступокъ: схвативъ въ одну руку попавшуюся ему мачту, а въ другую пистолетъ, онъ сталъ въ оборонительное положеніе, принявъ грозный видъ, и хотѣлъ застрашать жителей и обратить ихъ въ бѣгство. Но угрозы нимало надъ ними не подѣйствовали: они окружили нашихъ и стали прицѣливать въ нихъ копья. Тейлоръ рѣшился получить пощаду покорностью, и упавъ на колѣни, самымъ унижительнымъ образомъ просилъ ихъ знаками о помилованіи. Дикіе бросились къ нему и начали его раздѣвать. Онъ допустилъ ихъ безъ сопротивленія снять съ него фуфайку, рубашку и чулки; но когда дошло дѣло до исподняго платья, то нѣсколько воспротивился и просилъ не оставлять его совсѣмъ нагаго: просьба его подѣйствовала. Между тѣмъ Розенбери пустился бѣжать къ морю и выплылъ на глубину. Дикіе показывали ему на Тейлора, выражая знаками, что они не сдѣлаютъ ему ни какого вреда и звали къ себѣ; но онъ, опасаясь, чтобъ они его не убили, не хотѣлъ ихъ слушать, и долго держался на водѣ. Наконецъ принужденъ былъ покориться: вышедъ изъ воды, онъ бросилъ къ нимъ пистолетъ и все свое платье, кромѣ рубашки, а потомъ отдался имъ и самъ. Они не причинили ему ни малѣйшаго насилія, а только

въ насмѣшку погрозили мачтою и пистолетомъ, подражая грознымъ его тѣлодвиженіямъ. Казалось, что они довольны были платьемъ, которое тотчасъ раздѣлили между собою.

«Потомъ дикіе начали обирать ялѣ: взяли съ него всѣ веревки, рулевые крючья и петли, и хотѣли было весь его ломать для полученія желѣза. Несчастные наши странники думали, что лишить ихъ яла, значило то же, что лишить жизни, а потому со слезами начали умолять дикихъ пощадить богъ. Они поняли просьбу и оставили судно, какъ нашли. Такое добродушіе жителей ободрило нашихъ, и они старались объяснить имъ, что они голодны. Дикіе тотчасъ ихъ выразумѣли, и давъ имъ нѣсколько кореньевъ, требовали, чтобъ они немедленно удалились отъ ихъ береговъ. Наши спустили богъ, сѣли въ него, но, по причинѣ крѣпкаго, противнаго вѣтра, ѣхать не могли. Жители, увидѣвъ, что желаніе чужеземцевъ было исполнить ихъ волю, но стихіи не позволяли, сами помогли имъ вытащить лодку на берегъ, опрокинули ее, и показавъ имъ, что они могутъ подъ нею отдыхать и оставаться на берегу сколько имъ угодно, удалились. На другой день погода сдѣлалась прекрасная, и вѣтеръ подулъ отъ востока; тогда наши страпники отправились въ путь, и съ превеликими трудами достигли наконецъ острова.

«Отъ сего времени до 28-го Сентября тимерманъ и кузнецъ непрерывно занимались строеніемъ бота, а мы съ неутомимымъ прилежаніемъ собирали по берегу всѣ обломки и другія корабельныя вещи, кои море временно выбрасывало. Труды наши были увѣчаны полнымъ успѣхомъ: мы набрали пужное количество такелажа и парусины для оснастки нашего бота, а также нѣсколько бочекъ прѣсной воды, которую отложили особенно для похода. Но 28-го Сентября открылось у насъ чрезвычайно непріятное происшествіе: день сей былъ воскресный, и мы, по обыкновенію, отправляли божественную молитву; по окончаніи оной офицеры увидѣли, что ящикъ съ деньгами былъ изломанъ и большая часть талеровъ похищена.

«Конечно, весьма странно покажется, чтобъ люди, отъ несчастія сдѣлавшіеся крайне набожными, могли въ то же

время быть ворами. Но удивленіе наше уменьшится, когда мы увидимъ, что съ потерей корабля (*), начальство капитана, подчиненность его подкомандующихъ и жалованье всего экипажа вообще прекращаются, и что все выброшенное отъ сокрушившагося корабля на берегъ считается общою собственностью спасшихся. И потому-то матросы, похитившіе деньги, думали, что они не учинили воровства, но взяли только часть, имъ принадлежащую, которой, они подозрѣвали, офицеры хотѣли лишить ихъ. Сей способъ самоуправства, офицеры, по благоразумію своему, оставили безъ изслѣдованія; ибо въ нашемъ положеніи розыски могли навлечь на всѣхъ насъ самыя пагубныя слѣдствія.

«Сначала, правда, по открытіи воровства мы хотѣли, чтобъ каждый изъ насъ принялъ и подписалъ присягу въ невинности; но большая часть отвергла эту мѣру, объявивъ, что она можетъ нѣкоторыхъ вовлечь въ клятвопреступники, а потому все это дѣло было предано суду Божию.

«6-го Октября мы были обрадованы находкою охотничьяго ружья; оно было немного повреждено, но кузнецъ могъ его исправить; ружье это принесло намъ не малую пользу, ибо прежде мы только палками били птицу, которыя 10-го Октября, послѣ долговременнаго отсутствія, опять появились на островѣ во множествѣ. Теперь онѣ начали класть яйца и снабжали насъ пищею до начала Января, а потомъ перестали.

«Въ Воскресенье, 19-го Октября, Гг. Кольетъ и Вебъ съ двумя матросами отваживались ѣхать на плоту ловить рыбу; но поднявшимся въ то время сильнымъ вѣтромъ бросило плотъ и разбило на отдѣльномъ камнѣ, на которомъ они спаслись кое-какъ. Жестокій вѣтеръ и волненіе не позволили отправить за ними яла, и они принуждены были провести ночь безъ пищи и покрова, между толчнями на голомъ камнѣ. Хотя положеніе ихъ было очень незавидно, однако жъ они имѣли причину оному радоваться

(*) Но только на ост-индскихъ и на купеческихъ корабляхъ, а не на военныхъ.

Прим. перев.

и благодарить Бога, что не унесло ихъ на плоту въ море. На другой день вѣтеръ утихъ, и мы перевезли ихъ на ботѣ въ два раза, а плотъ остался на камнѣ.

«Вскорѣ наступило дождливое время и доставило намъ случай сдѣлать хорошій запасъ прѣсной воды; но сухари, хотя были выдаваемы весьма скупо, почти всѣ вышли. Мы рѣшились употребить послѣднее средство: сдѣлать печь и наготовить сухарей изъ муки, которой въ разные времена собрали нѣсколько бочекъ. Успѣхъ превзошелъ наши ожиданія: выпеченные нами сухари были очень хороши. Водку мы перестали употреблять вовсе, и положили оставшееся у насъ небольшое количество отдать тимерману.

«Не взирая на всѣ сіи недостатки, Богъ былъ къ намъ столь милостивъ, что мы сохранили свое здоровье и силы, и наконецъ къ неизъяснимой нашей радости, 16-го Февраля 1756 года, спустили ботъ на воду, назвавъ оный *Благополучіе*; на другой день погрузили мы въ него всѣ наши запасы, а 18-го числа, послѣ пребыванія на семь голомъ, страшномъ камнѣ, продолжавшагося ровно семь мѣсяцевъ, отправились въ путь, наименовавъ оный *Птичимъ Островомъ*.

«Весь нашъ жизненный припасъ состоялъ въ двухъ бочкахъ и четырехъ анкеркахъ воды, двухъ живыхъ свиняхъ, въ бочекѣ масла; сухарей вмѣли мы по четыре фунта на каждого человѣка, и по фунту съ четвертью соленого мяса, почти совсѣмъ испортившагося.

«Во-второмъ часу пополудни 18-го Февраля снялись мы съ якоря. при легкомъ вѣтрѣ отъ запада, и направили путь къ нательскому берегу, съ намѣреніемъ войти въ рѣку Св. Люціи. Но будучи повсюду гонимы судьбою, мы боролись съ вѣтрами и теченіями въ продолженіе двадцати пяти дней, въ которые издержали весь свой запасъ. Положеніе наше дѣлалось часъ отъ часа хуже, и мы совершенно отчаялись дойти до желаемой пристани. Напослѣдокъ замѣтивъ, что теченіе безпрестанно увлекало насъ къ SW, хотя вѣтеръ постоянно дулъ отъ О, мы рѣшились плыть къ Мысу Доброй Надежды, и 2-го Марта спустились туда. На другой день настала мрачная погода, грозившая намъ бурюю.

«Признаки насъ не обманули: вѣтеръ, постепенно прибавляясь въ силѣ до 4-го числа, превратился въ ужасную бурю. Не смѣя переменить курса, мы правили на фордевиндъ подъ топселемъ, и во все это время не имѣли покоя ни днемъ, ни ночью, будучи принуждены неотлучно быть на своихъ мѣстахъ: ибо отъ самаго малѣйшей неосторожности или упущенія могло залить и потопить насъ волненіемъ. Такимъ образомъ мы неслись по волѣ вѣтра, доколѣ онъ не утихъ, что случилось 5-го числа; тогда и ясная погода настала; а 7-го числа едѣлась совершенная тишина; тогда мы, находясь только въ разстояніи около мили отъ матайскаго берега, стали на якорь.

«Вскорѣ потомъ увидѣли мы жителей, спускавшихся съ высотъ къ морскому берегу: вѣроятно они были привлечены любопытствомъ видѣть наше судно. Мы рѣшились открыть съ ними сообщеніе, и на сей конецъ отправили на яликѣ съ двумя гребцами одного офицерскаго слугу изъ негровъ, Томаса Арнольда, съ которымъ послали яштарное ожерелье въ подарокъ дикимъ. Когда яликъ приблизился къ берегу, Арнольдъ бросился въ воду и выплылъ, а ялъ возвратился на судно, тогда мы поплы на веслахъ вдоль берега съ намѣреніемъ сыскать удобное мѣсто, гдѣ можно было бы пристать безопасно. Въ то же время и Арнольдъ, въ сопровожденіи человѣкъ сорска дикихъ, шелъ по берегу за судномъ. Увидѣвъ довольно безопасную пристань, мы послали за Арнольдомъ ялъ. Онъ скоро возвратился и удовлетворилъ наше любопытство: жители сначала встрѣтили его съ нѣкоторою недовѣрчивостію; но когда онъ подарилъ ожерелье старѣйшему изъ нихъ, они сдѣлались ласковѣе, посадили его между собою, и спрашивали о нашихъ нуждахъ. Услышавъ, что мы имѣемъ недостатокъ въ пищѣ, они тотчасъ снабдили его индѣйскою пшеницей, плодами и прѣсною водою, и послали въ долины за баранами и быками. Онъ ихъ такъ полюбилъ, что просилъ позволенія опять ѣхать на берегъ; но какъ вѣтеръ дулъ отъ запада, то мы, не останавливаясь, плыли вдоль берега до 10-го Марта. Въ это время

вѣтеръ перемѣнился и сдѣлался отъ О, а потому мы стали на якорь въ полумилѣ отъ берега.

«Вечеромъ показалиcя жители и приглашали насъ къ себѣ, но прибой никакъ не позволялъ пристать. На другой день дикіе, пригнавъ къ берегу стадо быковъ и козъ, возобновили свое приглашеніе. Людямъ, отъ недостатка пищи доведеннымъ почти до послѣдней крайности, пріятно было видѣть сихъ животныхъ; но мы, подобно Танталу, должны были умирать съ голоду въ изобиліи, котораго не могли коснуться; въ такомъ неспособномъ положеніи мы находились до 14-го числа. Наконецъ два матроса стали просить позволенія ѣхать на берегъ, сказавъ, что они лучше хотятъ жить между дикими, нежели умереть съ голоду; ибо они два дня уже ничего не ѣли. Ихъ тотчасъ отправили на яликѣ, и они съ превеликимъ трудомъ достигли берега.

«Того же числа вечеромъ вѣтеръ былъ очень тихъ, и казалось, что онъ располагался перейти къ W, а это причинило намъ не малое безпокойство на счетъ уѣхавшихъ на берегъ нашихъ товарищей; ибо мы опасались, что вѣтеръ усилится и не позволитъ намъ простоять на якорѣ до утра; въ такомъ случаѣ мы должны были бы ихъ оставить. Во всю ночь мы дѣлали сигналы огнями, чтобъ привлечь ихъ къ берегу, доколѣ прибой еще не слишкомъ увеличился. Въ шесть часовъ утра они показалиcя на берегу, но уже поздно: не было ни какой возможности послать за ними. Мы знаками велѣли имъ итти за нами, а сами поставивъ парусъ, поплыли вдоль берега, выбирая мѣсто, гдѣ можно было бы пристать.

«Пройдя не болѣе двухъ лигъ, увидѣли мы очень безопасную пристань, у которой, на глубинѣ пяти сажень, стали на якорь, и послали ялѣ съ четырьмя гребцами на берегъ. Двое изъ нихъ должны были искать нашихъ товарищей, а двое промѣривать устье рѣки, предъ коимъ мы стояли. Часа чрезъ два мы увидѣли оставленныхъ на берегу людей, и они всѣ шестеро собрались, но не смѣли отвалить по причинѣ буруна.

«Ночь провели мы очень непріятно, безпокоясь объ

участи своихъ товарищей, а поутру, подпавъ якорь, подошли ближе къ берегу. Люди наши стояли подлѣ онаго, и не осмѣливались отвалить. Мы велѣли имъ немедленно возвратиться на судно, или увѣдомить насъ, можно ли войти въ рѣку; иначе не имѣя ниши, и не находя ни какихъ способовъ получить опую здѣсь, мы должны будемъ ихъ оставить. Угрозы подѣйствовали: два прежніе матроса, не взирая на сильный прибой, возвратились, и увѣдомили насъ, что дикіе обошлись съ нами по-дружески, дали имъ мяса, рыбы и молока, и отъ того мѣста, гдѣ они вышли на берегъ, проводили чрезъ горы сюда, и что глубина въ устьѣ была очень достаточна для нашего судна, а потому около двѣнадцатаго часа утра мы спялись съ якоря, и пошли въ рѣку за яломъ, который, идучи впереди, промѣривалъ. Но лишь приблизились мы къ бару, какъ находившіеся на немъ люди сдѣлали намъ знакъ, чтобъ мы не ходили далѣе; это заставило насъ тотчасъ отворотить и потомъ стать на якорь. Съ возвращеніемъ яла мы узнали, что глубина на барѣ была только восемь футовъ, слѣдственно для перехода чрезъ оный надлежало ждать прилива, который начался вскорѣ послѣ полуночи, а въ два часа мы вошли въ рѣку очень покойно и положили якорь на глубинѣ двухъ съ половиною сажень.

«Теперь главною нашей заботой было придумать средства, какъ получить отъ жителей съѣстные припасы и другія нужныя вещи: никто изъ насъ не зналъ какимъ образомъ производится европейскій торгъ на здѣшнихъ берегахъ. Совѣщаніе наше было непродолжительно; ибо мы имѣли весьма мало такихъ вещей, которыя могли промѣнять дикимъ: все онѣ состояли въ пуговицахъ, небольшомъ количествѣ бисера, гвоздяхъ и желѣзныхъ обручахъ. Изъ послѣднихъ надѣлали мы колець, какія дикіе обыкновенно носятъ на рукахъ и на ногахъ, и называютъ бангли. Образцы нашихъ товаровъ свезли мы на берегъ, показали жителямъ и изъяснили, чего намъ за это надобно. Они насъ поняли совершенно, и тотчасъ пригнали двухъ быковъ, которыхъ продали намъ за фунтъ мѣди и за двѣ или за три пуговицы того же металла. Въ каждомъ изъ

быковъ было вѣсу около шести вейтовъ (18 пудъ) и мясо ихъ имѣло пріятный вкусъ.

«Дикіе, казалось, были довольны этою торговлей, и общали пригнать болѣе скота. Они также продавали намъ молоко и весьма дешево: мы получали отъ нихъ за одну мѣдную пуговицу сосудъ, содержащій въ себѣ отъ тридцати до сорока бутылокъ. Мы купили у нихъ за бездѣлицу нѣсколько мѣръ хлѣба въ зернѣ, похожаго на гвинейскую пшеницу. Смоловъ оный между двумя камнями, мы наекли сухарей на угольяхъ и думали, что они долго сохранятся, однако жъ не такъ случилось: чрезъ три дня сухари наши стали плеснѣть. Но когда мы зерна эти варили съ мясомъ вмѣсто крупъ, тогда они имѣли вкусъ превосходный.

«Здѣсь пробыли мы около двухъ недѣль, и въ теченіе сего времени ходили въ селеніе дикихъ, находящееся въ разстояніи десяти или двѣнадцати миль отъ берега. Хижины ихъ сдѣланы изъ хвороста, и внутри весьма чисты. Мы часто въ нихъ почевали. Жители вообще обходились съ нами по-дружески, вмѣстѣ съ нами ѣдали и любили наши кушанья. Впрочемъ они всему предпочитали сырыя внутренности животныхъ. Иногда они пріѣзжали къ намъ на судно, и часто катались по рѣкѣ вмѣстѣ съ нами на лѣ. Они, кажется, совсѣмъ не знаютъ ревности, ибо, отправляясь на охоту, оставляли у насъ гостить по нѣскольку дней своихъ женъ, сестеръ и дочерей.

«Однажды мы чрезвычайно удивились, увидѣвъ между ими мальчика лѣтъ двѣнадцати, который былъ совсѣмъ бѣлый и имѣлъ всѣ черты лица европейскія, между тѣмъ какъ жители были совершенно черны и во всемъ походили на негровъ. Мы замѣтили, что мальчика сего употребляли они какъ слугу для посылокъ и не позволяли ему бѣть вмѣстѣ съ собою. Онъ обыкновенно бѣлъ послѣ ихъ, но получалъ равную съ ними долю. Люди эти жили между собою совершенно по-дружески: когда одному удавалось что нибудь получить, то если было можно, на всѣхъ дѣлили добычу поровну.

«Въ рѣкѣ водятся морскія коровы; онѣ обыкновенно

по ночамъ приплываютъ къ берегу, и питаются травою. Жители часто убивали ихъ сонныхъ, и мясо употребляли въ пищу. Они также имѣли много слоновой кости, и готовы были продать оную за бездѣлицу, но у насъ не было мѣста, куда грузить ее.

«Снабдивъ себя достаточнымъ количествомъ съѣстныхъ припасовъ, отправились мы въ дальнѣйшій путь въ пятомъ часу утра 29-го числа. Переходя чрезъ баръ встрѣтили мы такой сильный бурунъ, что онъ едва не залилъ нашего судна, и почти было бросилъ оное на камни. Вышедши изъ рѣки, мы стали править къ рѣкѣ Св. Люціи.

«6-го Апрѣля вошли мы въ желатную рѣку, не встрѣтивъ на пути ничего достопримѣчательнаго. Съѣхавъ на берегъ, мы тотчасъ увидѣли, что теперь должны будемъ имѣть дѣло съ народомъ весьма отличнымъ отъ того, который оставили. Здѣшніе дикіе, при первомъ нашемъ предложеніи о съѣстныхъ припасахъ, объявили, что они ничего за оныя не возьмутъ, кромѣ самого мелкаго бисера. Но когда мы показали имъ мѣдныя пуговицы, то они немедленно доставили намъ быковъ, птицъ, картофелю, тыквъ, и проч. Быковъ мы не могли купить, потому что дикіе просили за нихъ большихъ мѣдныхъ колецъ, годныхъ на ошейники, которыхъ у насъ не было; но птицъ и тыквы они продавали весьма дешево: за шесть куръ мы имъ платили лоскутъ холстины, стоящей въ Англіи не дороже четырехъ пенсовъ (сорока копѣекъ):

«Въ рѣкѣ Св. Люціи простояли мы три недѣли, ѣздили по окружнымъ селеніямъ, и старались намѣнять у дикихъ сколько возможно болѣе надобныхъ намъ припасовъ. Мѣдъ предпочитали они всѣмъ другимъ вещамъ: мы нашли случайно ручку сего металла отъ стараго комода и предложили имъ; они тотчасъ согласились дать намъ за нее нѣсколько быковъ, которыхъ въ то же время привгнали къ берегу. Дикари эти были весьма горды и не имѣли той простоты, которою отличался народъ, видѣнный нами прежде. Самый главный ихъ старшина, получивъ отъ насъ впередъ плату за ночлегъ, не постыдился украсть изъ корзины нѣсколько желѣзныхъ вещицъ, взятыхъ нами

на путевыя издержки. Находясь дня три между дикими въ ихъ жилищахъ, мы ни разу не могли ихъ уговорить, чтобъ они съ нами ѣли. Мы замѣтили, что они весьма опрятны и ревнивы до крайности.

«18-го числа, дождавшись благополучнаго вѣтра отъ W, снялись мы съ якоря въ семь часовъ утра, за четверть часа до полной воды. Но когда приблизились почти вплотъ къ бару, тогда нѣсколько человѣкъ изъ матросовъ осмѣлились, противъ воли офицеровъ, убрать паруса и стать на якорь на песчаной банкѣ, а потомъ девятiero изъ нихъ сѣли въ ялѣ и поѣхали на берегъ, объявивъ, что они лучше хотятъ жить съ дикими, чѣмъ утонуть, покушаясь перейти чрезъ баръ. Мы не знали на что рѣшиться, итти ли изъ рѣки, или возвратиться на прежнее мѣсто; но послѣдняго теперь предпринять было невозможно, ибо отливъ и вѣтеръ шли противъ насъ; на мѣстѣ оставаться также было опасно, потому что при убылой водѣ буруномъ разбило бы судно въ куски. Напослѣдокъ мы отважились сняться съ якоря, и пуститься чрезъ баръ; проходя онымъ, мы находились въ крайней опасности: на немъ воды было только восемь футовъ, а боть шель въ грузу на пять. Около получаса мы пребывали въ страхѣ, и жизнь наша, какъ говорится, висѣла на волоскѣ. Наконецъ вдругъ очутились мы на гладкой водѣ и на просторѣ, прошедъ баромъ безъ всякаго поврежденія. Мы стали править вдоль берега, по которому шли и оставившіе насъ матросы; многіе изъ нихъ были почти совсѣмъ безъ платья.

«20-го числа въ четыре часа пополудни пришли мы въ рѣку Делаго, и положили якорь на девяти саженьяхъ глубины. Здѣсь нашли мы споу (*) Розу, подъ начальствомъ Капитана Кандлера. Онъ покупалъ у жителей рогатый скотъ и слоновую кость. Мы просили его принять насъ на свое судно, и доставить въ Бомбей, куда ему надлежало итти.

(*) Snow — судно, имѣющее фокъ и гротъ-мачту; но вплоть за сею послѣднею стоитъ третья мачта, на которой поднимается большой парусъ, подобный бизани съ гикомъ.

Прим. перев.

«Черезъ три дня нашего здѣсь пребыванія, пріѣхали сюда на такой же лодкѣ, какія употребляются здѣшними жителями, трое изъ матросовъ, оставившихъ насъ въ рѣкѣ Св. Люціи. Отъ нихъ узнали мы, что остальные шесть человѣкъ находятся на другой сторонѣ залива Делаго, и просить прислать за ними гребное судно. Теперь наши офицеры думали, что лучшаго времени и удобнѣйшаго случая имъ уже не представится сохранить компанейскую выгоду. На сей конецъ Г. Джонсъ отправилъ четырехъ человѣкъ на берегъ за ихъ товарищами, двонхъ на сноу, а самъ, на вооруженной шлюпкѣ Капитана Кандлера, пріѣхавъ на ботъ, забралъ всѣ талеры, серебро и депеши, какія только найти могъ, и перевезъ на Розу, съ тѣмъ, чтобъ доставить оныя въ Мадрасъ. Бывшіе на ботѣ, опасаясь, чтобъ Г. Джонсъ еще разъ не вздумалъ ихъ наѣздить, ушли ночью въ море.

«25-го Мая Роза снялась съ якоря и отправилась къ острову Мадагаскару, чтобъ докончить тамъ нагрузку, прерванную въ Делаго ссорой съ жителями, которые, продавъ Капитану Кандлеру около ста головъ рогатаго скота, угнали оный назадъ. Въ тотъ же день увидѣли мы чужое судно, узнали, что это былъ нашъ ботъ, и догнали его. На немъ находились два человѣка, одинъ изъ нихъ былъ избавитель нашъ — тимерманъ. Онъ убѣдилъ капитана купить у него ботъ за 500 рупій (*), въ которыхъ и дано было ему тогда же обязательство. Изъ шести человѣкъ, пришедшихъ сухимъ путемъ съ рѣки Св. Люціи, трое померли, а двое были опасно больны отъ трудовъ и изнуренія, на пути ими претерпѣнныхъ. Послѣдніе также вскорѣ померли; 14-го Юнія оба судна прибыли къ острову Мадагаскару и остановились на якорѣ у мѣстечка *Морондова*, а 16-го числа туда же пришелъ корабль Карнарвонъ, подъ начальствомъ Капитана Гатчинсона: онъ шелъ изъ Европы въ Китай.

(*) Рупее — индѣйская монета цѣною около серебрянаго полтинника.

Прим. перев.

«Такъ какъ деньги и депеши назначены были въ Мадрасть, то Г. Джонсъ со всѣми нами перетѣхалъ на Карнарвонъ. 1-го Юля пошли мы изъ Морондова, а 1-го Августа пришли въ Мадрасть, гдѣ передали правительству какъ бумаги, такъ деньги и всѣ вещи, Компаніи принадлежашія.»

Опасное плаваніе Лорда Гатчинсона () на
Англійскомъ фрегатѣ Астрей, въ 1806 году.*

Опасное положеніе, въ которомъ находился и едва не погибъ Англійскій фрегатъ Астрея, описано въ слѣдующемъ письмѣ одного изъ офицеровъ сего фрегата, изъ Гельсинера отъ 1-го Декабря 1806 года:

«Совершивъ бѣдственное плаваніе, преисполненное ужасными происшествіями, превосходящими всякое описаніе, фрегатъ нашъ прибылъ наконецъ въ Гельсинеръ, со многими весьма опасными поврежденіями. Судя по позднему времени года, мы не имѣли причины жаловаться на дурныя погоды со дня отбытія нашего изъ Англіи до прошедшей Пятницы, въ которую пришли на видъ южнаго мыса Норвегіи, называемаго Дернеусомъ. Фрегатъ шелъ съ ровнымъ вѣтромъ вдоль берега, имѣя оный въ лѣвой рукѣ, по десяти миль въ часъ. На небѣ не было ни малѣйшихъ признаковъ крѣпкаго вѣтра, и мы были такъ покойны, какъ нельзя больше; но спокойствіе наше мгновенно нарушилось ужаснымъ порывомъ вѣтра, съ которымъ тотчасъ началась престогокая буря (**): свистъ и ревъ,

(*) Англійскій генераль, въ 1807 году находившійся при Россійскихъ войскахъ, во время похода ихъ противъ Наполеона, по особымъ порученіямъ своего правительства.

Прим. перев.

(**) У гористыхъ береговъ очень часто набѣгаютъ порывы, извѣстные иностраннымъ мореплавателямъ подъ именемъ *блывъзгъ шкваловъ*, когда на небѣ нѣтъ ни одного облака, а горы и горизонтъ совершенно чисты; но я думаю, весьма рѣдко случается, чтобъ не было признаковъ шквала, за которымъ немедленно должна послѣдовать буря. По крайней мѣрѣ я не помню, чтобъ мнѣ удавалось это испытать. *Прим. перев.*

поразившіе насъ при первомъ нашествіи оной, отзываются и теперь еще въ ушахъ моихъ. Свирѣпость бури простира-лась до невѣроятной степени: экипажу менѣе расторопному, не столь опытному и недоведенному до такого порядка и подчиненности, каковъ былъ нашъ, эта буря была бы па-губна; но искусство офицеровъ и быстрота матросовъ, при помощи Провилѣнія, спасли фрегатъ; однако жъ внезапное нашествіе шквала причинило большія поврежденія въ сна-стяхъ и парусахъ. Нѣсколько минутъ мы пребывали въ страхѣ, полагая, что насталъ конецъ нашей жизни, и что Астрей суждено погибнуть у береговъ норвежскихъ; но судьба сохранила насъ для испытанія новыхъ бѣдъ и опасностей.

«Съ большимъ трудомъ отдѣлались мы отъ подвѣтря-наго норвежскаго берега и взяли, какъ мы полагали, на-стоящій курсъ; но едва было не попали на скагенскій рифъ, всегда опасный и часто гибельный мореплавателямъ. При всемъ искусствѣ и дѣятельности капитана и офицеровъ, расторопности нижнихъ чиновъ, опытности штурмана и лоцмановъ, и съ помощью безпрестаннаго бросанія лота, миновали мы сей пагубный рифъ, и вошли въ Категатъ. Теперь надежда оживила насъ: менѣе было угрожавшихъ намъ опасностей, слѣдственно менѣе и страха; жестокій вѣтеръ и пронзительный холодъ ничего не значили противъ опасностей, коихъ мы избѣжали. Хотя мы принимали всѣ прежнія осторожности, но лоцманъ казался покойнымъ, а глядя на него и мы ничего не боялись, и фрегатъ имѣлъ большой ходъ; но вдругъ въ минуты полнои нашей увѣ-ренности въ безопасность, онъ сталъ на мель, а на какую, мы точно тогда не знали, но думали на такъ названную Новыя Опасности, находящуюся въ трехъ миляхъ отъ острова Анголта и въ девяти отъ ближайшаго матераго берега. Не легко описать наше положеніе и чувствованія въ сіи минуты. Мы тотчасъ подняли сигналъ бѣдствія и начали палить изъ пушекъ, по все понапрасну. Съ берега никто не ѣхалъ къ намъ на помощь, также и многія суда, мимо насъ шедшія не обращали на насъ никакого внима-нія: казалось, экипажи ихъ были столь же безчувственны, какъ камни, на которыхъ мы стояли.

«Между тѣмъ мы употребили всѣ зависящія отъ насъ средства для спасенія фрегата. Капитанъ, весьма искусный, опытный мореходецъ, дѣйствовалъ съ примѣрнымъ безстрашіемъ и присутствіемъ духа. Онъ приказалъ срубить гротъ и бизань-мачты, и бросить пушки, тяжелые сваряды и часть съѣстныхъ припасовъ за бортъ. Не взирая однако жъ на эти мѣры, фрегатъ продолжалъ крѣпко биться на каменьяхъ, и въ подводной части открылась столь сильная течь, что никто изъ насъ не надѣялся спастись. Въ эти бѣдственныя, ужасныя минуты, экипажъ оказалъ такое хладнокровіе и порядокъ, какія можно только видѣть въ подобныхъ случаяхъ на великобританскихъ военныхъ корабляхъ (*): всѣ, до послѣдняго человѣка, вели себя съ примѣрною твердостью духа. Хотя носившаяся надъ головами нашими смерть и должна бы поравнять всѣхъ насъ во взаимномъ другъ къ другу отношеніи, но подчиненность отнюдь не ослабѣвала: только и слышны были по всему фрегату повелительные голоса капитана и офицеровъ, которыми нижніе чины повиновались съ охотою и покорностью, ни у одного человѣка не было на лицѣ признаковъ боязни, а и того менѣе отчаянія. Почти сверхъ-естественное усиліе экипажа, дѣйствовавшаго безпрестанно всѣми помпами и другими средствами выливавшаго воду изъ трюма, сохранило фрегатъ отъ потопленія; и въ самое то время, когда мы напрягали всѣ свои силы выливать воду, вдругъ, къ величайшему нашему удивленію и, можно также сказать ужасу, онъ всплылъ и сошелъ на глубину!

«Представьте себѣ наше положеніе: фрегатъ, облегченный даже до того, что часть балласта была выброшена за бортъ, съ одною фокъ-мачтою и съ течью въ подводной части, требующею дѣйствія всѣхъ помпъ и усилія цѣлаго экипажа, чтобъ только онъ не налилсѣ водою! Вотъ въ какомъ отчаянномъ состояніи мы находились! Но оно до-

(*) Въ четвертой части, содержащей въ себѣ кораблекрушенія, претерпѣнныя русскими мореплавателями, находятся нѣсколько примѣровъ рѣдкой и, можно сказать, необыкновенной твердости духа и благоразумія.

Прим. перев.

ставило случай нашему капитану и офицерамъ показать блистательнымъ образомъ свое искусство и неустранимость: въ самое короткое время, даже почти до невѣроятности, мы поставили и вооружили фальшивыя гротъ и бизань-мачты, хотя могли для сей работы отдѣлить отъ помпъ весьма небольшое число людей, и какъ вѣтеръ былъ намъ благополучный, то мы, простившись съ рифомъ, едва насъ непогубившимъ, стали править къ Гельсинеру, куда и прибыли сего числа, измучившись до смерти.

«Во все время нашего бѣдствія Лордъ Гатчинсонъ и свита его пебыли праздными свидѣтелями нашихъ трудовъ. Хотя сей роля опасности былъ еще для нихъ совершенно новый, но они взирали на нее столь же равнодушно, какъ и всѣ прочіе, и тогда, когда уже мы всѣ отчаялись въ спасеніи. Если бъ наши матросы не видали примѣра твердости въ своемъ капитанѣ и офицерахъ, то поступки Лорда Гатчинсона могли бы служить имъ ободреніемъ. Милордъ сохранилъ вполне присутствіе духа и былъ еще въ состояніи предложить капитану нѣкоторые полезные совѣты. Жаль только, что онъ въ эти бѣдственные дни разстроилъ свое здоровье, и поѣхалъ отъ насъ на берегъ больнымъ.»

Гибель англійскаго фрегата Астрея, разби- шагося въ 1808 году, на островъ Анагадъ.

Англійскій фрегатъ Астрея, тотъ самый, о бѣдствіяхъ котораго было сказано въ предвѣдущемъ примѣрѣ, отправился изъ Ямайки въ первыхъ числахъ Мая, вмѣстѣ съ пакетботомъ Принцъ Эрнестъ, котораго онъ конвоировалъ до извѣстной широты, а потомъ пошелъ къ проливу Моны, гдѣ ему предписано было крейсировать въ теченіе опредѣленнаго времени. По причинѣ пасмурной погоды, экипажъ нѣсколько дней не могъ опредѣлить своего мѣста астрономическими наблюденіями, и когда, 23-го числа, увидѣли они берегъ, то, основываясь на счисленіи, приняли оный за островъ Порто-Рико, къ которому держали до осьми ча-

совъ того вечера. Въ это время вѣтеръ началъ дуть порывами, и фрегатъ сталъ поворачивать; но при самомъ поворотѣ сталъ на мель и тотчасъ повалился на бокъ; тогда вода съ великимъ стремленіемъ полилась чрезъ бортъ и въ нѣсколько часовъ наполнила его по самый орлопъ-декъ.

Командиръ фрегата, Капитанъ Гейвудъ, въ самую ту минуту, какъ онъ сталъ на мель, началъ употреблять всѣ средства, при усерднѣйшемъ содѣйствіи офицеровъ и нижнихъ чиновъ, спасти его, но безъ всякаго успѣха. Немедленно срублены были мачты и употреблены другіе способы облегчить фрегатъ, однако жъ ничто не помогло, и капитанъ скоро увѣрился въ невозможности снять его съ мели; надлежало только думать о спасеніи людей. Въ этомъ предпріятіи онъ былъ счастливѣе, ибо изъ всего экипажа только четыре человѣка лишились жизни: двое убиты кусками пушки, разорванной при сигнальномъ выстрѣлѣ (*), а двое потонули въ бурунахъ, покушаясь достичь берега на плоту. Нижніе чины не прежде переѣхали на берегъ, какъ уже по разсвѣтѣ, а капитанъ и офицеры около захожденія солнца того же дня. Тутъ въ первый разъ они узнали ошибку въ своемъ счисленіи, ибо берегъ, доселѣ принимаемый ими за Порто-Рико, былъ островъ Анагада, на одномъ изъ рифовъ коего погибъ ихъ фрегатъ. Счастливы они были тѣмъ, что уцѣлѣли гребныя суда, посредствомъ коней, съ помощію плотовъ, спасено столь много полезныхъ отечеству людей. На другой день пришелъ на видъ острова военный шлюпъ С. Китсъ, который, забравъ къ себѣ всѣхъ спасшихся, встрѣтилъ вскорѣ фрегаты Ясона, Галатею и Фана, по коимъ размѣстился весь

(*) Пушку отъ холостого заряда не иначе можетъ разорвать, какъ чрезъ мѣру большимъ зарядомъ пороха, который, вѣроятно, при семъ случаѣ былъ въ нее положенъ въ замѣшательствѣ. Это показываетъ, что не во всѣхъ же частяхъ былъ соблюденъ должный порядокъ, который наиболѣе, при опасныхъ случаяхъ, состоятъ въ приличномъ распредѣленіи офицеровъ, т. е. чтобъ безъ офицерскаго надзора не производилась ни какая работа, и ни одна часть не оставалась безъ наблюденія.

экипажъ Астреи. Два изъ сихъ судовъ отправились къ острову Анагадѣ, и спасли съ потеряннаго фрегата все, что только было можно.

Крушеніе американскаго корабля Цвѣтущей Розы, погибшаго на берегахъ Южной Каролины, въ Августъ 1806 года.

Со времени гибели англійскаго остъ-индскаго корабля Гальсвеля, жестокая участь коего передана потомству безсмертнымъ перомъ лучшихъ нашихъ писателей и кистію первѣйшихъ художниковъ, не случалось ни одного кораблекрушенія, которое сопровождалось бы столь пагубными, сердце человеческое раздирающими происшествіями, какъ разбитіе американскаго корабля *Цвѣтущей Розы*.

Корабль сей отправился изъ Чарлстона, что въ Америкѣ, 16-го Августа 1806 года, при вѣтрѣ отъ SW, который дулъ до 19-го числа, а потомъ перешелъ къ О, и хотя былъ не слишкомъ крѣпокъ, но произвелъ большое волненіе. Вѣтеръ этотъ въ одинаковой силѣ продолжался трое сутокъ; потомъ, поутру 22-го числа, показались признаки наступающей бури, которая съ полудня дѣйствительно начала свирѣпствовать съ такимъ ужаснымъ громомъ и молніею, какихъ самые старые жители Южной Каролины, бывшіе тогда на кораблѣ, не запомнятъ. Жестокость грозы устрашала даже опытнѣйшихъ изъ мореходцевъ, которымъ воображеніе ихъ представило, что они вокругъ корабля своего чувствуютъ сѣрный запахъ. Около четырехъ часовъ пополудни стало было прочищаться, но вечеромъ буря опять начала свирѣпствовать ужаснѣйшимъ образомъ съ проливнымъ дождемъ, и непрерывно продолжалась всю ночь. 23-го числа жестокой штормъ и чрезвычайно большое волненіе заставили капитана привести къ вѣтру. Онъ хотѣлъ лечь въ дрейфъ подъ гротъ-марселемъ, но парусъ сей въ бейдевиндѣ не выдержалъ и полчаса: его изорвало въ куски. Тогда подняли штормовой стаксель, отъ котораго около полуночи также не осталось ни одного

лоскутка. Въ это время капитанъ началъ бояться, чтобъ сильнымъ НО вѣтромъ не прижало корабля къ мелямъ; для отвращенія этого поставилъ совѣмъ зарифленый фокъ, въ надеждѣ мнповать подвѣтренный берегъ. Подъ симъ парусомъ шелъ онъ до десятаго часа утра 24-го числа, не предвидя ни какой опасности; но въ половинѣ десятаго, ужаснымъ порывомъ вѣтра положило корабль на бокъ, и какъ люки, къ несчастію, не были прибиты гвоздями, то ихъ тотчасъ сорвало волнсіемъ, и въ трюмъ полилась вода рѣкою, а каюта немедленно наполнилась сквозь люкъ, которымъ былъ входъ въ нее. Находившіеся въ ней пассажиры, съ невѣроятнымъ присутствіемъ духа, будучи движимы притомъ естественнымъ побужденіемъ спасти жизнь свою, выбрались наверхъ сквозь люкъ, сдѣланный для свѣта. Въ числѣ первыхъ изъ нихъ была дѣвица МакФерзенъ, которая, съ помощію Г. Ратледжа, удивительнымъ образомъ спаслась изъ каюты. Корабль между тѣмъ лежалъ на боку, и всѣ, вышедшіе изъ люковъ, находились на мачтахъ и снастяхъ. Для спасенія корабля оставалось только одно средство: срубить мачты; но экипажъ въ это время не могъ найти топоровъ и большихъ такелажныхъ ножей (*). Нѣсколько человекъ однако жъ, которые были смѣлѣе и расторопнѣе другихъ, добрались по вантамъ до навѣтренныхъ русленей, и помощію обыкновенныхъ ножей перерѣзали талрепы; тогда всѣ мачты вдругъ упали за бордъ, и корабль началъ подниматься, только весьма медленно. Грузъ его состоялъ въ хлопчатой бумагѣ, и потому онъ былъ столь легокъ, что могъ еще держаться на водѣ, хотя верхняя палуба была немного выше поверхности моря, и волненіе безпрестанно ходило чрезъ нее, унося съ собою все, что ни попадалось.

(*) На многихъ англійскихъ и американскихъ корабляхъ, для рубленія снастей во время бѣдствій и проч., бываютъ большіе, тяжелые ножи, сдѣланные наподобіе бритвъ. Къ череньямъ ихъ привязываются петли, которыя матросы надѣваютъ на руки, чтобъ во время работы ножъ не упалъ въ воду.

Теперь участь оставшихся въ живыхъ завистѣла отъ цѣлости, почти можно сказать, утопающаго корабля. Изъ пассажировъ многіе погибли уже при нашествіи роковаго шквала. Генераль Макферзенъ, помышляя единственно о спасеніи своей дочери, съ самой той минуты, какъ корабль легъ на бокъ, безпрестанно кричалъ: «Спасите дочь мою! умоляю васъ, спасите дочь мою!» Но самъ, желая найти ее, не остерегся и унесенъ былъ волною въ море. Другой пассажиръ, Г. Бутъ, былъ свидѣтелемъ смерти супруги своей и дитяти. Въ то самое время, когда корабль положило на бокъ, они всѣ трое лежали въ большой каютѣ; Г. Бутъ увидѣвъ, что вода въ люки лилась съ большимъ стремленіемъ, вышибъ одинъ изъ заднихъ навѣтренныхъ щитовъ, чтобъ кормовымъ окномъ вылѣзть на верхъ. Схватившись другъ за друга, они уже выбрались на ютъ, но ударившій въ корму валь сорвалъ ихъ съ мѣста и разлучилъ. Г. Бутъ съ великимъ усиліемъ добрался до крѣпости марса, откуда видѣлъ свою супругу, какъ она ухватилась за бизань-ру, и какъ послѣ, оторвавшись, исчезла въ волнахъ. Бѣдный дитя, послѣ слабаго, четверть минуты не продолжавшагося сопротивленія, также погрузился въ морскую бездну въ глазахъ своего родителя. Всѣ тѣ, которыхъ не потопило въ каютахъ и не унесло въ море, собрались теперь на ютъ и привязались веревками къ навѣтренному планширу. Они были почти безъ платья, и не имѣли ни пищи, ни питья; притомъ и погода была чрезвычайно холодная; четверо изъ нихъ отъ холода, ушибовъ и трудовъ померли послѣ полудня того же числа. Сколь ни было отчаянно и безнадежно это положеніе, однако жъ офицеры не потерялись: они приняи всѣ по обстоятельствамъ возможныя мѣры спасти экипажъ. Во-первыхъ запретили они говорить что-либо, служащее къ увеличенію ихъ отчаянія, и приказали всѣмъ лечь другъ на друга въ три ряда, перемѣняясь чрезъ извѣстное время, чтобы по очереди находящіеся въ среднемъ ряду могли согрѣваться. Въ такомъ бѣдственномъ состояніи провели всю ночь. Около полуночи вѣтеръ отошелъ къ NW, сдѣлался умѣреннѣе, волненіе очень уменьшилось и погода настала

ясная. Около трехъ часовъ утра обрадованы они были появленіемъ вдали огня. Матросы утверждали, что это долженъ быть корабельный огонь, который понемногу увеличивался и постепенно поднимался отъ горизонта: вскорѣ разсмотрѣли они съ горестію, что мнимый ихъ огонь былъ не иное что, какъ утренняя звѣзда (Венера).

На разсвѣтъ 25-го числа буря совершенно утихла, и жаръ сдѣлался почти столь же нестерпимъ, сколько прежде былъ холодъ. Въ это время начали выплывать изъ трюма мѣшки съ хлопчатого бумагой, а между ими попался вынесенный водою изъ каюты большой сундукъ, въ которомъ находился мѣшокъ сухарей. Сухари эти хотя были превращены уже въ соленое тѣсто, но несчастные мореходцы были до чрезвычайности обрадованы находкою: они рѣшились сохранить этотъ запасъ сколько возможно долѣе, и опредѣлили выдавать по такимъ порціямъ, чтобъ только не умереть съ голоду.

Черезъ часъ по восхожденіи солнца появилось судно въ виду сихъ несчастныхъ къ SW. Сначала имъ показалось, что оно шло прямо къ нимъ, а потомъ перемѣнило курсъ; но это происходило отъ тишины, не позволявшей править рулемъ. Страшась, что судно ихъ не увидитъ и при наступленіи вѣтра удалится, бѣдствующіе склонили, общаніемъ большихъ наградъ, двухъ матросовъ сѣсть на какое либо рангоутное дерево и посредствомъ гребковъ бѣжать на то судно. Въ восемь часовъ утра, когда эти смѣльчаки съ превеликими трудами и опасностью приблизились къ судну, экипажъ увидѣлъ ихъ и затонувшій корабль, и тотчасъ къ нимъ спустился. Это былъ англійскій бригъ Свифтъ изъ Порта Св. Іоанна: командиръ онаго, Ирландецъ, по имени Фелланъ, показалъ при семъ случаѣ примѣрное человеколюбіе, приносящее ему великую честь, и сродное всѣмъ его соотечественникамъ. Онъ тотчасъ спустился къ бѣдствующимъ, и послалъ за ними барказъ, а въ то же время отправилъ ялъ взять двухъ человѣкъ, плившихъ на деревѣ. Вскорѣ всѣхъ ихъ привезли на бригъ благополучно. Капитанъ Фелланъ, между тѣмъ, оставался подлѣ корабля до самаго вечера, и послалъ на опый своихъ лю-

дей съ приказаніемъ прорубить въ бордѣ противъ каюты диру, помощью коей водолазы достали нѣсколько сундуковъ съ платьемъ, помогшимъ спасшимся порядочно одѣться. Но это еще не все: этотъ человѣколюбивый и сострадательный мореходецъ не удовольствовался однимъ добромъ, когда онъ могъ сдѣлать многія. Къ незабвенной его славы да будетъ сказано, что онъ самъ ходилъ за больными и кормилъ ихъ, старался подкрѣпить силы слабыхъ, и роздалъ какъ все свое бѣлье и постели, такъ и одѣяла своего экипажа, спасеннымъ имъ мореплавателямъ. Короче сказать, онъ сдѣлалъ все для ихъ исцѣленія и спокойствія, а всего важнѣе было согласіе его, безъ малѣйшихъ отговорокъ данное, своротить съ прямого пути, и отвезти ихъ въ Новый Іоркъ, куда онъ ихъ и доставилъ.

Спасенные имъ написали къ нему благодарственное письмо и просили принять сто гиней, какъ малый знакъ ихъ признательности за великую помощь имъ оказанную; но капитанъ отклонилъ сей подарокъ съ скромностью и добросердечіемъ, какія свойственны только великимъ душамъ.

Разбитіе англійскаго фрегата Бланша, на французскихъ берегахъ, 9-го Марта 1807 года. Описано бывшихъ командиромъ онаго, Капитаномъ Сиромъ Томасомъ Леви.

Англійскій фрегатъ Бланшъ, подъ начальствомъ Капитана Сира Томаса Леви, пошелъ изъ Портсмута 3-го Марта 1807 года, а ночью въ два часа увидѣлъ Портландскій маякъ въ разстояніи около четырехъ лигъ; тогда сталъ править на W и продолжалъ плыть симъ курсомъ до осьми часовъ, потомъ перемѣнилъ курсъ на WSW $\frac{1}{2}$ W.

Въ это время поднялся весьма крѣпкій вѣтеръ, который принудилъ фрегатъ, бывшій подъ всеми парусами, убрать ихъ, остаться подъ зарифлеными форъ и гротъ-марселемъ, и спустить брамъ-реи впизъ. Тогда островъ Уэссанъ, по численію, отстоялъ на SSW $\frac{1}{2}$ W въ шестнадцати лигахъ.

Вечеромъ капитанъ оставилъ на шканцахъ письменное приказаніе (*), прошедши вышепомянутымъ курсомъ десять лигъ, привести бейдевиндъ къ N: вѣтеръ тогда былъ ОНО, и капитанъ думалъ, что здѣсь онъ можетъ поутру соединиться съ эскадрою Адмирала Сомареца, къ которой принадлежалъ его фрегатъ.

Въ одиннадцатъ часовъ ночи Лейтенантъ Априсъ донесъ капитану, что вѣтеръ сталъ усиливаться, и получилъ повелѣніе взять фокъ на гитовы и лечь въ дрейфъ правымъ галсомъ. Лейтенантъ не вышелъ еще изъ каюты (**), какъ фрегатъ ударился на камень, и тотчасъ очутился опять на глубинѣ. Въ одну минуту офицеры и нижніе чины выбѣжали наверхъ, взяли всѣ паруса на гитовы, и бросили два якоря, на которыхъ фрегатъ нѣсколько минутъ удержался, а потомъ канаты подорвало и его бросило на камень.

(*) На англійскихъ военныхъ корабляхъ есть обыкновеніе, во всѣхъ важныхъ случаяхъ, капитанскія приказанія, съ вечера для исполненія во время ночи отдаваемые, записывать въ книгу, имѣющуюся нарочно для сего у капитана; каждый вечеръ съ приказами за своей подписью онъ ее высылаетъ на шканцы, а поутру она къ нему опять доставляется. Эта предосторожность весьма хороша и можетъ только не понравиться лѣнливымъ офицерамъ, которые имѣютъ привычку забывать приказы, и послѣ отпираться, говоря, что они ихъ не слышали или не такъ поняли.

Прим. перев

(**) Очень странно, что въ такомъ исправномъ, до совершенства почти доведенномъ флотѣ, каковъ англійскій, по сіе время существуетъ вредное для службы обыкновеніе, что командующіе вахтами лейтенанты сами ходятъ съ докладами къ капитану, между тѣмъ какъ обязанности вахтеннаго лейтенанта таковы, что онъ ни на минуту, ни къ какомъ случаѣ не долженъ оставлять шканецъ. Въ службу мою въ Англійскомъ Флотѣ, я иногда говорилъ откровенно на сей счетъ со многими ихъ капитанами, и они сами согласны были, что это обыкновеніе вредно; но какъ оно существуетъ съ давнихъ временъ, то теперь уже вошло въ законъ, и отмѣнить оное не иначе можно, какъ *актомъ* вдругъ по всему флоту.

Прим. перев.

Ночь была чрезвычайно темная, и погода стояла холодная. Экипажъ никакъ не могъ разсмотрѣть, отдѣлены ли камни, на коихъ стоялъ фрегатъ отъ матерого берега, или находились съ нимъ въ соединеніи: къ счастью послѣ открылось, что они были соединены. Капитанъ тотчасъ приказалъ срубить мачты, и убѣждалъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ ни подъ какимъ видомъ не оставлять фрегата до послѣдней крайности. Не взирая на это, нѣсколько матросовъ хотѣли спастись на гребныхъ судахъ, вистѣвшихъ на бизань боканцахъ; но лишь только они спустили эти суда на воду, какъ ихъ въ ту же минуту разбило въ куски, и ослушники наказаны были за свою дерзость смертію. Фрегатъ сталъ на мель, когда вода шла на прибывъ, и потому сначала онъ стоялъ покойно; но когда начался отливъ, и вода стала убывать, пошли страшные буруны, которыми било, ломало и заливало его ужаснымъ образомъ.

Капитанъ находился у штурвала доколѣ фрегатъ не переломился надвое посреднѣ; тогда валомъ бросило его подъ вѣтеръ въ море; но матросы тотчасъ его схватили и вытащили на возвышенный бортъ. Ему весьма пріятно было видѣть, съ какимъ почтеніемъ и вниманіемъ обходились съ нимъ его подчиненные: они поступали съ нимъ какъ бы съ отцемъ своимъ.

Около трехъ часовъ пребывали они въ крайне опасномъ положеніи; наконецъ вода столько убыла, что они имѣли возможность выбраться на берегъ. Предпріятіе ихъ увѣчалось успѣхомъ: выключая небольшое число нижнихъ чиновъ, весь экипажъ вышелъ благополучно и собрался на высокомъ камнѣ, гдѣ матросы, въ память погибшаго своего фрегата, прокричали три раза: ура! На разсвѣтѣ не было видно и признаковъ, чтобъ тутъ за нѣсколько часовъ до того стоялъ большой фрегатъ: такъ чисто прибрало все его члены волненіемъ!

Ни офицеры, ни матросы ничего не могли спасти, кромѣ кое-какого платья, въ-торопяхъ на себя накинутого, а потому на берегу представляли они самую бѣдную и довольно странную наружность. Ни какихъ вещей съ фре-

гата не было выброшено на берегъ волненіемъ, кромѣ одной бочки рому, которую, по отбытіи капитана въ со-
сѣдственную хижину, нѣкоторые невоздержные люди от-
купорили и перепились; отчего около пятнадцати человѣкъ
лишились жизни.

Кораблекрушеніе случилось на ужасномъ, едва приступ-
номъ берегу, въ тридцати миляхъ отъ Бреста, куда Фран-
цузы отвели ихъ, и обходились съ ними весьма хорошо.
Капитана Главнокомандующій Генераль Кафарелли принялъ
въ свой домъ, а всѣхъ прочихъ размѣстилъ въ зданіяхъ,
принадлежащихъ морскому госпиталю.

Погибло сорокъ пять человѣкъ нижнихъ чиновъ, въ
числѣ коихъ двадцать были морскіе солдаты, да сверхъ
того умеръ отъ страха одинъ пассажиръ, Г. Гудю.

***Крушеніе Англійскаго Остъ-Индскаго корабля
Фаттисалама, погибшаго 28-го Августа 1761
года на Коромандельскомъ Берегу.***

Слѣдующее описаніе крушенія корабля Фаттисалама
взято изъ донесенія пѣхотнаго капитана Г. Керней, быв-
шаго тогда въ плѣну у Англичанъ, къ Генераль-Лейте-
нанту Графу д'Эстенгу, главнокомандующему французскихъ
войскъ, въ Восточной Индіи находившихся.

«Спустя нѣсколько дней по отбытіи нашемъ изъ Индіи,
говоритъ Г. Керней, я былъ взятъ въ плѣнъ Англичанами
въ сраженіи при крѣпостцѣ Вандевати, находящейся между
Мадрасомъ и Пондишери. Побѣдители обходились со мною
чрезвычайно хорошо, и даже употребляли всѣ средства
отыскать мое имущество, котораго я совершенно лишился:
сипои ограбили меня почти съ ногъ до головы. Вамъ из-
вѣстно безпутное это ополченіе, которое никакъ не пони-
маетъ, что можно быть человѣколюбивымъ къ побѣжден-
ному непріятелю.

«Однажды я ночевалъ въ англійскомъ лагерѣ, гдѣ Пол-
ковникъ Каліотъ принялъ меня отменно хорошо. На дру-

гой день дано мнѣ было позволеніе, на честное слово, отправиться въ Пондишери. Тамъ жилъ я нѣсколько мѣсяцевъ и старался о своемъ размѣнѣ, доколѣ мѣсто это не было осаждено Англичанами, которые требовали, чтобъ я и всѣ другіе плѣнные, отпущенные на пароль, немедленно отправились въ Мадрасъ. Въ этомъ городѣ нашелъ я почти двѣ трети офицеровъ Королевской Арміи, взятыхъ въ плѣнъ при разныхъ случаяхъ. Я находился тогда въ Мадрасѣ, когда Англичане, покоривъ Пондишери, рѣшились послать всѣхъ французскихъ офицеровъ въ Англію. Лордъ Пиготъ, Губернаторъ Мадраса, по благосклонности своей, предоставилъ мнѣ выборъ пути, которымъ я желаю быть туда отправленъ. Я просилъ послать меня чрезъ Бенгалъ: путь этотъ избралъ я потому, что милордъ обѣщался доставить мнѣ выгодное мѣсто на кораблѣ Гаукѣ. Никогда не забуду благодареній и вниманія, оказанныхъ мнѣ симъ достойнымъ человекомъ. Однако жъ я не могъ отправиться на Гаукѣ, ибо не успѣлъ прежде его отбытія окончить всѣ дѣла мои, и потому мнѣ надлежало застать оный въ Бенгалѣ, куда почти каждую недѣлю отходили корабли изъ Мадраса.

«Первый корабль, который туда отправился, былъ Фаттисаламъ; онъ построенъ въ Бомбей, и нигдѣ кромѣ Индѣйскаго Моря не плавалъ. Корабль этотъ назначенъ былъ отвезти въ Бенгалъ военные снаряды, взятые у Французовъ и около пяти сотъ солдатъ, которые послѣ покоренія Пондишери были здѣсь уже неужны.

«26-Августа 1761 года вступилъ я на сей несчастный корабль, и въ тотъ же день отправились мы въ путь; а 28-го числа въ одиннадцатомъ часу утра, корабельный командиръ сказалъ за тайну начальнику отряда войскъ, Маіору Гордону, что въ трюмѣ было семь футовъ воды, что, не взирая на усилія экипажа отливать оную, течъ увеличивается, и что, по его мнѣнію, корабль и двухъ часовъ не можетъ удержаться на водѣ.

«Между тѣмъ, экипажъ, для облегченія корабля, бросалъ за бортъ разныя тяжести въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ. Во все это время я не спускалъ глазъ съ капитана, наблюдая всѣ его поступки и движенія. Примѣтивъ, что

онъ съ видомъ ужаса и отчаянія сказалъ что-то маіору, я подошелъ къ нимъ и спросилъ потихоньку на-англійскомъ языкѣ о причинѣ такого необыкновеннаго страха. Тогда Гордонъ дрожащимъ голосомъ пересказалъ мнѣ все, что онъ слышалъ отъ капитана. Я былъ сильно пораженъ такою ужасною вѣстію, однако жъ не потерялъ присутствія духа, и тотчасъ рѣшился самъ про себя какъ мнѣ поступить. На сей конецъ, не теряя времени въ пустыхъ разсужденіяхъ, я прямо спросилъ капитана, нельзя ли намъ овладѣть шлюпкою, находившеюся за кормою, въ которой были посажены свиньи. Онъ отвѣчалъ мнѣ съ видомъ крайняго отчаянія, прерывающимся, плачевнымъ тономъ, что при такомъ множествѣ матросовъ и солдатъ этого исполнить невозможно; притомъ, если бъ и удалось, то шлюпка спасти насъ не въ состояніи, а лишь продолжить, можетъ быть, мучительную жизнь нашу нѣсколько часовъ долѣе, нежели какъ тогда, когда бы мы оставались на кораблѣ. Изъ сего отвѣта я тотчасъ понялъ, что на робкаго капитана нашего нельзя никакъ надѣяться, и потому сказалъ ему, что каково бы ни было его мнѣніе, а я намѣренъ покуситься овладѣть шлюпкою; что же касается до него, я просилъ его наблюдать двѣ вещи: никому не говорить о моемъ намѣреніи и примѣчать мои движенія, чтобъ при удобномъ случаѣ могъ онъ за мною послѣдовать въ роковой боть. Онъ тотчасъ отъ насъ удалился, а я и маіоръ, оставшись наединѣ, немедленно составили планъ, какъ намъ ухъзть съ корабля, и чрезъ двѣ минуты исполнили оный. Маіоръ потихоньку сошелъ въ большую каюту, назначенную для пассажировъ, и увѣдомилъ о нашемъ намѣреніи офицеровъ своего полка, которые тамъ находились: время было дорого, малѣйшая медленность могла быть для насъ пагубна, и потому онъ не искалъ другихъ, бывшихъ тогда въ разныхъ частяхъ корабля; а я, вошедши въ капитанскую каюту, и затворивъ за собою двери, чтобъ съ бока нельзя было видѣть, что въ ней происходитъ, открылся въ короткихъ словахъ бывшему у меня слугою солдату моей роты, который также былъ взятъ въ плѣнъ я, по милости Лорда Пигота, отправленъ со мною. Корабль вашъ,

былъ весьма великъ, но не имѣлъ кормовой галереи: а потому я приказалъ своему слугѣ спуститься изъ окна посредствомъ веревки въ шлюпку; далъ ему мою саблю и топоръ, и велѣлъ рубить всѣхъ, не смотря на лица, кто покусится войти въ нее, кромѣ тѣхъ, кои спустятся изъ окна, у котораго я буду находиться. Приказаніе мое было исполнено съ совершенною точностью: храбрый и смѣлый человѣкъ умѣлъ сохранить шлюпку для кого я ее назначилъ, и къ счастью мы спустились въ нее съ такою скоростью, и такъ скрытно, что онъ не имѣлъ нужды прибѣгать къ кровопролитію. Коль скоро капитанъ, отъ робости и нерѣшительности (*) едва не потерявшій случая спа-

(*) Полевой французскій офицеръ, вѣроятно не знавшій морскихъ законовъ, и можетъ быть, не имѣвшій ни какого понятія о щекотливости англійскихъ мореходцевъ въ отношеніи ко всему тому, чего требуетъ честь, легко могъ сдѣлать ошибку и почестъ трусостью нерѣшительность капитана, происходившую отъ другихъ причинъ. Ему предстоялъ самый затруднительный выборъ: или утонуть, или спастись съ потерею чести, а притомъ если бы корабль спасся, а шлюпка потонула, тогда онъ и потерялъ бы жизнь, и обезславилъ бы свое имя. Такое положеніе, неизвѣстное опытнымъ офицерамъ сухопутной службы, можетъ привести въ нерѣшимость самаго твердаго и неустрашимаго человѣка. Въ нѣкоторыхъ службахъ, если капитанъ оставить свой экипажъ во время бѣдствія на погибель, а самъ спасется, ему стоитъ только оправдать себя предъ правительствомъ, а вотомъ: *какъ ни въ чемъ не бывалъ!* Но у насъ, въ Россіи, и въ Англіи не скоро смоешь онъ это пятно. Одинъ командиръ англійскаго купеческаго брига, точно такимъ образомъ спасся, оставивъ экипажъ, который однако жъ также въ послѣдствіи былъ спасенъ. Онъ послѣ служилъ на одномъ со мною фрегатѣ (Fisguard) въ званіи штурманскаго помощника (Master's mate) и былъ покоенъ доколѣ у насъ не знали объ этомъ приключеніи его жизни. Когда же это какъ-то случайно открылось, то хотя никто ему не упрекалъ и не смѣялся, но онъ сдѣлался задумчивъ и печаленъ, и сталъ проситься объ увольненіи съ фрегата. При семъ случаѣ признался онъ первому лейтенанту, что ему нѣсколько разъ приходила въ голову мысль застрѣлиться; но вѣра и страхъ Го-

сти себя, къ намъ спустился, мы тотчасъ отрубилъ багштовъ, и въ нѣсколько минутъ удалились на довольно значительное разстояніе отъ корабля.

«Теперь мы, въ открытомъ гребномъ, суднѣ, отдались на произволъ волнамъ и вѣтрамъ. Насъ всѣхъ было двадцать пять человѣкъ; въ томъ числѣ двѣ молодыя дамы, жены офицеровъ Пѣхотнаго Кутова Полка. Никто изъ насъ не имѣлъ на себѣ порядочнаго, теплаго платья, и всѣ мы сидѣли въ шляпкѣ какъ ни попало, смѣшавшись съ свиньями и поросятами. Первою заботою нашею было сдѣлать болѣе простора, и мы начали бросать свиней за бортъ, оставивъ только семь для употребленія въ пищу, иначе крайность могла бы довести насъ до ужасной необходимости пожирать другъ друга. Очистивъ бортъ, рѣшились мы сдѣлать парусъ; на сей конецъ всякій изъ насъ пожертвовалъ одною вещью изъ своего платья: кто далъ жилетъ, кто рубашку, и проч. И дамы не были исключены и принуждены дать для общаго блага по одной юпкѣ. Всѣ эти вещи, связанные лоскутьями носовыхъ платковъ, составляли нашъ парусъ, столько же смѣшной, сколько слабый и малонадежный.

«Пока мы приводили такимъ образомъ шляпку свою въ порядокъ, несчастный экипажъ дѣлалъ намъ знаки чтобъ мы воротились, показывая сигналами, что на кораблѣ все исправлено и течь прекращена. Эту хитрость употребили погибающіе, чтобъ заманить насъ назадъ, въ надеждѣ самимъ спастись. Малодушный и слабый капитанъ, повѣривъ имъ, хотѣлъ воротиться, и если бъ мы его послушали, то сдѣлались бы непременно жертвою его и собственной своей безразсудности. Но мы старались какъ можно далѣе держать отъ корабля, и чрезъ нѣсколько минутъ имѣли причину благодарить Бога, что онъ внушилъ

споень удерживали его отъ самоубійства. Когда начальникъ торговаго судна такъ много страдалъ отъ нарушенія своей обязанности и столь дорого цѣнилъ честь свою, что же долженъ чувствовать военный офицеръ, впавшій въ подобное несчастіе?

Прим. перев.

намъ эту осторожность. Мы увидѣли, что корабль пересталъ слушаться руля и поворачивался въ разныя стороны, а иногда совсѣмъ кругомъ; вскорѣ послѣ того упали на немъ мачты, срубленные, какъ должно было полагать, экипажемъ, который теперь въ отчаяніи наполнялъ воздухъ страшнымъ воплемъ, потрясавшимъ въ насъ всѣ чувства. Примѣтно было, что злополучные бѣдствующіе, бросая все, что имъ ни попадалось за бортъ, хотѣли еще нѣсколько минутъ продлить жизнь свою. Потомъ въ нашедшемъ тогда туманѣ корабль скрылся отъ глазъ нашихъ, но крикъ и вопль мы еще слышали минутъ пять; наконецъ все умолкло: нѣтъ сомнѣнія, что въ это время онъ, со всѣми на немъ бывшими, пошелъ на дно.

Во всякомъ случаѣ мы бываемъ счастливы только по сравненію: сколько сначала мы радовались и считали себя благополучными, что Провидѣніе избавило насъ участи, постигшей отъ пяти до шести сотъ нашихъ товарищей, столько же теперь оплакивали и болѣзновали о собственномъ своемъ крайне отчаянномъ положеніи! Какихъ опасностей суждено намъ было испытать? Сколько мученій мы претерпѣли? Сколько бѣдъ перенесли?

Мы находились среди открытаго моря, въ небольшомъ, слабомъ гребномъ суднѣ, которое каждая волна могла наполнить и погрузить на дно: безъ компаса, безъ снастей. Словомъ, въ такомъ состояніи, что одно только особенное покровительство Провидѣнія могло спасти насъ!

Сверхъ того у насъ не было ни капли прѣсной воды и, кромѣ свиней ни какихъ съѣстныхъ припасовъ. Всплесками насъ часто обливало, и шляпку наполняло водою, которую мы должны были отливать безпрестанно. Не имѣя сухаго платья для неремѣнны мокраго, мы день и ночь дрожали отъ холода и были въ безпрестанномъ страхѣ, чтобъ вѣтеръ не усилился и не погубилъ насъ. Въ такомъ ужасномъ положеніи мы носились на волнахъ по волѣ вѣтровъ семь сутокъ.

Въ теченіе сего времени. мы выдавали въ день на каждого человѣка по полторы ложки свиной крови; а кому желудокъ позволялъ, тѣ ѣли сырое мясо. Мы каждыя

сутки убивали по одной свиньи, слѣдовательно въ седьмой день ни одной уже у насъ не осталось. Я питался только запекшеюся кровью и печенью, которую сосалъ, а послѣ выбрасывалъ. Солдатъ мой служилъ намъ мясникомъ, и потому всегда сберегалъ для меня эту часть.

«Вскорѣ послѣ полуночи на седьмыя сутки, мы услышали вдали какой-то глухой шумъ, который, казалось, происходилъ отъ буруна, по камнямъ ходившаго, или отъ морскаго прибоя, разливавшагося на берегахъ. Мы плыли между страхомъ и надеждою, и съ чрезвычайнымъ нетерпѣніемъ ожидали дневнаго свѣта. Наконецъ разсвѣтъ, обыкновенно въ такихъ случаяхъ медленно приходящій, наступилъ и не открылъ намъ ничего, кромѣ необозримаго пространства воды. Вообразить нельзя, какое ужасное дѣйствіе произвелъ надъ нами сей обманъ: мы тотчасъ перешли отъ надежды къ отчаянію, и вѣроятно, большая часть изъ насъ не были бы въ состояніи перенести жестокаго своего жребія, если бъ десница Вышняго не защитила насъ.

«Около семи часовъ того же утра одинъ изъ нашихъ товарищей вдругъ закричалъ, что видитъ берегъ или что-то другое, подобное землѣ. Устремивъ взоры свои въ ту сторону, въ которую онъ показывалъ, увидѣли мы на горизонтѣ темное пятно, которое дѣйствительно казалося намъ берегомъ, и тѣмъ яснѣе, чѣмъ больше на него смотрѣли. Теперь надежда снова подкрѣпила насъ; мы стали держать прямо на видимый предметъ, и въ девять часовъ могли отличить горы и высокія мѣста; но самый берегъ не прежде увидѣли, какъ уже подѣхавъ почти вплотъ къ нему; ибо онъ былъ чрезвычайно низокъ. Едва ли можно изъяснить впечатлѣніе, произведенное въ насъ симъ радостнымъ событіемъ; однако жъ я постараюсь описать оное, какъ умѣю: колы скоро мы увѣрились, что дѣйствительно видимъ берегъ, сердца наши преисполнились необыкновеннымъ удовольствіемъ; мы почувствовали въ себѣ силу и бодрость, какихъ прежде вовсе не имѣли, и радость произвела въ душахъ нашихъ, если можно уподобить, то же дѣйствіе, какое производитъ огонь, благотворною своею

Часть III.

силою надъ тѣломъ, терпѣвшимъ пронзительный холодъ, когда онъ, согрѣвая озябшіе и онѣмѣлые члены, начнетъ возвращать имъ прежнія чувствованія и, такъ сказать, приведетъ опять въ жизнь и движеніе. Мы никогда такъ дорого не цѣнили бытія своего, какъ въ эти минуты; казалось, что мы начинаемъ снова существовать, и оттого съ невнятнымъ восторгомъ жизнь нашу почитали высочайшимъ и совершеннѣйшимъ благомъ. Надобно быть въ положеніи, подобномъ нашему, чтобъ постигнуть въ точности, что чувствуетъ человѣкъ, находясь въ ономъ; ибо ни какія другія обстоятельства жизни человѣческой не могутъ имѣть съ онымъ ни малѣйшаго сравненія.

«Теперь представился вопросъ: какимъ образомъ пристать къ берегу? Мы находились въ крайнемъ затрудненіи, ибо прибой морской былъ чрезвычайно великъ и опасенъ, а на берегу мы не видали ни жилищъ, ни людей, ни чилингевъ (*). Это ясно показывало, что здѣсь никогда не приставалъ ни одинъ европейскій ботъ. Въ совѣтъ большинства голосовъ положено было пристать къ берегу во что бы то ни стало, и всякому спастись, какъ можетъ. Мнѣніе сіе поддерживали всѣ умѣвшіе плавать, а особливо самъ капитанъ, который даже объявилъ, что онъ надѣется на себя и увѣрепъ, что спасется непременно. Но сей планъ былъ противенъ здравому разсудку и по долгу человѣколюбія не могъ быть принятъ; ибо осуждалъ на явную смерть всѣхъ, кто не умѣлъ плавать, и особенно двухъ несчастныхъ женщинъ; а также и мнѣ самому съ моимъ слугою, котораго жизнь я цѣнилъ не менѣе моею собственною, предстояла таже участь, потому что ни одинъ изъ насъ и минуты не могъ продержаться на водѣ. По симъ причинамъ я отвергъ это мнѣніе, и рѣшительнымъ тономъ сказалъ капитану, что доколѣ я живъ, не допущу исполнить столь безчеловѣчнаго предпріятія; а такъ какъ весьма многіе изъ насъ не могутъ плавать, то долгъ его есть править вдоль берега, пока не сыщется мѣста, гдѣ всѣ мы

(*) Сямъ именемъ въ Остѣ-Индіи называются маленькія лодки, употребляемыя для переѣзда буруновъ. *Прим. перев.*

можемъ выйти безопасно. Къ тому присовокупилъ я, обнаживъ саблю, что онъ долженъ будетъ отвѣчать своею жизнію за безопасность каждаго изъ находящихся въ шлюпкѣ.

«При сихъ словахъ англійскій офицеръ, по имени Скоттъ, человѣкъ бѣшенаго нрава и всегда готовый на ссору, вскричалъ: «Какъ! одинъ Французъ, и притомъ пѣвннй, осмѣливается предписывать здѣсь намъ законы и называть насъ варварами!» — «Государь мой,» отвѣчалъ я ему хладнокровно: «общее наше несчастіе всѣхъ насъ поравняло, и я здѣсь столь же свободенъ, какъ и вы, и потому, будучи готовъ дать вамъ всякое удовлетвореніе, какое вы при другихъ, болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, отъ меня потребуете, теперь повторяю, что капитанъ будетъ отвѣчать собственною жизнію за жизнь каждаго изъ нашихъ товарищей.»

«Устрашенный сами угрозами, боязливый нашъ капитанъ приказалъ двумъ ласкарамъ, отмѣнно искуснымъ пловцамъ, взять меня подъ руки и стараться спасти; а самъ сталъ на руль (*) и правилъ съ такимъ искусствомъ или, лучше сказать, счастьемъ, что мы стали на мель безъ всякаго опаснаго приключенія; но лишь только боть коснулся два, въ самую ту секунду, по весьма естественному въ подобныхъ случаяхъ нетерпѣнію, двѣнадцать человѣкъ вдругъ бросились въ воду и едва было не погибли, хотя въ числѣ ихъ находились нѣкоторые, умѣвшіе очень хорошо плавать. Притомъ они въ это время разлучились съ нами; ибо два большіе вала, нашедшіе одинъ послѣ другаго, поднявъ шлюпку, перенесли ее чрезъ баръ въ рѣку, которой прежде сего мы не примѣтили. Рѣка сія была отмѣнно быстра и теченіемъ насъ скоро принесло къ мели, посредствомъ коей мы тотчасъ вышли на берегъ благополучно.

«Я желалъ бы умѣть живо изобразить сію минуту: едва

(*) Видно капитанъ былъ не слишкомъ *устрашенъ*, когда поставилъ на своемъ и спасъ всѣхъ. Но, какъ кажется, не *устрашили* ли буруны самаго Г. Керnea до того, что велѣно было двумъ матросамъ вытащить его на берегъ.

мы почувствовали, что стоимъ твердо на сушѣ, какъ каждый изъ насъ, позабывъ о своихъ товарищахъ, занимался и радовался только своему собственному спасенію. Взоры наши, обращаясь во всѣ стороны, нетерпѣливо искали прѣсной воды и чего нибудь для продолженія нашего существованія. Мы увидѣли небольшое озеро и тотчасъ, какъ утки, бросились туда, чтобъ утопить жажду, мучившую насъ несноснымъ образомъ въ продолженіе осьми дней, и съ которою самый сильный жаръ горячки ни какъ сравниться не можетъ. Чтобъ имѣть подлежащее понятіе о дѣйствиіи жажды въ высочайшей ея степени, должно испытать то, что мы претерпѣли. Жажда, изъ всѣхъ недуговъ и недостатковъ, коимъ бываетъ подверженъ родъ человѣческій, терзаемый жаждою, за стаканъ воды готовъ разстаться съ сокровищами цѣлаго міра. Изъ сего вы можете заключить о нашемъ восторгѣ, когда, послѣ продолжительнаго недостатка въ питьѣ, мы увидѣли себя на берегу прозрачнаго озера. Напившись досыта, принялись мы утолять голодъ растеніями и раковинами, которыя, къ счастью нашему, тутъ же находились въ большомъ количествѣ: двое сутокъ не было у насъ другой пищи.

«Мы крайне сожалѣли о своемъ разлученіи и желали соединиться, но глубина и быстрота рѣки препятствовали; а потому каждая партія сама по себѣ отправилась во внутренность земли, съ намѣреніемъ сыскать какое либо селеніе. Мы спаслись на берегахъ области владѣтеля арсапурскаго (Arsapour), недалеко отъ устья рѣки Гангеса. Едва успѣли мы пройти нѣсколько миль, какъ и попались въ сѣти, разставленные для насъ жителями. Они подослали къ намъ двухъ рыбаковъ, увидѣвшихъ насъ прежде всѣхъ, сказать намъ, что владѣтель ихъ, извѣстясь о нашемъ прибытіи на берега его области и о бѣдственномъ положеніи, въ коемъ мы находимся, по сродному ему человѣколюбію и добродушію, желаетъ сдѣлать намъ всякое вспоможеніе, и уже приказалъ доставить намъ въ сіе мѣсто, гдѣ мы теперь находимся, на первый случай нужное количество съѣстныхъ припасовъ. Утверждая это, рыбаки совѣтовали намъ не ходить далѣе, а ожидать пособія на мѣ-

стѣ. Чрезъ нѣсколько часовъ послѣ сего, дѣйствительно принесли къ намъ, отъ имени владѣльца, въ изобиліи сараципскаго пшена и свиного жиру, съ увѣреніемъ, что на другой деѣ онъ доставитъ намъ болѣе съѣстныхъ припасовъ и лучшаго качества, и приметъ мѣры помѣститъ насъ въ хорошія жилища, гдѣ могли бы мы укрываться по ночамъ отъ росы, пагубной для здоровья въ здѣшнемъ климатѣ. Обѣщаніе это было исполнено въ назначенное время: многочисленный отрядъ жителей явился съ съѣстными припасами, имѣя приказаніе, какъ они объявили, проводить насъ въ покойное жилище; но вмѣсто того они насъ привели на небольшой островъ и задержали на немъ, какъ плѣнниковъ. Товарищей нашихъ они также обманули и провели въ заключеніе другою дорогою, такъ, что одна партія не имѣла о другой ни какого свѣдѣнія.

«Семь недѣль мы находились подъ карауломъ на островѣ, не имѣя ни какой пищи, кромѣ чернаго пшена и дважды въ недѣлю по куску отвратительной, полусгнившей соленой рыбы, за которыя однако жъ должны были платить столько, что въ короткое время лишились почти всего, что имѣли. Къ счастью удалось намъ задобрить двухъ негровъ, которымъ былъ ввѣренъ надзоръ надъ нами. Одна изъ бывшихъ съ нами дамъ, Г-жа Тетъ, родомъ изъ Ирландіи, имѣла весьма пріятный голосъ, и часто пѣла англійскія пѣсни, которыя симъ неграмъ отмѣнно нравились, хотя они въ нихъ не понимали ни одного слова; а за удовольствіе, доставляемое имъ такимъ образомъ, они были къ намъ снисходительны: снабжали насъ иногда плодами и хорошею пищею. Но вода, которую мы припуждены были употреблять, была столь вредна здоровью, что изъ обѣихъ нашихъ партій тринадцать человѣкъ лишились жизни, оставшіеся двѣнадцать всѣ страдали лихорадкою и болѣзнями въ печени, отъ коихъ столь похудѣли и получили въ лицѣ такой желтый цвѣтъ, что не походили на Европейцевъ.

«Изъ всѣхъ бѣдствій, коимъ часто подвергаетъ судьба родъ человѣческій, самыя горестныя и тягчайшія суть тѣ, которыя отнимаютъ у насъ способы предпринять наше избавленіе и лишаютъ всякой надежды получить оное. По

сей-то причинѣ мы находили единственное утѣшеніе свое въ изобрѣтеніи средствъ уйти изъ несноснаго нашего заключенія. Бывшіе съ нами двое ласкаровъ, казалось, могли намъ оказать въ семъ случаѣ преважную услугу: одна изъ дамъ имѣла карандашъ; мы написали имъ записочку въ мѣстечко Борасоль, гдѣ Англичане завели небольшую торговую оѣдлость. Общія ласкарамъ выдать значительную сумму денегъ въ первомъ европейскомъ селеніи, по освобожденіи нашемъ изъ неволи, мы ихъ склонили, не взирая на всѣ трудности и опасность пути, взять на себя доставленіе нашей записки. Въ семъ предпріятіи они должны были переплыть три или четыре большія рѣки, и всегда путешествовать по почамъ, чтобъ не попасться жителямъ. Проворство и ловкость ихъ помогли имъ избѣжать весьма многихъ опасностей и затрудненій; а тѣ, которыхъ миновать нельзя было, преодолѣли они смѣлостью и терпѣніемъ, и наконецъ прибыли въ Каттакъ, мѣстопробываніе владѣльца области Маратовъ. Ихъ тотчасъ представили къ нему, и на сдѣланные имъ вопросы, они рассказали подробно, какъ мы претерпѣли кораблекрушеніе и спаслись, и какимъ образомъ владѣтель Арсапура держитъ насъ въ заключеніи. Ласкары не позабыли присовокупить, что между нами были двѣ молодыя женщины, и что всѣ мы люди знатные. Старшина спросилъ ихъ, годимся ли мы къ нему въ солдаты, и такъ ли пригожи женщины, что могутъ быть въ его сералѣ. На это ласкары дали ему такой отвѣтъ, что онъ, немедленно призвавъ къ себѣ сына владѣтеля арсапурскаго, бывшего у него заложникомъ, велѣлъ ему тотчасъ написать къ своему отцу, чтобъ онъ безъ малѣйшаго отлагательства прислалъ всѣхъ насъ къ нему въ Каттакъ. Слѣдуя общей политической осторожности всѣхъ мелкихъ владѣльцевъ Индіи, онъ велѣлъ вести насъ по самымъ худымъ и почти непроходимымъ дорогамъ. Обѣ наши партіи отправились въ путь, каждая съ своими провожатыми, порознь; но чрезъ нѣсколько часовъ соединились и послѣ путешествовали уже вмѣстѣ. Мы находились въ разлукѣ два мѣсяца и другъ о другѣ ничего не слыхали, и такъ вы можете себѣ живо представить радость, которую

каждый изъ насъ ощутилъ при свиданіи съ своими товарищами. Мы взаимно одинъ другаго спрашивали и рассказывали о нашихъ приключеніяхъ и навѣдывались объ умершихъ; и хотя сами походили на привидѣнія, на движущихся скелетовъ, но поздравляли сердечно другъ друга, что еще находимся въ живыхъ.

«Разстояніе отъ мѣста нашего заключенія до Каттака простиралось на четырнадцать дней пути, который мы совершили пѣшкомъ и почти босые. Переходы наши были весьма коротки; ибо мы всѣ болѣе или менѣе хворали и были крайне утомлены. Идучи болотистыми мѣстами, мы часто припужденными находились бродить попоясъ въ тинѣ; сверхъ того нѣсколько разъ переправлялись чрезъ большія рѣки; причемъ умѣвшіе плавать помогали неумѣвшимъ. Бѣдныя Англичанки, будучи изъ весьма хорошаго состоянія, получили воспитаніе, вовсе не приготовившее ихъ для подобныхъ путешествій. Нельзя было смотрѣть на нихъ безъ крайняго соболѣзнованія, и отъ ихъ страданія увеличивалось наше собственное. Одна изъ сихъ несчастныхъ, Г-жа Нельсонъ, умерла за четыре дня до прибытія нашего въ Каттакъ, а другая, хотя была на четвертомъ мѣсяцѣ беременности, выдержала всю дорогу и прибыла въ упомянутый городъ вмѣстѣ съ нами.

«При концѣ каждого перехода, мы чувствовали чрезвычайную усталость, и верѣдко находились въ совершенномъ изнеможеніи; не взирая на то, ночлеги наши были подъ деревьями, потому что жители не позволяли намъ ногою ступить въ ихъ дома: религія ихъ запрещаетъ имъ оказывать гостепріимство Европейцамъ. Наконецъ прибыли мы въ Каттакъ, только не всѣ въ одинъ день. Мы узнали, что въ семь мѣстѣ находится англійская факторія, и тотчасъ съ превеликою радостію пошли посѣтить оную, но къ крайнему нашему огорченію, не нашли въ ней ни одного Европейца: въ ней жили только нѣсколько чловѣкъ сипоевъ, на компанейскомъ жалованьи. Однако жъ сипои приняли насъ чловѣколюбно, и тронувшись нашимъ положеніемъ, тотчасъ пошли на базаръ и купили для насъ хлѣба. Мы съ жадностію его ѣли и, запивая чистою во-

дой, находили, что нѣтъ въ свѣтѣ блюда столь вкуснаго. Мы чрезвычайно радовались, что наконецъ обитаемъ не подъ открытымъ небомъ, и защищены отъ вреднаго дѣйствія дождя и вѣтра. Эту ночь мы спали весьма покойно, а поутру ожидали, что владѣтель Мараттовъ дастъ какое нибудь касательно насъ повелѣніе; но въ это время онъ объѣзжалъ свои области, а старшины или министры его не обращали на насъ ни какого вниманія, и мы померли бы съ голода, если бъ сипои не продолжали кормить насъ какъ могли.

«Между тѣмъ, пока мы шли съ острова въ Каттакъ, ласкары наши, скрывши отъ маратскаго старшины данное имъ отъ насъ порученіе, старались всѣми мѣрами исполнить оное, и прибывъ въ Баррасоль благополучно, извѣстили находившихся тамъ Англичанъ о нашемъ положеніи, а сами отправились въ Калькуту, гдѣ явились къ Англійскому Губернатору, Г. Ваиспарту. Губернаторъ, ни мало не медля, отправилъ къ намъ пособіе, которое, по причинѣ разстоянія, дошло до насъ спустя уже двадцать пять дней по прибытіи нашемъ въ Каттакъ. Онъ старался всѣми мѣрами убѣдить Мараттовъ, дать намъ свободу; но какъ сей народъ имѣлъ тогда неудовольствіе на Компанію, то и не хотѣлъ уважить просьбы купцовъ. По сей причинѣ нужно было прибѣгнуть къ Полковнику Куту, побѣдителю Индіи, вліяніемъ коего насъ немедленно освободили.

«Товарищи мои теперь съ нетерпѣніемъ желали скорѣе отправиться въ Баррасоль, отстоящій отъ Каттака на шесть дней хода; что же принадлежитъ до меня, то я, съ вѣрнымъ моимъ слугою, не сталъ дожидаться общаго отправленія, а пустился въ дорогу немедленно. Въ Каттакѣ я нашелъ одного Европейца, родомъ изъ Россіи; онъ былъ канонеромъ въ войскахъ Генерала Бусси, а нынѣ находился въ службѣ Маратскаго Владѣтеля офицеромъ артилеріи. Такъ какъ онъ умѣлъ говорить по-французски, то я, не сказавъ ему о себѣ, старался выведать его мысли на счетъ Г. Бусси, и онъ меня увѣрялъ чистосердечно, что Европейцы ему обязаны за доброе мнѣніе, которое нынѣ имѣютъ объ нихъ жители Индіи, и что во всю

жизнь свою онъ не перестанетъ объ немъ сожалѣть и обожать его: это были его собственныя слова. Послѣ того, я открылъ ему, что я и слуга мой Французы въ плѣну у Англичанъ, и просилъ его доставить мнѣ средства скорѣе выѣхать изъ Каттака. Онъ обѣщался удовлетворить моему желанію, если только товарищи мои не будутъ ничего знать о семъ намѣреніи до самаго моего отъѣзда. Я сохранилъ тайну, а онъ сдержалъ свое слово, и доставилъ мнѣ позволеніе, по коему я немедленно, съ своимъ слугою, отправился въ путь на двухъ телѣжкахъ, на которыхъ здѣсь люди возятъ путешественниковъ. На путевыя издержки я продалъ галстучную пряжку и запонку, не имѣя другихъ вещей. Предъ самымъ отъѣздомъ я простился съ своими товарищами, и признался имъ откровенно, какъ получилъ позволеніе, чтобъ и они могли воспользоваться тѣми же средствами.

«Но путешествіе наше въ Баррасоль едва не сдѣлалось намъ пагубно: два раза нападали на насъ тигры, и при одномъ нападеніи, мы съ ужасомъ и горестью видѣли, какъ одинъ изъ сихъ лютыхъ и свирѣпыхъ звѣрей, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ, схватилъ и унесъ Индѣйца, который по разнымъ обстоятельствамъ былъ для насъ весьма полезенъ и услужливъ. Тотъ же тигръ, растерзавъ сего несчастнаго, опять выбѣжалъ изъ лѣса и смотрѣлъ на насъ съ яростію; но сомкнувшись плотнѣе, мы скоро прогнали его громкимъ крикомъ.

«Въ Баррасолѣ нашелъ я нѣсколько Англичанъ, готовившихся отправиться моремъ въ Бенгалъ; они предложили мнѣ быть ихъ спутникомъ, и я лишь только успѣлъ выпить рюмку вина, какъ тотчасъ переѣхалъ на корабль.

«Черезъ шесть или семь дней прибыли мы въ Калькуту: сей переходъ весьма затруднителенъ по причинѣ быстраго теченія рѣки Гангеса, по которой надобно подниматься, и сколь онъ ни коротокъ, но усыянъ опасностями, и я едва было не претерпѣлъ еще разъ кораблекрушенія. Въ Гупилѣ нашли мы нѣсколько англійскихъ остъ-индскихъ кораблей; я просилъ Англичанъ позволить мнѣ отправиться на одинъ изъ нихъ; они видѣли, что я и слуга мой были

очень больны, и не держали насъ, а потому, заплативъ за лодку послѣднія двѣ руппін, бывшія у меня въ карманѣ, мы переѣхали на корабль Пласси, находившійся подъ командою Капитана Варда. Теперь, думалъ я, пришелъ конецъ нашимъ страданіямъ, и мы скоро всѣ бѣды забудемъ. На кораблѣ прсжде всѣхъ сталъ со мною говорить Г. Вайтъ, капитанъ десантныхъ войскъ; онъ принялъ насъ за солдатъ, которые были ограблены жителями, и дѣйствительно, какъ лице, такъ и платье наше показывали, что мы находились въ самомъ бѣдственномъ, нищенскомъ состояніи, и заслуживали состраданія. Великодушный Англичанинъ, подойдя ко мнѣ, сказалъ на своемъ собственномъ языкѣ: «Бѣдный служивый! ты очень плохо обмундированъ! Кто ты и откуда сюда пріѣхалъ?» — «Вы не ошиблись,» отвѣчалъ я, «я точно солдатъ, а также вотъ и этотъ человѣкъ солдатъ; мы и то почитаемъ за великое счастье, что сохранили жизнь свою.» Потомъ я рассказалъ ему о всѣхъ нашихъ приключеніяхъ, и что за жизнь свою обязанъ я во-первыхъ храбрости солдата моей роты, а потомъ его же усердію въ должности слуги моего, и наконецъ объявилъ мой чинъ и имя. Г. Вайтъ, услышавъ нашу исторію, тотчасъ далъ мнѣ свое платье одѣться съ головы до ногъ: въ семь пособій я имѣлъ крайнюю нужду; ибо десять недѣль носилъ одну рубашку, которую изрѣдка снималъ, чтобъ сполоснуть съ нея насѣкомыхъ, и она была уже вся въ лоскутьяхъ. Товарища моего, почти нагаго, также одѣли въ чистое платье. Потомъ Г. Вайтъ предложилъ мнѣ шоколатъ и завтракъ; но я былъ такъ слабъ, что одинъ запахъ шоколата едва было не причинилъ мнѣ обморока, и потому меня напоили чаемъ. Сей достойный офицеръ, равно и капитанъ корабля, прилагали объ насъ всевозможное попеченіе. Они предложили мнѣ ѣхать въ Калькуту на небольшомъ суднѣ, которое отправлялось туда въ самый тотъ день. Съ трудомъ и не безъ сожалѣнія я на то согласился; ибо принужденъ былъ оставить вѣрнаго моего товарища, который, заболѣвъ сильною горячкою, не могъ за мною слѣдовать. Но какъ пособить сему горю нельзя было, и я былъ увѣренъ въ

человѣколюбіи Англичанъ, что они примутъ его полъ свое покровительство, то, простившись съ нимъ со слезами, отправился въ путь, а онъ вскорѣ послѣ того умеръ въ англійскомъ калькутскомъ госпиталѣ.

«На другой день прибыли мы въ Калькуту; я тотчасъ явился къ Губернатору, Г. Ванситарту; онъ принялъ меня ласково и, какъ военноплѣнному, тогда же назначилъ содержаніе по сту двадцати рупій въ мѣсяцъ; но впередъ, на мои ладобности, не хотѣлъ дать ни копѣйки. И такъ я принужденнымъ нашелся прибѣгнуть къ покровительству благодѣтеля моего Вайта: онъ далъ мнѣ триста рупій, на которыя я купилъ бѣлье и платье. Я жилъ въ Калькутѣ два мѣсяца, не получая содержанія, губернаторомъ мнѣ опредѣленнаго, и когда мнѣ надлежало получить оное, меня вдругъ назначили къ отправленію въ Европу на кораблѣ Гаукѣ, который все еще находился при длѣшнихъ берегахъ. Я былъ боленъ, и не имѣлъ многихъ нужныхъ вещей; но не смотря на то, меня принуждали ѣхать, доколѣ не вошелъ, по благосклонности своей, въ мое положеніе Полковникъ Кутъ; тогда отложили отправленіе мое до другаго времени.

«Я ласкался надеждою, что губернаторъ, по званію моему капитана королевскихъ войскъ и офицера Главнаго Штаба, уважитъ мои векселя на Французскую Остъ-Индскую Компанію, и дастъ мнѣ за нихъ денегъ; но онъ отказался принять оныя, и тѣмъ заставилъ меня по необходимости войти въ долги. Но когда я сказалъ о семъ Полковнику Куту, то онъ прислалъ мнѣ триста рупій; а слѣдуя ему и губернаторъ доставилъ четыреста: это вся сумма, которую я отъ него получилъ; но сія бездѣлица не много мнѣ помогла, и я выѣхалъ изъ Калькуты, оставаясь въ долгахъ.

«2-го Февраля пріѣхали мы въ Гуниль, на рѣкѣ Гангесѣ, гдѣ я вступилъ на корабль Голдернестъ, подъ начальствомъ капитана Брука; онъ принялъ меня чрезвычайно хорошо. Насъ всѣхъ на семъ кораблѣ было тринадцать или четырнадцать паѣиныхъ французскихъ офицеровъ. Безъ всякаго примѣчательнаго происшествія, мы прибыли благопо-

лучно въ Лондонъ, откуда чрезъ мѣсяцъ, съ позволенія Англійскаго Правительства, я возвратился во Францію.»

Гибель Англійскаго Остъ-Индскаго корабля Даттона, разбишагося на югозападной сторонѣ горы Баттенъ (*), 26-го Января 1796 года.

Англійскій Остъ-Индскій корабль Даттонъ, принадлежавшій къ флоту, бывшему подъ конвоемъ Адмирала Кристіана, пришелъ въ Плимутъ 25-го Января 1796 года, а на другой день въ десятомъ часу утра началась жестокая буря отъ SW, силою коей начало корабль дрейфовать, и не взирая на всѣ мѣры экипажа задержать его, около полудня принесло на каменья, паходящіеся на югозападной сторонѣ горы Баттенъ. Но лишь опъ ударился на нихъ, какъ тотчасъ и сошелъ, только въ то же время подорвало у него канаты, и корабль покатился къ NW. Тогда капитанъ, поставивъ форъ-марсель, хотѣлъ итти вдоль рейда; но какъ на каменьяхъ отбило у него руль, то и не было ни какой возможности править кораблемъ, а оттого въ половинѣ перваго часа, принесло его къ берегу подъ самую цитадель, и волненіемъ стало бить ужаснымъ образомъ. Капитанъ тотчасъ приказалъ срубить мачты; но это ни мало не помогло: чрезъ нѣсколько часовъ корабль переломился позади гротъ-мачты, и корма опустилась въ воду.

Когда корабль сталъ на каменья, тогда на немъ находилось пятьсотъ человѣкъ офицеровъ, матросовъ, солдатъ, женщинъ и дѣтей, изъ которыхъ, не взирая па жестокий вѣтеръ и весьма сильное волненіе, погибло только четверо, да и тѣ, запутавшіеся въ снастяхъ гротъ-мачты, были увлечены въ море при паденіи оной. Экипажъ за

(*) Mount Batten: гора на берегу плимутскаго рейда, называемаго Зундомъ. Рейдъ этотъ былъ открытъ и крайне опасенъ, доколѣ не сдѣлали на немъ съ невѣроятными трудами и издержками каменнаго оплота, о который волненіе разбивается; отчего рейдъ теперь сдѣлался для якорнаго стоянія совершенно безопаснымъ.

Прим. перев.

спасеніе своей жизни обязанъ Сирѣ Эдуарду Пеллю (*); ибо нетерпѣніе и безразсудность нижнихъ чиновъ, а особливо солдатъ, простиралась до такой степени, что они бросались въ воду, чтобъ только достигъ скорѣе берега, и люди, пришедшіе спасать ихъ, едва могли вытаскивать несчастныхъ, оставившихъ корабль въ отчаяніи. Но Сиръ Эдуардъ, съ опасностію жизни, переправился съ берега на корабль посредствомъ тонкой веревки, и своимъ благоразуміемъ и властью тотчасъ возстановилъ порядокъ, увѣривъ экипажъ, что опасности ни какой нѣтъ, и объявивъ оному, что онъ дотолѣ не оставитъ корабля, доколѣ не переберутся съ него всѣ до одного человѣка. Когда симъ объявленіемъ нижніе чины приведены были въ повиновеніе, начали ихъ переправлять по порядку посредствомъ гребныхъ судовъ, у берега закрѣпленныхъ, и по кабельтовамъ, протянутымъ съ корабля на берегъ, и такъ удачно, что ни одинъ человѣкъ не лишился жизни.

За такой человѣколюбивый, мужественный поступокъ Капитана Пеллю, градскія власти Плимута полнесли ему дипломъ на гражданство сего города (**).

Крушеніе транспортнаго корабля Дромедари, подъ начальствомъ Капитана Тейлора, на пути къ острову Троицы (Trinidad), 10-го Августа 1800 года,

Когда въ 1800 году прошелъ слухъ о намѣреніи непріятеля напасть на Островъ Троицы (Trinidad) и употребить для сего силу съ острова Гваделупы, на помощь первому изъ сихъ острововъ немедленно былъ отправленъ Второй Вестъ-Индскій Полкъ на королевскомъ транспорт-

(*) Пыль Адмиралъ Лордъ Экмутъ, тотъ самый, который начальствовалъ эскадрою, бомбардировавшею Алжиръ; въ 1796 году онъ былъ еще капитаномъ. *Прим. перев.*

(**) Извѣстно, что Англичане такое вниманіе своихъ согражданъ почитаютъ самою лестною для себя наградой.

Прим. перев.

номъ корабль Дромедари. Корабль сей старался пройти Абаказскимъ (Abacas) Проливомъ, составляющимъ одинъ изъ выходовъ большаго залива Паріи; но въ семъ покусеніи подвергся дѣйствію стремительнаго теченія, которымъ и былъ увлеченъ между подводныхъ камней, гдѣ около полуночи 10-го Августа претерпѣлъ совершенное крушеніе, описаніе коего помѣщаемъ здѣсь въ точныхъ словахъ одного изъ офицеровъ, находившихся тогда на семъ несчастномъ кораблѣ.

«Въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ мы не имѣли ни какой надежды сохранить жизнь свою; но съ помощію твердости и непрекословнаго повиновенія солдатъ Второго Вестъ-Индскаго Полка, удалось намъ спастись наконецъ самымъ чудеснымъ и неслыханнымъ образомъ. Капитанъ Тейлоръ, корабельные офицеры и нижніе чины поступали, при семъ несчастномъ случаѣ, съ хладнокровіемъ и безпримѣрнымъ мужествомъ. Корабль безпрестанно било на камняхъ бурунами у такого берега, котораго вплавъ достигъ никакъ не было возможно, ибо ни какой искусный пловецъ, сколь бы онъ силенъ ни былъ, не могъ сопротивляться дѣйствію ужаснаго прибоя, ударявшаго въ отвѣсныя каменистые берега. Напослѣдокъ бурунами прибило корабль столь близко къ берегу, что бушпритъ почти касался скалы; тогда одинъ изъ матросовъ, расклавшись на веревкѣ, опущенной съ бушприта, вскочилъ на берегъ: за нимъ нѣсколько другихъ перепрыгнули такимъ же образомъ, а потомъ приняли они и положили съ крамбола на берегъ запасныя рангоутныя деревья, по коимъ, слѣдуя одинъ за другимъ, весь экипажъ перебрался съ корабля.

«Теперь около пяти сотъ человекъ сидѣли, такъ сказать, прилѣпившись къ скалѣ, окруженной страшнымъ буруномъ, препятствовавшимъ гребнымъ судамъ приблизиться къ оной. Мы не имѣли ни одного куска съѣстныхъ припасовъ и ни капли прѣсной воды; притомъ каждую минуту ожидали, что корабль нашъ развалится на части, которыя отливомъ унесетъ въ море, и мы должны будемъ погибнуть голодною смертію. Въ такомъ отчаянномъ положеніи пробыли мы пятнадцать часовъ; наконецъ, къ безмѣрной на-

шей радости, увидѣли цѣлую флотилію гребныхъ судовъ, отправленныхъ по повелѣнію Губернатора Кетона, къ намъ на помощь. Счастливы мы были, что остатокъ корабля нашего уцѣлѣлъ; ибо сначала мы должны были опять на него перебраться, а съ него уже спускаться на гребные суда, которыя ни какимъ способомъ не могли бы взять насъ со скалы; но посредствомъ корабля мы всѣ были спасены прежде наступленія ночи.

«При семъ опасѣйшемъ изъ кораблекрушеній, Провидѣніе явнымъ образомъ ознаменовало свое намъ покровительство; ибо на кораблѣ находилось много женщинъ и дѣтей, изъ коихъ никто не лишился жизни: дѣти были привязаны за плечами своихъ матерей офицерскими шарфами.

«Я не могу прейти молчаніемъ происшествій, показывающихъ благородныя черты нѣкоторыхъ изъ нижнихъ чиновъ. Увидѣвъ, что одинъ матросъ привязывалъ къ себѣ жену свою, съ намѣреніемъ плыть съ нею на берегъ, я сказалъ ему, показавъ на буруны, что онъ хочетъ погубить и себя и ее; но если онъ оставитъ жену свою подъ моимъ покровительствомъ и уговоритъ нѣсколько человекъ пособить ему, то я дамъ имъ изъ росторъ дерево, которое они могутъ положить на берегъ и всѣ благополучно переправятся. Матросъ сдѣлалъ по моему совѣту и, оставивъ жену свою на берегу, возвратился ко мнѣ, и изъ благодарности дотолѣ не отходилъ отъ меня, пока я не вышелъ на берегъ. Когда корабль, ставъ на камень, наполнился водою, и экипажъ сначала въ страхъ и отчаяніи хотѣлъ пуститься вплавъ на берегъ, не взирая на явную гибель, коей онъ подвергался, тогда самые искусные пловцы изъ солдатъ не отходили отъ своихъ офицеровъ, съ тѣмъ, чтобъ плыть вмѣстѣ съ ними и въ случаѣ нужды спасти ихъ. Бѣдные люди! Они не понимали, что добродушіе и привязанность ихъ къ своимъ начальникамъ не могли имъ принести никакой пользы. Командиръ полка, Подполковникъ Кармайкель, во все время находился съ солдатами, и дѣйствовалъ съ обыкновеннымъ своимъ присутствіемъ духа и твердостью.»

Слѣдующее письмо, отъ Г. Подполковника къ Капитану Тейлору, приписать большую честь послѣднему, его офицерамъ и нижнимъ чинамъ.

«Островъ Троицы, 14-го Августа 1800 года.

«М. Г! Отъ всего моего сердца согласился я съ общимъ желаніемъ господъ офицеровъ Второго Вестъ-Индскаго Полка, состоящаго подъ моимъ начальствомъ, изъяснить вамъ, сколь много мы соболѣзуемъ о несчастіи, постигшемъ корабль Его Величества Дромедари, бывшій подъ вашею командой, въ то самое время, когда все ваше искусство и усердіе къ службѣ направлены были къ общей пользѣ и къ успѣху ввѣреннаго намъ предпріятія, требовавшаго рѣшительныхъ и отважныхъ дѣйствій.

«Я также, по собственному моему и господъ офицеровъ искреннему желанію, прошу, М. Г. васъ, служившихъ подъ вашимъ начальствомъ господъ офицеровъ и вообще весь экипажъ, принять усерднѣйшую нашу благодарность за ваше и ихъ къ намъ вниманіе и за попеченіе, которое вы принимали, чтобъ спасти жизнь нашу, когда уже не было ни какой возможности избавить корабль отъ гибели. Мы чувствуемъ въ полной мѣрѣ, что вамъ обязаны за спасеніе десантныхъ войскъ, бывшихъ на кораблѣ; ибо твердость и хладнокровіе ваши, при отдаваніи приказаній и распоряженіяхъ, и скорое исполненіе оныхъ и повиновеніе со стороны офицеровъ и нижнихъ чиновъ, вселяли въ каждого изъ находившихся на кораблѣ неограниченную къ вамъ довѣренность и надежду; а отъ сего былъ сохраненъ строгій и надлежащій порядокъ, отвратившій общее несчастіе.

«Въ заключеніе увѣряемъ васъ, что почтеніе и признательность наши къ вамъ никогда не изгладятся изъ сердца нашихъ, а я особенно съ своей стороны смѣю присовокупить, что на всегда пребуду, и проч.

Г. Л. Кармайкель,
*Подполковникъ Второго
Вестъ-Индскаго Полка.*

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.